Клаус Штикельмайер

ОТКРОВЕНИЯ немецкого истребителя танков

Танковый стрелок

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Клаус Штикельмайер

ОТКРОВЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ИСТРЕБИТЕЛЯ ТАНКОВ

ТАНКОВЫЙ СТРЕЛОК

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2010

УДК 355/359
ББК 63.3
Ш 91

Оформление серии *П. Волкова*

Штикельмайер К.

Ш 91 Откровения немецкого истребителя танков. Танковый стрелок / Клаус Штикельмайер ; [пер. с англ.]. М. : Яуза-пресс, 2010. — 288 с. — (Вторая Мировая война. Жизнь и смерть на Восточном фронте).

ISBN 978-5-9955-0186-2

После прихода Гитлера к власти в Германию начали возвращаться этнические немцы — фольксдойче, предков которых судьба разбросала по всему миру. Автор этой книги родился на Украине, откуда его семья эмигрировала в Канаду. Весной 1939 года Клаус Штикельмайер вернулся на историческую родину и вскоре был призван в Вермахт. Служил в 7-й танковой дивизии наводчиком на Pz IV, затем его перевели на самоходку Jagdpanzer IV — так из ***Panzerschütze*** (танкиста) он превратился в ***Panzerjäger'a*** (истребителя танков).

Как и многим его сослуживцам, попавшим на фронт после Курской битвы, Штикельмайеру не довелось испытать радость побед — в это время Красная Армия уже перехватила стратегическую инициативу и громила гитлеровцев на всех направлениях, — так что на их долю выпали лишь отступления и поражения. Автор прошел через тяжелейшие оборонительные бои в Румынии и Литве, чудом выжил в кромешном аду Восточной Пруссии — чтобы в своих уникальных мемуарах рассказать правду об ужасах войны, о жизни и смерти на Восточном фронте.

УДК 355/359
ББК 63.3

ISBN 978-5-9955-0186-2

Глава 1

ВЫВЕЗЕН В ГЕРМАНИЮ

Тысячи раз, когда меня спрашивали: «Что заставило тебя *вернуться* в Германию?» — тысячи раз я отвечал: «Я не *возвращался*, я родился в Канаде, а в Германии никогда не был».

В марте 1939 года, за два месяца до четырнадцатого дня рождения, меня выдернули из публичной школы Саддеби на Фредерик-стрит в Китченере, штат Онтарио, и вместе с братом Оскаром, на полтора года младше меня, посадили на поезд до Нью-Йорка. Там мы впятером сели на скоростной лайнер «Европа», ходивший до германского Бремерхафена.

В Китченере, готовя себя и брата к дороге, все, о чем я мог позаботиться, — торопливо и тихо собрать наши канадские паспорта и бесплатные билеты. Этот морок прошел, оставив нас без объяснения, почему нужно было уезжать из Канады — или, собственно говоря, почему мы должны молчать о своем неминуемом исходе. Мне часто хотелось понять, почему почти 70 лет назад меня и Оскара тайком отправили в Германию.

Мой отец, теплотехник рубашечной фабрики Форсайта в Китченере, часто читал немецкие иллюстрированные журналы. Об этом я знал. Он, и это я тоже знал, заходил после работы в магазин фруктов и ово-

щей «Коларко», рядом с ратушей, и, думаю, болтал с «синьором» Коларко об успехах стран Оси.

Да, мой отец имел прогерманские взгляды, но нужно смотреть дальше, чем прилавок зеленщика, чтобы объяснить, что заставило его и мать отправить нас с Оскаром в Германию.

Прибыв в Канаду с Украины в 1924 году, мои родители — смотрите соответствующие карты, чтобы найти тот район Украины, откуда они происходят, — почти год проработав на меннонитской ферме «Пенсильвания-датч» под Ватерлоо, штат Онтарио, переехали в район Портаж ля Прери штата Манитоба. Железная дорога «Канадиан пасифик» одалживала денег на проезд в Канаду многим иммигрантам-меннонитам, при условии, что они поселятся рядом с трассой дороги.

Я родился 25 мая 1925 года в секторе 1—13—9 муниципалитета Вестбурн и достаточно вырос, чтобы пойти в школу, когда родители уехали из Вестбурна и вернулись в Онтарио. В Манитобе они пытались возделывать 160 акров из большого куска плохой земли, который наши десять семейств купили, пока участок был под снегом. Каждый год практически на всем участке половодье не давало вовремя начать сев.

У всех меннонитов, над которыми висел долг «Канадиан пасифик», он считался платой за проезд и долгие годы, пока долг не был выплачен, был главной финансовой вехой.

Главной причиной такой нищеты была, конечно, Великая депрессия. Она лишила отца всякой надежды избавиться от долгов.

Мои родители никогда не были в Германии. Так же, как наши прадеды, прапрадеды и прапрапрадеды. Однако, поскольку их родным языком был немецкий, они сохранили с Германией тесные культурные и экономические связи. Германоговорящее население мен-

нонитских колоний на Украине десятилетиями выписывало из Германии сельскохозяйственные машины, книги, а с начала 1900-х и автомобили. В одной из следующих историй, «Советские танки, попавшие в засаду у озера Лессен в Восточной Пруссии», я подробно рассказываю о традиционных связях моих предков с Германией.

Пока мы не переехали в Китченер в 1937 году, мы жили в Ватерлоо, дом 132 по южной Кинг-стрит. Каждый субботний вечер кружок меннонитов, включающий моих отца и мать, собирался в доме 132. Это была кучка полиглотов, говорящих на верхненемецком, нижненемецком, русском, украинском и немного на английском. Верхненемецкий — официальный язык Германии, Австрии и Швейцарии. Нижненемецкий, или «Пляттдойч-плятт» — от немецкого «равнина», — народный язык, на котором говорят в равнинной Северной Германии.

Каждое письмо от родни или друзей со старой родины, которое доходило до этого кружка в те трудные времена, было аккуратно написано на верхненемецком, какой бы неказистой ни была бумага, — и так же выглядело письмо, написанное в ответ.

По утрам в субботу Объединенная меннонитская церковь В-К, или Ватерлоо-Китченер, на Джордж-стрит в Ватерлоо, вела в церковном подвале занятия школы немецкого языка. Признаться, в первые месяцы жизни в Германии мне очень пригодился тот довольно примитивный немецкий, выученный в В-К. Однако оказалось, что тот оторванный от жизни язык единственного учебника, подкрепленного единственным учителем, чопорной леди из порядочной семьи русских меннонитов, не научил меня спрашивать на чистом немецком языке, где находится ближайший туалет.

В 1985 году, через 50 лет после того, как я послед-

ний раз пришел на урок немецкого в В-К, родственники бывшего школьного смотрителя подарили мне учебник, которым я по крайней мере единожды пользовался на давным-давно прошедшем субботнем уроке. Он, можно сказать, был моим, потому что на нем, на третьей странице обложки, мальчишеским почерком было написано мое полное имя и наш адрес.

Этот старый учебник, сам по себе, — хороший показатель отношения русских меннонитов к немецкому языку. Его полный титул — «Deutsche Lesebuch fur Volksschulen in Russland» (учебник немецкого языка для начальных школ в России). Изданный в 1919 году Готлибом Саабом в Пришибе, городке, с северо-востока примыкающем к Молочной, одной из старейших меннонитских колоний на Украине, он годами использовался в В-К вместе с десятком таких же, а попал в Канаду, скорее всего, в начале 20-х — с людьми, которым был дорог немецкий.

В моей скромной библиотеке стоит, по соседству с тем учебником, и книга под названием «Стихи Николауса Ленау». У нее тисненые корешок и обложка, издана она в 1877 году в Штутгарте. Надпись на форзаце гласит: «Получено в подарок от отца на центральном вокзале Вильгельмсхафена перед тем, как я уехал в Канаду». Эта книга — из той горы книг, что мой отец забрал с Украины в Канаду, а из Канады — в Германию, — показывает его любовь к литературе. Уверен, что он ценил ее больше, чем все другие.

Николас Ленау — псевдоним Нимбша Эдлера фон Штрехленау (1802—1850). Житель Венгрии, Ленау черпал вдохновение в том, что было вне Германии. Неудивительно, что отец проявлял к его книге такую симпатию.

Всю свою взрослую жизнь отец писал множество стихов и прозы, все под псевдонимом Фриц Зенн. У меня есть книга из 311 страниц, изданная в Винни-

пеге уже после его смерти, в 1987 году, под названием «Фриц Зенн: избранные стихи и проза». Многое из написанного показывает огромную ностальгию по возлюбленному меннонитскому мирку, оставленному на Украине.

Мама часто говорила, что будучи одиноким молодым человеком на Украине, наш отец много времени проводил над книгами. Он был, подчеркивала она, младшим ребенком из девяти в богатой семье, и от него не ждали тяжелого труда. Это и оставило ему много времени на занятия литературой.

Возможно, усилило прогерманские настроения отца то, что с 1917 года он состоял в меннонитской организации самообороны, полувоенной кавалерии, которая должна была защищать зажиточные меннонитские колонии на Украине от печально известных бандитов Махно. Эту оборонную организацию недолго обучали немецкие офицеры и унтеры. Многие пацифистски настроенные меннониты осуждали своих братьев, воевавших с анархистами.

В начале 1939 года отец стал задумываться об эмиграции из Канады в Германию, в основном под влиянием Конфедерации немцев за границей, пропагандистской организации, поддерживаемой Третьим рейхом и действовавшей в союзе со многими общественными объединениями немцев в Северной Америке.

В те дни крупнейший немецкий клуб в Китченере, Конкордия-клаб, располагался над одним из двух кинотеатров — «Капитол» и «Лирик» — на Кинг-Вест-стрит. Субботним вечером родители, оба правоверные меннониты, троих мальчиков, которые вместе с нами отплыли в Германию, выводили всех или почти всех своих десятерых детей на танцпол в «Конкордии».

Хотя мои родители не были завсегдатаями клуба, летом 1938 года семья была на ежегодном пикнике на испятнанном коровьими лепешками Кауфман-флэтс,

вверх от Китченера по течению Гранд-Ривер. На пикнике отец был счастлив заработать пару долларов мытьем пивных стаканов за барной стойкой в палатке, где гости пили пиво. Может быть, иногда ему доставалась и дополнительная награда в виде стакана с пивом, протянутого в жаркой духоте одним из потных барменов.

Может быть, из Германии Конфедерация помогла с деньгами на поезд и пароход. В ответ вербовщики явно надеялись на проявления членами нашей семьи безграничной любви к Третьему рейху.

Думаю, что Фриц Зенн, или, если хотите, Герхард Йохан Штикельмайер, не мыслил себя канадским фермером или заводским рабочим. Германия манила его — так что, в качестве первого шага своего нераскрытого плана переправить всю семью в эту Землю обетованную, он отправил туда своего первого и второго сына, пусть и в самое неуместное время. Мама просто смирилась. Мы с Оскаром выехали из Китченера в Нью-Йорк 20 марта 1939 года и 22 марта отправились в путь через океан.

В любом случае мы, пятеро изгнанников, на борту «Европы» обнаружили в одном из салонов высокий, в наш рост, шкаф темно-красного полированного дерева, набитый пластинками. Весь рейс каждый день мы заставляли эту штуку играть часами без остановки. Подчеркну удовольствие, полученное от пластинок, потому что всего через неделю после отплытия из Нью-Йорка, в Бремерхафене, мир повернулся к нам совсем безрадостной стороной.

Рекламный листок, который я сохранил на память об этом рейсе, гласит, что «Европа» отплыла из Нью-Йорка 22 марта 1939 года, 27 марта миновала волноломом французского порта Шербур, покрыв расстояние в 3128 морских миль за 4 дня 22 часа и 6 минут. Чтобы добраться из Шербура до Бремерхафена, «Европа»

прошла еще 535 морских миль, что продлило наш путь на два дня, — неделя на весь рейс.

Здесь я лучше прерву свой рассказ и вставлю в него две газетные статьи, а также выдержки еще из двух. Четыре статьи из «Китченер Дэйли Рекорд», изданные между 16 и 24 марта 1939 года, сохранились в архиве газеты на микрофильмах. Три из них находятся в приложении А.

Микрофильм довольно стар; как бы то ни было, копии, сделанные с него от моего имени Герхардом и Кати Фризен, отражают беспокойство деятельностью нацистов в Канаде в то время, когда мы с Оскаром покидали страну. Обратите внимание, что «Китченер Дэйли Рекорд» напечатала наши имена в пятницу, 24 марта, когда «Европа» уплыла из Нью-Йорка.

Евреи бойкотируют товары из Китченера-Ватерлоо: акция считается ответом на активность наци во всем районе.

Никто сегодня не вспоминал генерального прокурора Конанта и его расследование сообщений о деятельности нацистов в Двух городах и вокруг, а обе полиции — городская и полиция провинции — отказались комментировать объявление.

Но хотя нет никаких признаков того, что полиция проверяет наши сообщения, кое-что все же удалось узнать. Обнаружилось, что с четырьмя детьми семейства Эсау, отправленными в Германию, поехали и Бруно и Оскар Штикельмайеры, дом 821 по восточной Кинг-стрит.

ПОЛИЦИЯ МОЛЧИТ

Предположения, что местный бизнес может пострадать от дурной славы, которая ляжет на местную общину, оправдались, когда «Рекорд» получила сведения

о том, что, по крайней мере, один местный производитель бойкотируется евреями Торонто. Последние заявили, что не намерены покупать ничего, сделанного у нас в округе.

«Ничего не могу сказать для прессы», — заявил газете сержант В.К. Оливер из полиции провинции. Он отказался подтвердить или опровергнуть сообщение, что полиция может начать в пригороде проверку на предмет деятельности наци. Инспектор Джордан, руководящий местной полицией, выехал из города, и с ним невозможно связаться.

Глава 2

ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ ДОЙЧЛАНД

После того как мы сошли на берег в Бремерхафене, нас повезли в Хоенкирхен, старую деревню в 20 километрах к северо-востоку от Вильгельмсхафена, портового города на берегу Северного моря. В районное крестьянское объединение входило полдюжины крестьян с большими значками НСДАП напоказ, которые сидели в конце длинного стола в зале деревенского магистрата; на другом конце стола мы, мальчишки, ждали своей участи. Кто кому достался, я так и не понял. С тем же успехом крестьяне могли выбирать нас, бросая кости.

То, что я знаю — что я попал к Герхарду Ибену с хутора Карлсек, что километрах в четырех на северо-запад от Хоенкирхена, с хутора было видно дамбу на берегу Северного моря. Сурового вида хозяйка, которую с самого начала интересовало, насколько плох мой немецкий, попросила меня прочитать название местной еженедельной газеты. Поскольку литеры J и F в готическом шрифте очень похожи, я прочитал вместо «Йеферше Вохенблатт» «Феферше...». Над этим заржало все семейство. Там были две дочери Ибенов, обе ходили в среднюю школу в Йефере, районном центре в 16 километрах на северо-запад от Вильгельмсхафена.

Через пару дней после прибытия в Карлсек мне дали большую метлу из пиассавы и сказали содрать

толстый слой мха, сплошь покрывавший стену одного из кирпичных домов. Пока я воевал со мхом, подъехали зеваки на телеге. Носатый возница сказал своей такой же носатой жене: «Dat is Gerd sien Amerikaner» («Это Гердов американец»). В дополнение к тому, что меня считали едва ли не вещью, это говорило о том, что ни о какой Канаде местные не слышали.

Каждый, кто приходил к Ибенам посмотреть на «американера», должен был согласиться с заявлением хозяина, что Германия спасла юнца германского рода от дегенеративной жизни в Америке. Что я мог на это сказать? Разве мои родители не отправили меня в Дойчланд?

Рядом с Йефером стоял Упйефер, где располагался военный аэродром, которым до сих пор пользуется бундесвер, наследник Вермахта. В 1939 году самолеты из Упйефера иногда летали на низкой высоте над селениями вроде Карлсека, каждый раз чуть не распугивая деревенщину по глубоким канавам с водой.

Однажды, когда за столом болтали о том, что две воздушные машины с Упйефера распугали полстада, я заметил, что в Канаде мы, мальчишки, сделали модель самолета из бальсы, с мотором из двух резиновых лент на каждый винт. «Невозможно!» — выпалили Ибены и кто там еще был. Я должен, орали они, говорить правду и не болтать о самолетах в «Америке», говорить нужно о самолетах в Упйефере — настоящих живых германских самолетах. По каждому поводу Дойчланд, Дойчланд превыше всего — вот что царило в головах невежественных, позорных ублюдков, из которых состоял Карлсек!

Неполных полгода спустя я уже занимался не только очисткой кирпичных стен от тугого толстого мха. Во время жатвы 1939 года я, например, таскал мешки с тяжелым зерном от молотилки вверх по при-

ставной лестнице — шаткой приставной лестнице — в амбар, которым служил чердак жилого дома.

Я был у них молодым батраком, лишенным части прав. Старший работник, достаточно неплохой парень Герд Брандт, записался в пехоту, только чтобы вырваться из Карлсека.

Моя комната была в том месте, что называлось задней кухней, маленьком закутке в верхнем конце длинного хлева. Я говорю «верхнем конце», потому что хлев стоял на чуть заметном склоне, для частичного стока нечистот по канавам, идущим сразу за стойлами со скотиной, в сторону нижнего конца.

На серой дощатой двери моего неудобного жилища на четырех кнопках висел черно-белый журнальный портрет Адольфа, с росписью под изображением, состоящей из короткого Adolf и наклонного размашистого Hitler.

Воду для умывания — по крайней мере, в теплое время года — я носил в ведре из похожей на крепостной ров канавы с лягушками, окружавшей хутор почти со всех сторон.

Дом, милый дом!

Каждую неделю — я был иностранцем, живущим в пограничной зоне, — мне нужно было ходить в полицейский участок в Хоенкирхене, отмечаться и идти обратно на ферму. Если мне везло, я мог встретить одного-двух канадцев — в участке или около. Им тоже надо было отмечаться лично.

По возвращении на ферму в Карлсеке меня неизбежно расспрашивали о том, что я видел по дороге. Как растет овес такого-то и такого-то и сколько голов скота пасется в округе?

Я знал, что отдал за все это своих приятелей, оставшихся в Канаде. Отдал летнее катание на роликовых коньках. Отдал Альберт-стрит-хилл в Китченере, где мы катались с горы на лыжах и санках, где наверху

стояли синагога и водонапорная башня, а внизу восточного склона — «Рампелз Буш». Я отдал так много.

Я отдал, резко и сразу, все свое детство.

Ничего себе! За несколько недель до начала Второй мировой войны мои родители и все остальные дети — трое, все родились в Канаде — приехали в Германию. В Вильгельмсхафен, если быть точным.

Жилье, отведенное им, располагалось на первом этаже жилого дома времен Первой мировой, без лифта, на Казерненштрассе, короткой улице, с одной стороны которой была Рунштрассе и огромные казармы Кригсмарине, и высокая стена базы подводных лодок из кирпича с колючей проволокой наверху — с другой. С полдюжины домов на север от Казерненштрассе нависали над мостом Кайзера Вильгельма, называемого также «К-В Брюке», что напоминало о канадском «К-В» — Китченер-Ватерлоо. Этот старый разводной мост еще действует и сегодня, соединяя город с коммерческим пляжем, где находится, например, морской аквариум.

Общие туалеты — не ванные, которых не было, — располагались в доме на лестничной клетке, между этажами. И это еще не все. Рядом с каждой дверью туалета находился платный газовый счетчик каждой квартиры. Нужно было постоянно подкармливать счетчик монетами, иначе он без предупреждения отключал газ.

На дальнем конце Казерненштрассе стоял небольшой бакалейный магазин, которым управляла старая дева Эмми Зайлер. Эмма решила угостить новую семью и продала маме немного рокфора. Не зная, что рокфор должен содержать прожилки плесени, отец решил, что сыр отравлен. Он воскликнул: «Die meint wohl, wir essen im Dunkeln!» («Она думает, что мы едим в темноте!») Их стол в Канаде, а до этого на Украине, вряд ли включал деликатесы, популярные в Запад-

ной Европе. Нам, включая и родителей, приходилось учиться каждый день.

НСДАП (Nazionalsocialistische Deutsche Arbeitspartei, или просто «наци») вскоре предоставила отцу место его первой работы в Германии, электротехническую фирму Юлиуса Хармса, мастера-электрика и человека с большими политическими связями, чья жена Аманда, как я потом узнал, в молодости была девушкой из коктейль-холла. Фирма Юлиуса находилась на Марктштрассе, в самом центре Вильгельмсхафена.

Новый работник в империи Хармса был назначен заведовать складом. Большие и малые мотки электропровода самых разных марок, неисчислимое множество защелок, лестниц различной длины, специального инструмента — всем этим богатством и ведал мой отец.

Когда Хозяин — так мы часто называли его в Канаде — навестил меня в Карлсеке, у него отвалилась челюсть. Он быстро сел на поезд до Вильгельмсхафена и пришел на прием к городскому политическому боссу, крейсляйтеру (районному политическому руководителю) Майеру, чтобы вызволить меня от Ибенов. Майер, который, кажется, не был чужд некоторой гуманности, обещал помочь в воссоединении двух мальчиков с семьей в Вильгельмсхафене. Оскар работал на ферме в Каролинензиле, дальше по берегу Северного моря, на восток от Хоенкирхена.

В жестко организованной НСДАП каждый крейсляйтер, подчиненный своему гауляйтеру (политическому руководителю провинции), руководит следующими классами нижестоящих: ортсгруппенляйтерами (политический руководитель городского или сельского района), целленляйтерами (политический руководитель части городского района или графства) и блокляйтерами (квартальный политический смотритель).

В большом городе вроде Вильгельмсхафена блокляйтеры просто кишели.

Даже крейсляйтер Майер не мог забрать меня из Карлсека, не приведя весомую причину моего перевода из деревни в город. Решение пришло просто — старое доброе ученичество. Однако прошло полгода, прежде чем Юлиус Хармс стал моим мастером, а я стал одним из трех его учеников, которых он учил ремеслу электрика. Снова в моей судьбе от меня ничто не зависело.

Неожиданно у меня оказался договор, связавший меня на три года — с 26 апреля 1940 года до 25 апреля 1943-го, — три года хорошего поведения, тяжелого труда, регулярного посещения ремесленной школы — и почти никакого заработка. За первый год — 3 рейхсмарки в неделю, за второй — 4 рейхсмарки в неделю, и за третий год — 5 рейхсмарок в неделю. В то время одна рейхсмарка стоила один доллар. Днем получки была суббота — после того как я к полудню выметал подъездную дорожку, двор и склад на Марктштрассе, 39.

То, что в качестве части своего ученичества я должен посещать занятия «Гитлеровской молодежи», появилось на последнем из четырех листов моего договора, в разделе Besonders Bestimmunget («особые условия»): «Ученик должен регулярно посещать занятия «Гитлерюгенда».

В полном противоречии с моими ожиданиями, единственный человек в компании, который имел максимум власти, чтобы давить на нас, учеников, по политической линии, так этого и не делал, да и все остальные тоже.

Нашего спасителя звали Карл Пот. Мастер-электрик и правая рука Хармса, в Первую мировую войну он служил старшиной на кайзеровском флоте — за четверть века до нашего знакомства.

Карл верил своим работникам, а они верили ему.

Однажды он сказал мне, что «Гитлерюгенд», в общем, занимается показухой. Такие разговоры могли довести его до концлагеря. Трудно было поверить, что его сын работает в городской штаб-квартире «Гитлерюгенда».

На работе ученик часто рвал одежду. Быстрый ремонт состоял в том, что порванное место сшивали тонким медным проводом. К концу недели вид был слегка оборванный, как у меня, когда я однажды встретил Аманду недалеко от Марктштрассе.

Вскоре после этого Карл, оценивающе поглядев на меня, сказал: «Ты выглядишь как оборванец» — и был прав. Однако он на этом не остановился. Несколькими днями позже он выдал мне карточку на новые рабочие штаны и куртку. Он понимал подчиненных, особенно учеников.

Старый Карл, маленький человек с серьезным видом, любил курить сигару, по крайней мере иногда, пока обходил места работ.

Отец недолго работал на Юлиуса, крейсляйтер Майер нашел ему место счетовода в городской налоговой службе. Чтобы научиться всем фискальным делам, ему пришлось пройти обширное обучение в финансовой школе во Фленсбурге, городке у германо-датской границы.

К этому времени родители поняли, что такое жизнь в перенаселенной стране в военное время. Отец, наверное, однажды высказал свое разочарование вслух, потому что крейсляйтер Майер отчитал его: «Избавляйся от своих канадских взглядов!»

У фирмы Юлиуса было много государственных контрактов в военных доках Вильгельмсхафена. Я неделями не выходил оттуда, учась у рабочих и даже молодых мастеров, как тянуть провод милями — километрами, на самом деле — в огромных зданиях вроде машиностроительного корпуса номер три, двигаясь по лесам, стоящим высоко, на уровне корабельных

снастей. В одном немецком морском романе есть совет старого моряка молодому матросу парусного корабля: «Одна рука кораблю, другая себе». Это годилось и для того, кто, как мы, занимался электротехническими работами на опасной высоте.

Работая в доках, я набрел на несколько слабых мест в режиме безопасности.

Например, однажды в 1940 году один дружелюбно настроенный молодой докер предложил мне прогуляться по крупнейшему немецкому линкору «Тирпиц», стоящему у достроечного пирса. Судно, к которому относятся последующие даты, быстро строилось на глазах гордых докеров — заложено 20 октября 1936 года, спущено 1 апреля 1939 года и закончено 25 февраля 1941 года.

У берегового конца длинных сходен, ведущих к открытой части шлюпочной палубы, стоял часовой-матрос. Работники доков, у многих ящики с инструментом, шли потоком мимо него, направляясь внутрь гиганта.

Чтобы попасть на судно, я просто смешался с рабочими, у которых не было ни именных бирок, ни пропусков. Одежда на них была та же, что и на мне, — синие штаны и куртки.

Под палубой, куда бы ни шли я и мой проводник, — а это было всего несколько сот метров, — опасность быть замеченными и арестованными возрастала десятикратно. Мы нигде не задерживались, потому что, например, каждый рабочий и его помощники могли легко понять, что два юнца с непокрытой головой никак не похожи на профессиональных работников. Кроме того, рабочие обычно быстро знакомились с рабочими других профессий, работающими рядом, как мы познакомились на работе с моим напарником. В результате, как пара молодых бродяг в незнакомом городе, плутающих по незнакомым аллеям, мы с ним устало двигались по стальным коридо-

рам внутри «Тирпица», пока не вышли обратно к человеческому потоку на сходнях.

Будь я арестован на «Тирпице» или рядом, со мной бы, к счастью, обошлись довольно снисходительно, как с 15-летним правонарушителем.

Да, я нанес «Тирпицу» краткий визит за 4 года и три месяца до того, как 12 ноября 1944 года несколько британских бомб «толбой» заставили его перевернуться, унеся примерно 1200 жизней, в гавани Тромсе, у северной оконечности длинного атлантического побережья Норвегии.

За мостом Кайзера Вильгельма и направо, у основания берегового вала между идущей по берегу дорогой и прибрежной зоной, Кригсмарине построил новое здание картографической службы. Внутри здание еще не было закончено; там требовалось хорошее электрическое освещение, и вот тут появляемся мы, парни из электротехнической фирмы Хармса.

Здание картографов содержало тысячи морских карт, порученных заботам команды картографов, каждый из которых был освобожден от военной службы из-за преклонного возраста. Один особенно разговорчивый картограф, живший в Англии, любил, когда коллеги называли его Хьюи.

Хранившиеся в здании гидрографические карты, местные и иностранные, все считались секретными, но мы, парни Хармса, десятками листали их во время отдыха — еще одно слабое место в безопасности Германии.

Ремесленная школа занимала полдня в неделю, свободных от работы. Протокол НСДАП требовал, чтобы в начале каждой смены в классе один из учеников маршировал к доске, поворачивался и кричал, выставив правую руку вперед, так что правая ладонь была напротив правого глаза: «Мы начинаем занятие с троекратного приветствия нашему фюреру! Зиг хайль («Да здравствует победа»)! Зиг хайль! Зиг хайль!» За-

тем предводитель, стараясь как мог, выкрикивал несколько лозунгов НСДАП. «Труд облагораживает!» — был в числе любимых учениками, за краткость. Другое приемлемое высказывание, также легко запоминаемое, гласило: «Лучше будь молотом, чем наковальней!»

Пока не подошла моя очередь кричать лозунги, я прислушивался к другим и взял от молодого парня из «угольной корзины» (богатой углем части Рурской долины) неполитическую мудрость: «Кто добыл капусту летом, тот заквасил ее на зиму». Этим я и отделался. Наверное, преподаватель и остальные ученики решили, что я недостаточно долго прожил в Германии, чтобы выступить с чем-то более подобающим.

К 1941 году наша семья жила в Феддервардергродене, западном пригороде Вильгельмсхафена. Это место в народе называли «кроличьи дома», потому что дома строчной застройки выглядели как садки для домашних кроликов.

В Феддервардергродене, как и в городе, печати в карточках на скудный паек напоминали о днях почти без хлеба, а светящиеся значки — о сумрачных ночах.

Почти каждый день, и уж точно почти каждую ночь, жалкие условия жизни в Вильгельмсхафене и вокруг ухудшали налеты авиации союзников, на целые часы разгонявших молодых и старых в разного рода бомбоубежища.

В отличие от центра крупных городов типа Вильгельмсхафена, в пригородах не было 30-метровых цилиндрических башен-убежищ с метровыми бетонными стенами и слегка заостренными толстыми бетонными верхушками. Внутри каждого такого убежища была рампа, по спирали идущая вверх, вокруг центрального бетонного столба. Отстоя на несколько метров от столба, вверх шли ряды деревянных скамеек, прикрепленных прямо к рампе.

Убежища в подвалах домов в новых пригородах,

таких, как Феддервардергроден, построенных перед Второй мировой войной, были сделаны, я бы сказал, в ожидании войны и налетов. Очень толстые фанерные двери и ставни, а также рамы и мощная фурнитура входили в конструкцию здания с самого начала. Никакой самодеятельности.

В то время как центр Вильгельмсхафена, включая верфи, притягивал множество фугасных и зажигательных бомб, Феддервардергродену доставались лишь маленькие шестигранные зажигательные бомбочки длиной 45 сантиметров. Часто они сыпались вниз связками по семь-шесть бомб вокруг седьмой в центре.

В середине 1941 года отца, которому тогда было 47 лет, неожиданно призвали на службу в армию офицером для особых поручений в чине ефрейтора. Обычно такой офицер исполнял обязанности переводчика. Отец вырос на Украине. Он жил там с рождения в 1894 году до 1924 года — то есть 30 лет. И, конечно, мог говорить по-украински и по-русски. Через 18 лет после своей эмиграции с Украины он пережил один из самых важных моментов своей жизни. Будучи на Украине, он смог посетить свою родину, Хальбштадт, и другие места, которые он помнил с детства. Однако за это ему пришлось дорого заплатить.

В конце лета 1942 года, через 2,5 года после начала моего ученичества, мне пришлось явиться для регистрации в призывном пункте, включая физическое обследование и предварительную классификацию. Полсотни неодетых молодых людей болтались по пивной, дожидаясь своей очереди встать в круг, нарисованный белым мелом на деревянной дорожке для игры в кегли.

В пяти метрах от мелового круга трое военных, сидящих за длинным столом, решали, осмотрев очередного голого Адониса, в какую часть Вермахта он годен. Фактически их первой заботой было пополне-

ние тех частей Вермахта, которые несли наибольшие потери. То есть в первую очередь пехоты.

Я слышал, что такие тройки, особенно в городах, брали механиков и электриков в танковые войска. Моя квалификация, какой бы низкой она ни была, пошла в зачет, и мне сказали, что мне светит батальон пополнения личного состава танковых войск.

Весь процесс регистрации имел привкус архаичности и излишней строгости, переходящей в комизм. Не считая прочих мелких унижений, таких, как приказ двигаться быстрее, каждый парень во время осмотра в меловом круге должен был по команде повернуться кругом, наклониться и показать военным свой анус, руками раздвинув ягодицы. Как говорили, на этой стадии «мустерунга» рекрутов проверяли на геморрой.

Не помню, как называлась по-немецки эта пивная в Вильгельмсхафене, но два и три четверти года спустя она была известна как «Старборд лайт» («правый отличительный огонь». — *Прим. перев.*) и обслуживала британцев из состава ККГ — контрольной комиссии по Германии.

В начале октября 1942 года я получил повестку, по которой должен был явиться 1 ноября в 10-й батальон пополнения личного состава танковых войск в Гросс-Глинике, к западу от Берлина по дороге в Потсдам.

Об этом моменте еще нужно сказать, что 17 августа 1943 года я сдал последний экзамен на квалификацию рабочего-электрика. Я получил короткий отпуск и смог пройтись в форме ремесленной школы. Поскольку я служил в Вермахте, мне предоставили полгода на учебу и прохождение практики, с 1 ноября 1942 года до 25 апреля 1943 года. Это называлось «отсрочка на полгода».

Глава 3

ПЕРВЫЕ ПОЛГОДА ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

К самому началу ноября 1942 года казармы запасного батальона в Гросс-Глинике были так переполнены, что новобранцев пришлось размещать в больших танковых гаражах за зданиями казарм. Хотя в части не было танков, к сравнительно недавно построенным казармам были пристроены гаражи.

Несколько недель по утрам многим новобранцам, выбранным наугад, приходилось по многу раз отжиматься на мокрой от мочи земле у входа в гараж, где десятки солдат облегчались предыдущей ночью. Первые несколько дней, пока новобранцам не выдали полевую серую форму-фельдграу, они отжимались в своей гражданской одежде.

Со временем каждому новобранцу в 10-м запасном батальоне выдали расчетную книжку. Ему также давали овальный личный жетон из нержавеющего металла, с тремя длинными отверстиями по продольной оси, по которым он переламывался. На каждой половине жетона были написаны три вещи: группа крови владельца, номер его военной части (в моем случае Stannkompanie — «учебная рота») и его личный номер. На моем жетоне, который я до сих пор храню, написано:

0
Stamm.Korp. Pz. Ers. Abt. 10
862

Штампованный из 0,5-мм листа жетон имеет размеры 7 см на 5 см. Не бренча на ходу, он висел на шее на шнурке, похожем на ботиночный, который был продет в две дырки у края верхней части; в нижней части, которую отламывали и забирали в случае смерти владельца, была всего одна дырка.

Гаражи батальона пополнения стояли у одной стороны мощеного плаца, в самом его центре торчал стальной флагшток, на котором развевался флаг Рейха. На этой чертовой площади, где ежедневно происходила одна и та же трагикомедия, новобранцы должны были собраться, чтобы принести присягу.

В день присяги по углам плаца, лобовой броней к флагштоку, встали четыре 25-тонных «панцера-4», прибывших из какой-то другой танковой части, пушки задраны вверх, как руки в нацистском салюте.

Каждая из четырех пушек как будто целилась во флаг, непосредственно под которым, в присутствии высшего начальства, стояла по стойке смирно дюжина новобранцев, представлявших товарищей, которые выстроились в отдалении. Эти 12 парней должны были эхом повторять, от имени приятелей, далеко разносившиеся жесткие слова присяги.

Делегаты под флагштоком послушно повторяли, отрывок за отрывком, как было велено, слова присяги, которые целиком звучали так: «Именем господа торжественно клянусь фюреру Германского рейха и немецкого народа, Адольфу Гитлеру, и Верховному командованию Вермахта, безоговорочно повиноваться и, как храбрый солдат, в любой момент отдать жизнь во исполнение этой клятвы». Без сомнения, большинство стоявших в строю ни разу в жизни не испытывали ничего подобного.

В фельдграу, которую дали нам, новобранцам, в Гросс-Глинике, не входила шинель — наверное, потому, что вне казармы мы постоянно бегали. Однако

во время перерывов холод возвращался. В окрестностях Берлина большую часть ноября и декабря средняя температура воздуха была около нуля по Цельсию.

Снаружи в холодные дни каждый из нас иногда грел онемевшие от холода руки, на которых не было перчаток, хлопая по обтянутой штанами заднице товарища. Поскольку это странное занятие, за которым следовал неминуемый ответ, было введено по приказу унтер-офицера, оно, наверное, опиралось на немецкую военную традицию.

Каждый день в Гросс-Глинике был заполнен делами, часто незапланированными, направленными на то, чтобы вколотить в новобранцев безоговорочное повиновение.

Всю ночь пролежав в комнате казармы, рассчитанной на втрое меньшее количество народу, 18 парней, услышав от двери рев дежурного унтер-офицера «Подъем!», по его свистку мчались в умывальную. Там обязательно шнырял, по крайней мере, один унтер, ищущий, кто из рядовых откроет кран, не сняв нижнюю рубаху.

«Ты, грязная свинья!» — орал он на каждого, кто хотя бы посмотрел на кран, не оголившись до пояса. Любой намек на влажный воротник нижней рубахи вызывал разнос: «Ты, мягкий хрен! Ты, неженка! Ты, онанист! Вылезай из рубахи!»

После подобного унижения или побывав при нем зрителем, новобранец не бежал в столовую за добрым завтраком. Нет, сэр, — он возвращался в душную с ночи комнату и отрезал кусок от трети пайковой буханки, полагавшейся на несколько дней. Если больше не было маргарина, эрзац-меда или совершенно резиновых сосисок, на хлебе сверху был только его палец.

В окошке каптенармуса, низкой темной дыре в сте-

не с низкой дверью, в самом конце зала, ему наливали в крышку от котелка чуть теплого «Неггершвайса» («негритянского пота», то есть кофе).

Скудные пайки напоминали о поговорке «каптенармус порезал палец» — то есть порезал палец, нарезая микроскопические порции.

Пайки было предписано хранить в своих шкафчиках, при условии, кроме прочего, чтобы нигде не было видно ни грязных ножей, ни крошек. Кража пайка — или чего-нибудь еще — из незакрытого шкафчика могла привести к тому, что жертву кражи обвиняли в побуждении товарища к краже.

Следующая часть дневных дел начиналась с построения на плацу. И здесь несколько унтер-офицеров искали «засранцев», то есть грязнуль, светя фонариками — плоскими армейскими фонарями с кнопкой и петелькой для пуговицы — в уши новобранцев. Они также проверяли чистоту рук, особенно ногтей.

Позволив унтер-офицерам порадоваться проблемам рядовых, вперед выступал старший унтер-офицер. Его чертов кондуит торчал у него спереди из-за борта шинели. Попади в эту черную книжку — и в тот же день тебя где-нибудь ждет дополнительная работа. Он не обязательно сразу же пускал в ход оскорбительные слова, что мы слышали от остальных унтеров, хотя и был в ругани мастером.

После нескольких попыток построиться с особым вниманием к командам «смирно» — с первого раза не все сапоги начищены и носки сапог не стоят на одной линии — и «вольно», а также тщательной переклички рядовые вскоре уходили с плаца. Кому не хватало пайка — а кому хватало? — тот вряд ли находил в себе силы на мысли о девушках. Но ими обычно и спасались. Часы, заполненные «Левое плечо вперед!.. Правое плечо вперед!..» и тому подобным, а также час гимнастики занимали день без остатка.

На каждом шагу унтер-офицеры искали, к чему придраться. Парня, который недостаточно ровно стоял по стойке смирно, называли кривой какашкой или косоглазой бестолочью и командовали ему «Сомкни булки!» или «Подбери скелет!»

Солдатский обед состоял не из скудных запасов в его шкафчике, нет — кухонный бык, он же повар, шлепал в котелок еду, наполняя его до половины, в окошке выдачи на казарменной кухне.

Иногда таким обедом была мешанина, вроде бобового супа с мясом или горохового супа с салом. Как часто говорили, «с боба шепот, с горошины стрельба». С этими супами, которые при варке размешивались в кашу, никогда нельзя было понять, есть ли там мясо.

С некоторыми блюдами — такими, как жареная картошка с небольшими сосисками, — было хотя бы видно, что ты ешь, в смысле мяса. В уставе 1941 года № 86, «Армейская поваренная книга», на странице 43 есть пассаж, оговаривающий подачу мяса: «До раздачи еды разделите мясо на порции. Солдат любит видеть свою порцию мяса. Поэтому, если возможно, мясо не должно резаться на мелкие кусочки, перемешанные с едой, или присутствовать в пище в виде отдельных волокон».

В том же издании, страница 107, под заголовком «10 заповедей армейского повара» выразительно пересказывается та же мысль: «В последнюю очередь нарежь мясо на мясной разделочной доске, держи порции в тепле внутри баков, выдавай по одной. Причина: солдат хочет видеть мясо!»

Хотя приходилось строго следить за пайками — добавки никому не давалось, — еду, поддерживающую новобранцев в Гросс-Глинике, раздавал не каптенармус, а повар.

На хранящейся у меня фотокопии устава № 86 на обложке и титульном листе оттиснуто «M.Dv.894 и

L.Dv. 86».То есть устав действителен не только для наземных войск, но и для Кригсмарине и Люфтваффе. Он напечатан 16 августа 1941 года Главным командованием Вермахта.

После короткого дневного отдыха солдаты запасного батальона обычно проводили остаток дня на открытом воздухе. Они часто шли на стрельбище учиться стрельбе.

Благодаря ориентированной на пехоту базовой стрелковой подготовке, включавшей разборку-сборку основного оружия немецкого пехотинца в полной темноте, все новобранцы, посещавшие стрельбище, хорошо разбирались в пулемете образца 1934 года, карабине «Маузера 98К» и обоих 9-мм пистолетах, а именно «Люгере» и «П-38».

Разбирая любой из этих видов оружия, рядовой должен был класть все мелкие детали в свое кепи, чтобы они не потерялись. Из-за того, что детали были в смазке, подкладка кепи пачкалась, и ее приходилось стирать с мылом. Унтер-офицеры всегда внимательно проверяли подкладку кепи и белый подворотничок, пристегнутый изнутри к воротнику серого полевого кителя. Почти все, кому досталось чистить картофель и мыть туалеты в казарме, были перед этим пойманы в одежде с пятнами жира, кожного сала, а в случае с полевыми кепи — ружейного масла.

«Неумение правильно отдать честь» тут и там создавало новобранцам кучу неприятностей. Однако на стрельбище за отдание чести старшему по званию рядового могли обозвать, или наорать на него, или и то и другое. Во всем Вермахте отдание чести было запрещено на стрельбищах и внутри умывальных и туалетов.

И все равно на стрельбище унтер-офицеры отыгрывались на рядовых. «Не суй правый глаз в левый

карман кителя!» и «Хватит трястись, как будто тебя сношают!» то и дело раздавалось над линией огня.

Со временем какой-нибудь удачливый парень на 100 метрах попадал из своего 7,92-мм карабина особенно кучно. Наградой меткому стрелку был железнодорожный билет и короткий отпуск.

Те, кто упражнялся с карабином 98K, не забудут фразу, с которой начиналось часто повторяемое наставление: «Карабин 98K — оружие, предназначенное, чтобы стрелять, колоть, бить прикладом и цевьем».

Иногда конец дня объявлялся «часом чистки и починки», который у нас называли часом пердежа и траха. Чтобы убедиться, что рядовые занимались своими ботинками и формой, а не игрой в скат или другую карточную игру, унтер-офицеры болтались в казарме до самого ужина.

Ах да, ужин! Это слово означало, что из шкафчика доставалось что-нибудь, примерно соответствующее скудному завтраку. В общем, ужин был столь же недолгим, как недолог этот абзац.

Фигурально выражаясь, «быть на службе» означает быть на службе, а «пьянка» означает пьянку, прямо противоположное занятие. Оно подчеркивало разницу между занятием делами и расслаблением или, например, что солдат делал до ужина и что он делал после.

После ужина в своей комнате солдат первый раз за 12 часов снимал ботинки (сапоги) и китель и осторожно расслаблялся в том, что называлось костюмом для пива. Повторяю, он расслаблялся осторожно — потому что, например, имело значение, перехлестнуты его подтяжки через плечи или свисают с пуговиц на поясе брюк. Конечно, никакого пива он не пил, потому что выпивка в казарме не разрешалась.

Главное, что мешало как следует расслабиться после ужина, был гул голосов множества парней. В ос-

новном из-за разницы в звучании, наверное, никто не мог расслышать всего, что говорилось в тех стенах.

Шумные разговоры мешали дневальному — выбираемому из новобранцев, — который должен был точно знать, сколько человек в наличии в комнате. Более того, он должен был быть в курсе множества дел, в основном касавшихся унтер-офицеров — влиявших на расположение каждого. Например, если новобранец дезертировал или кончал жизнь самоубийством, дневального могли вызвать для дачи показаний.

И наконец, дневальный, стоящий рядом с дверью у длинного казарменного стола, должен был по первому признаку вытянуться по стойке смирно и скомандовать: «Смирно!», когда в казарму входил унтер-офицер или офицер, хотя кто бы ни увидел первым такого гостя, он должен был сделать то же самое.

Что до множества голосов в одной комнате — вспоминаю, как через два года после Гросс-Глинике я снова квартировал в одной казарме, набитой людьми, и полевая почта доставила конверт с черной каймой. Короткое сообщение гласило, что Оскар погиб в бою под Хуфалице в Бельгии, во время немецкого наступления в Арденнах. Пуля, вылетевшая с самолета союзников, попала ему в живот. Сомневаюсь, что хотя бы два-три процента тех, кто был тогда со мной в одной комнате, были способны принять эту скорбную новость. Во-первых, большинство было занято обсуждением своей почты, только что полученной; во-вторых, они знали, что жизнь все равно продолжалась.

К счастью, ни в одной комнате новобранцев в Гросс-Глинике не было радио, даже карликового «народного» приемника в темно-коричневом бакелитовом корпусе или его более крупного собрата. В танковых казармах не слушали пропаганду Йозефа (Джо) Геббельса — по крайней мере, по радио.

В десять вечера в качестве отбоя подавалась ко-

манда «Туши огни!». Услышав эти слова, какой-нибудь шутник со своего матраса обязательно кричал «Доставай ножи!», как будто готовясь к ночному разбойному делу. Однако вскоре было слышно кое-что другое — храп.

В некоторых следующих военных историях есть еще отсылки к Гросс-Глинике, но сейчас я хочу рассказать, что произошло в конце нашего обучения, в день выпуска, который в 1942 году пришелся на Рождество.

На столе в длинном зале стояли бутылки с вином, одна бутылка на двоих; на стене висел большой флаг с черной свастикой в двухметровом белом круге. У нижнего края флага стоял стол для почетных гостей, за которым сидели командир и преподаватели. Присутствие за тем же столом унтер-офицеров почти гарантировало, что мы будем подвергнуты еще какой-нибудь разновидности воспитания новобранцев.

И верно, сразу же после еды похожий на громилу унтер-офицер прочитал длинное недвусмысленное стихотворение об утонувшей девушке, чье тело так и не нашли, — девушка, которой, к сожалению, ни один мужчина не может продемонстрировать мудрость девиза «carpe diem» (лови момент). Рефрен этого стихотворения все еще звучит в моей памяти: «И через сексуальный ея вход / угрюмый угорь лишь ползет».

После двух месяцев начального обучения рядовых посылали для дальнейшей учебы в разные танковые школы. По ее прохождении солдат посылали в танковые полки в Германии, каждый из которых был частью пополнения своего полевого танкового полка. Мой полк, его часть, находящаяся в Германии, а также его часть, составлявшая ядро 7-й танковой дивизии, назывался 25-м танковым полком.

Можно легко понять, почему восемь недель в запасном батальоне не рождали в нас большого касто-

вого духа. Там рекрут в роте не был окружен земляками.

В начале 1943 года в поезде по дороге из батальона пополнения в армейскую школу механиков-водителей в Лике, Восточная Пруссия, за нас отвечали четверо молодых необстрелянных ефрейторов с новенькими нашивками. Могу поклясться, что в самом конце 1942 года каждый из них подписал контракт на 12 лет службы в танковых войсках и автоматически получил повышение. Эта четверка не проходила через Гросс-Глинике.

Наверное, чтобы поднять дисциплину во время поездки, которая была для них лишь продолжением службы в Берлине, сценой, на которой, в жесткой военной атмосфере, они играли свою гордую роль, квартет «швайнехунде» (буквально — свинских собак, или собак, пасших стадо свиней, но также и воображаемое потомство диких свиней и диких собак) на каждой остановке, какой бы короткой та ни была, с начальственным видом приказывал нам, полудюжине парней, выйти из вагона и пойти туда, где рядом с путями были уложены тяжелые предметы — например, стальные тормозные колодки.

Стоя под открытым небом, в сумерках, а иногда и ночью, шесть парней получали приказ взять эти ржавые колодки по одной в каждую руку и приседать всем вместе, громко читая стишок — настолько примитивный, что он мог родиться у любого из четверых: «Я хочу и получу значок за танковый бой».

В школе вождения была в ходу более сложная версия приседания с речевками. Для нее нужно было шесть человек с руками, вытянутыми вперед на высоте плеча, — это упражнение не требовало держать тяжести, — которые приседали индивидуально, в очередности тактов шестицилиндрового двигателя 1—5—3—6—2—4, одновременно читая, что положено.

Шесть человек, пыхтящих в имитации клапанов рядного шестицилиндрового двигателя, составляли очень жестко работавший мотор. Ни один двенадцатирогий олень, как называли подписавшего 12-летний контракт на службу, не мог, так сказать, отладить шестерых рядовых независимо от того, включал он их на низкой, средней или высокой скорости. Но ни один «полупожизненный» и не искал совершенства; каждый раз он лишь хотел продлить подольше свой коронный номер — «кто тут начальник».

Для нас, рядовых, Лик был шагом вперед по сравнению с Гросс-Глинике. Унтер-офицеры были лучше воспитаны, чем в ГГ, а на смену базовой подготовке пришло вождение танков.

Здания школы, расположенные за чертой Лика, были на несколько лет старше однотипных танковых казарм конца 30-х, построенных дальше, в глубине Германии. Окрестности школы — Лик стоял в 650 километрах на северо-восток от Берлина — составляла открытая местность, что и требовалось для танковой школы. Волнистая равнина, известная как «дунайские волны», оборачивалась часами долгого тяжелого труда на лишенных башен PzIA, когда нужно было переключать пять передних и одну заднюю передачу ручной трансмиссии.

Я получил свое удостоверение водителя тяжелых гусеничных машин 30 апреля 1943 года — не в Лике, а в Гросс-Глинике, куда мы потом вернулись. Мне тогда еще не было восемнадцати. В 25-м танковом полку несколько молодых водителей, которых я знал, были отправлены в район Курска, в крупное танковое сражение, которое началось там два месяца спустя, в начале июля.

Фотографии показывают интересные вещи о жизни в Лике. Обратите внимание на небольшую рождественскую гирлянду, свисающую с потолка, и покрытую плиткой печку, видную самым краешком на фо-

тографии, где 13 человек, включая меня, сидят в комнате казармы. А на другой фотографии четверо из тех тринадцати стоят у одного из учебных танков школы. Обратите внимание на советский стеганый кожаный танкошлем на инструкторе, сувенир с Восточного фронта.

Также обратите внимание на фото с PzIA, проезжающим мимо купы придорожных деревьев, смотровая щель водителя, прорезанная в деревянном лобовом щитке, сильно меньше, чем окно стоящего рядом инструктора.

Что до последней фотографии из Лика, заметьте, что на ней я сам, стоящий на крыльце караульного помещения.

Захваченная в Северной Африке почти новая британская ремонтно-эвакуационная машина, стоявшая без дела в углу одного из гаражей, не попала ни на одно фото. На немецких танковых базах можно было встретить невообразимое количество иностранного снаряжения и техники.

Поскольку я долго распространялся о жизни в танковых казармах в Гросс-Глинике и поскольку читателю понравится смена темпа, я решил вставить в военные истории рассказы о том, что делают механики-водители, или строить на них весь рассказ. Самое длинное описание такого рода, глава 14, озаглавлено «Ягдпанцер IV: как избежать отказа трансмиссии». Гораздо более короткая история в главе 11 называется «Пердящие водители танков».

Хотя я много пишу о вождении танков, еще больше я пишу о танковых пушках. Во всех следующих историях о танковых боях я башенный стрелок, не водитель.

О тактике вождения танков, которую преподавали в танковых школах вождения, рассказывается дальше, в соответствующем месте книги.

Глава 4

ГОД ТАНКОВЫХ КАЗАРМ И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ОТЛУЧКИ

Для меня большая часть 1943 года, после окончания школы вождения, прошла в режиме взад-вперед, потому что приходилось то и дело покидать казармы, чтобы снова в них вернуться. По крайней мере, дважды отсутствие достаточной продолжительности службы в казармах давало мне непрошеную отсрочку от Восточного фронта.

Первая отсрочка имела место, когда в казармах танкового полка в Эрлангене, в 20 км от Нюрнберга, меня стали донимать карбункулы. Одна особенно крупная группа из четырех штук выросла на пояснице, вызвав отек, который мешал правой почке, так что жидкость перестала нормально выводиться из тела. Приятели, когда увидели мои распухшие руки и лицо, решили, что казарменная еда сотворила со мной маленькое чудо. Я определенно набирал вес. Однако при нажатии пальцем на теле ненадолго образовывалась вмятина. Вскоре меня отправили, примерно на месяц, к урологам в военный госпиталь в Бад-Брюкенау, курорте в 100 км к северо-западу от Нюрнберга.

В Бад-Брюкенау царили мир и покой, так же как в госпитале. Двое больных на палату, и много пустых палат. Много хорошей еды. В следующий раз я мог

взять себе добавки, сколько хотел, только в следующем году, перед самой отправкой на фронт.

Мой сосед, обер-ефрейтор Герман Пазольд, более известный как Менне, был вечным живчиком — родом, кажется, из Эрфурта. Менне обхаживал медсестер, пока одна из них — крупная девица — не дала ему того, что он добивался, в одной из пустых палат на нашем этаже.

Поскольку в его очередном анализе мочи в избытке содержались сперматозоиды, у врачей появилось подозрение, что он проявил избыточную половую активность. Слухи разошлись вширь, и Менне был выписан до того, как смог повторить выброс живности в мочу. После отбытия Менне мы узнали, что крупная медсестра регулярно имеет половые сношения как минимум с одним из врачей госпиталя. Менне думал, что он, говоря словами избитого выражения, для женщин просто дар божий. Готов спорить, что он и дальше продолжал тут и там играть в донжуана.

Если подумать, Менне считал одним из своих главных свойств приятный тенор. По субботам, сидя в трактире в какой-нибудь деревушке в пределах пешего хождения от госпиталя, он, бывало, пропевал пару арий, рассчитывая, что за это трактирщик выставит ему бутыль вина. В этом был весь Менне — вино, женщины и песня.

Год еще не подошел к концу, когда я, с заживающими нарывами, вернулся из Бад-Брюкенау в суровость танковых казарм Эрлангена, откуда уже отправился на фронт кое-кто из моих знакомых по школе вождения.

После этого 25-й полк переехал в Швайнфурт, где, для начала, мы приняли участие в большом гарнизонном параде по случаю дня рождения Адольфа, очень дождливым днем 20 апреля. Все это еще не несло неприятностей, но постепенно дела менялись к худшему.

При казармах в Швайнфурте была небольшая тренировочная площадка. Чисто штрафная полоса препятствий. Например, однажды один из унтер-офицеров нашпиговал себе лицо мелкими щепками от деревянной пули учебного патрона 7,92 × 57, после чего несчастный солдат и его товарищи часами отрабатывали ползание. В танковых казармах в Швайнфурте у унтер-офицеров была особенно плохая репутация. Они иногда просто теряли контроль над собой.

В эти жестокие времена молодые солдаты, которым выпало служить в местах вроде швайнфуртских танковых казарм, особенно быстро понимали смысл слова «терпение». Жесткое обращение, которому они подвергались, проявлялось во множестве поговорок, одна из которых звучала так: «Все проходит, даже пожизненное заключение». Эти слова прозрачно намекали на сходство между казармами и тюрьмой.

Многочисленные побасенки танкистов, а также их песни сильно повлияли на меня: они обогатили мой язык.

После Швайнфурта и до конца войны домом 25-му полку стал Бамберг. Когда меня выписали из госпиталя, 10 апреля 1945 года, я получил письменный приказ прибыть в Бамберг.

Другим событием, из-за которого в том году я не попал на Восточный фронт, было то, что после объявленного 8 сентября итальянским маршалом Пьетро Бадольо перемирия с союзниками немецкие войска оккупировали большую часть Италии. Личный состав, который можно было выделить в бамбергских казармах, был отправлен в Италию — не как танковые экипажи, а как разного рода охранники.

7-я танковая дивизия, частью которой был 25-й полк, размещалась во Франции с мая 1940 года до февраля 1941 года — до того, как большинство из нас, посланных в Италию, стали частью Вермахта или закон-

чили обучение на танкистов, так что хорошей жизни во Франции нам не досталось. Мы были в основном молодыми парнями — в среднем восемнадцати лет.

Куда мы направляемся в Италии, нам не сказали, — но Италия, похожая на Францию, ненадолго станет для нас кусочком хорошей жизни.

Но вскоре пришел черед России.

Наш войсковой эшелон, по пути в Италию через Альпы, однажды утром встал в австрийском городе Виллах. У подножия гор, возвышавшихся слева и справа от путей, по которым шла большая часть трансальпийского сообщения, нам пришлось прождать около часа.

От соседнего пустого пути нас, идущих за водой на вокзал, в упор разглядывали два канадских военнопленных из бригады, ремонтирующей пути.

Неожиданно, отведя от нас взгляд, один из них бросил куском щебенки в голубя, присевшего рядом, — и сбил его. Я похвалил метальщика: «Ничего себе бросок». Они оба, наверное, долго гадали, что молодой парень с канадским акцентом делает с немецкими солдатами.

К середине сентября 1943 года меня отделяли от Канады четыре с половиной года испытаний; я часто вспоминал, с каким удовольствием говорил по-английски с тем канадцем из Виллаха.

Через пару дней после Виллаха мы сошли с поезда в Триесте, крупном морском порту в заливе Триест, на Адриатическом море. Нас послали помогать охране порта, в котором тогда жило 250 000 человек. Так нам сначала сказали.

Не встретив враждебности, мы переехали в старые безлюдные казармы берсальеров на возвышенности, господствующей над большей частью города.

Все эти торопливо заселенные квартиры были пусты. Возможно, столы и стулья были вывезены неза-

долго до нашего прибытия, — но готов спорить, что в спальнях для рядовых сроду не было никаких шкафов. Массивные крючки для одежды висели на трех стенах из четырех, напоминая мне о двойных крючках для одежды в раздевалках трех школ, в которых я учился в Канаде. В этом берсальерском Ритце у нас не было ни кроватей, ни матрацев; мы просто перешли от немецкой соломы на вагонном полу к итальянской соломе той же мягкости, цвета и запаха, покрывающей часть пола в казармах. Более того, не нашлось и оружейных шкафов для наших винтовок.

Как правило, каждое из несмывных посадочных мест в шестиместных туалетах, разбросанных по разным местам здания, было просто дыркой в бетонном полу. Запасясь куском туалетной бумаги или охапкой итальянской постельной соломы, каждый посетитель внимательно следил за собой — за подтяжками, каблуками и бумажником, — раскорячившись над скользкой дырой, откуда не было возврата, каждая нога точно стоит на гладкой светлой плитке, образующей небольшого размера оттиск подошвы армейского ботинка. Однако эти сортиры без кабинок и унитазов было легко чистить. Знай себе поливай из шланга, все сольется само. Занавес.

За зданиями казарм стояли незапертые гаражи, в которых было свалено итальянское военное снаряжение, новое и бывшее в употреблении. Разбросанные, например, среди обмундирования желто-зеленые ящики с белой надписью по трафарету BOMBA MANU (ручная граната) делали это место просто опасным.

«Dort lebt man wie der Herrgott in Frankreich» («Как у Христа за пазухой») — старое сравнение, применимое к любому месту, где солдат живет сравнительно роскошно, вряд ли относилось к нашим первым дням в Триесте.

Потом, ближе к концу нашей первой недели, —

мы все еще были заняты, обживая место, и никуда не отлучались, — мы начали верить, что эта часть Италии осенена христовым уютом: кьянти, которое тайком приносили в казарму в котелках и выпивали в комнатах. Поскольку никто из нас не умел превращать итальянскую водопроводную aqua в крепкое итальянское vino, в округе должен был найтись поставщик вина.

С полдюжины итальянских детей, лет по 14, принимали лиры через узкую дыру в высоком заборе казарм, а полчаса спустя через ту же дыру передавали пузатые, оплетенные соломой бутылки кьянти. Они забирали пустые бутылки, когда vino переливалось в котелки. Конечно, эти дети Триеста зарабатывали на нас, но ни разу не обманули с обменом и не утаили часть денег в свою пользу.

Вскоре, естественно, некоторые парни распустились; некоторые котелки стали вонючими жестянками, многие отхожие места были сильно загажены — и все раскрылось.

Солдатская поговорка «Da war der grosse Hund los!» («Там спустили большого пса»), означавшая разнос в пух и прах, хорошо описывала то, что произошло — во-первых, каждая порция вина, найденная у солдат, была вылита в отхожее место. Вторая часть наведения порядка заняла больше времени: приказ «никакой выпивки в казармах» вколачивали часами жесткой муштры на плацу и долгих маршей, в основном бегом.

Сделав свое дело, большой пес вернулся на цепь. В казармах воцарилась трезвость. Развеселая жизнь, которой парням досталось совсем по чуть-чуть, была где угодно, только не здесь.

Вскоре ребята смогли утолять свою жажду, во многом воображаемую, в пивной, стоящей у самого забора казарм. Заодно они смогли добавить к хорошей жиз-

ни и бордели, хотя им предстояло выяснить, что алкоголь там не подается.

Стараниями большого пса ассоциация малолетних итальянских бутлегеров ушла из бизнеса. Однако несколько упорных выпивох нашли другие способы проносить vino в казарму.

Когда их, что неудивительно, поймали, они получили каждый по семи дней ареста. Камеры на первом этаже в нашем «Ритце» давали квартирантам прекрасный вид на плац; в свою очередь, проходящие видели камеры и тех, кто в них сидел. Поскольку арестанты сидели внутри, смотря на мир из-за решетки, они выглядели полностью лишенными хорошей жизни — особенно когда остальные ребята стали попадать в город, по службе или в короткие увольнения.

На улицах Триеста

Кроме картин казарменной жизни, говоря о Триесте, я четко и ярко вспоминаю трамваи на улицах, патрули и короткие посещения центра города, караульную службу на старой табачной фабрике у центрального вокзала.

Достигая скорости 100 км/ч, бора — холодный ветер, дующий с гор на северо-восток в сторону Адриатики и Югославии, — сбивал с ног людей и переворачивал машины. В Триесте ветер, казалось, собирал все силы на углах улиц. Проломить собой стену ветра было для пешеходов почти невозможным. Гораздо легче, как мы скоро узнали, было ездить на трамвае.

Обычно мы использовали удобную прямую ветку, которая шла от нас в центр и обратно. Внутри тебя всегда встречал кондуктор, со своим неизменным «Проходите дальше! Проходите дальше! Пожалуйста!». Почти каждый раз, когда группа солдат с винтовками ехала в трамвае, это ничуть не беспокоило пассажи-

ров. Напротив, многие пассажиры болтали с нами на немецком языке с сильным австрийским привкусом.

Патрулирование в Триесте в первую очередь означало, что ночью нужно было находиться в центре города. В отличие от стационарного поста, который нам часто доставался при охране городского лагеря военнопленных, пешее патрулирование определенной территории давало возможность развеяться, несмотря на темноту.

Иногда в начале ночи тройки наших казарменных жителей придавались патрульным двойкам военной полиции, но ходьба с этими бесчувственными, властными парнями неизбежно приводила к тому, что мы чувствовали себя скованно. Мы гораздо лучше чувствовали себя, когда — унтер-офицер и два рядовых — выходили в город, готовые как можно больше узнать о ночном Триесте.

Ни разу не задержавшись до начала комендантского часа, некоторые жители Триеста собирались вместе — с улицы это звучало как приглушенное прослушивание итальянской оперы — за наглухо закрытыми окнами. Двери, тоже тщательно запертые, открывались для нас, любопытных парней, позволяя увидеть то, что можно назвать разгаром большой вечеринки.

На каждом сборище, которые мы видели, церемонию вел престарелый мастер церемоний, чей потный лоб выдавал любовь к выпивке, песням и еде. Много раз, когда выпадала наша очередь, мы проходили мимо — «ешьте-пейте-и-веселитесь» — атмосферы вечернего пира в Триесте.

С неизбежностью нам приходилось бороться с желанием принять старую мудрость: «Садись там, где поют — злые люди песен не знают». Мы не были одеты подобающе случаю. Стальные шлемы, винтовки и, в

конце концов, военная форма... Мы не подходили к ним. Мы шли дальше в ночь.

Для разнообразия в центре города во время увольнения нам иногда хотелось провести часок-другой в коммерческих банях, заняться личной гигиеной. В конце концов, валяясь на соломе и облегчаясь в совершенно средневековом отхожем месте, начинаешь просто тошнотворно пахнуть. Кроме того, хотя мы занимали свой «Ритц» несколько недель, сантехника еще не была настолько надежной, чтобы рассчитывать в казарме на регулярный душ.

В любом случае типовую ванную в итальянской бане — там были и более роскошные комнаты — нужно было видеть, чтобы в нее поверить. Прямоугольная, выложенная плиткой комната с ванными, стоящими вдоль каждой из двух параллельных стен. Между ванными — водонепроницаемая перегородка. На стене в дальнем конце комнаты, в той стороне, куда смотрят купальщики из ванной, висит большое зеркало, и каждый из двух купающихся мог видеть другого, пока зеркало не запотеет.

Для нас главным были мыло и вода, а не интерьеры.

В триестском борделе

В общем, группа искателей приключений с увольнением на руках, войдя вечером в бордель в центре Триеста, первым делом садится на стулья, расставленные вдоль четырех зеркальных стен, так что вся комната становится похожа на арену.

Маня клиентов из этого зала ожидания, примерно восемь молодых миловидных и сексуальных бордельных шлюх, возглавляемых своей бордельной маман, или мадам, приступают к делу.

В начале каждого визита в бордель молодым людям захочется насладиться общественным аспектом

всего этого. Те, кто уже бывал в этом борделе и знал или думал, что знал, определенную шлюху, покажут какого-нибудь застенчивого паренька, чьей половой жизни, кажется, не хватает немножко профессиональной стимуляции. Так что одна из шлюх сядет ему на колени, просунет руку ему в ширинку и приласкает его так, как он прежде не подозревал.

Вскоре юнец созреет для того, чтобы подняться на второй этаж. Пока его товарищи будут бурно подбадривать его, превознося опытность шлюхи и решимость его самого заняться половым сношением, как подобает мужчине, шлюха уведет его от шумного театра к началу лестницы в конце коридора, недалеко от входа с улицы.

Затем, всего в нескольких шагах вверх по узкой лестнице, шлюха расчетливо вовлечет его в следующий акт итальянского бордельного театра — подняв и держа сзади на весу подол короткой юбки, открывая голый, красивой формы зад. Показав почти в упор, на уровне глаз, прекрасные женские эрогенные зоны с неприкрытой вульвой, потянет его за собой.

Под мощными чарами женской вагины молодой человек совершит множество сверхглубоких проникновений и закончит почти бесконечным оргазмом.

У шлюхи, с другой стороны, нет более сильного желания, чем вовлечь своего похотливого клиента в торопливый неглубокий коитус. Она знает, что, вскоре после того как он прекратит вкачивать в нее свое молодое семя, ей придется возвращаться к размеренной рутине бордельной шлюхи — жизни, к которой была и остается полностью применима фраза «Der nachste Herr, dieselbe Dame». («Другой господин для той же дамы».)

Конечно, бордель в Триесте — не то место, где можно искать настоящего сексуального блаженства. Однако в подобном месте многие молодые люди —

обычно в присутствии своих сверстников — проходили своего рода добрачный обряд инициации.

Сплошь и рядом — с разрешения мадам — половое сношение проходило в присутствии зрителей, в холле борделя. Согласная шлюха и еще более согласный солдат — и начинается представление с примитивным, без прелюдии, вагинальным сношением стоя-сзади.

Шлюха, согнувшись в поясе, опирается руками о стоящий в центре комнаты стул. Солдат, сняв лишь сапоги для большего удобства, держит шлюху за голые бедра и пускает эрегированный член по назначению. Самозабвенно отработав положенное, меньше чем через минуту он бессознательно привстанет на цыпочки во время эякуляции.

Ребятам нравится каждый миг этого шоу, и мадам уверена, что молва пройдет по всему Триесту, привлекая еще больше солдат в ее бордель.

Одаренный воображением патруль, проходя мимо, сразу же пойдет — якобы в поисках находящихся в самовольной отлучке — по комнатам одного-двух борделей, уже закрывшихся на ночь.

Пройдя внутрь борделя и мимо громко протестующей мадам, патруль ненадолго заглянет в холл на первом этаже, а потом поднимется на второй, где у каждой шлюхи своя так называемая рабочая комната, откуда она ушла на ночь.

Одна кровать. Один прикроватный столик, на нем небольшая лампа с абажуром. Одна раковина, над ней — зеркало.

На матрасе, давно потерявшем упругость, — сбившаяся простыня, ее средняя треть по большей части покрыта пятнами и потеками от семени, оставленного множеством прошедших через комнату мужчин.

В наполовину выдвинутом ящике прикроватного столика мешанина черно-белых фотографий и запи-

сок от множества мужчин, которых она по одному укладывала на эти нечистые простыни.

В центре небольшой раковины — большая чашка с темно-синим химическим раствором, доза которого, впрыснутая в уретру и вокруг желез, как предполагалось, на какое-то время не даст ему заразить ее венерической болезнью или заразиться самому.

Осмотревшись в комнате внимательнее, чем это возможно в присутствии ее обитательницы, начинаешь чувствовать, как комната навевает картины, озвученные солдатской поговоркой: «Гонорея, сифилис и шанкр — да он, наверное, болен?!»

Проверив первый и второй этаж, патруль тщательно проверит третий — куда шлюхи уходят на ночь.

Еще раз протискиваясь мимо все еще раздраженной мадам, три человека попадают в место с самым чудесным видом. Часть шлюх, в тепле и уюте, лежат под одеялами на чистых широких постелях в своих настоящих спальнях. В других комнатах, также хорошо обставленных, остальная часть женского клуба, одетая в пеньюары, болтала или ела поздний ужин, приправленный жареным луком.

Качество и чистота третьего этажа подтверждали то, что cognoscenti — те, кто в патруле, видел множество борделей от подвала до крыши, — обычно замечали: средняя триестская шлюха держала себя, свой гардероб и свою комнату в большей чистоте, чем свое рабочее место.

Боже мой, этот последний этаж показывал, что такое спать с женщиной! Он показывал высшую разновидность полового сношения, соответствующую сластолюбивую антропоморфную сущность «как у Христа за пазухой». А вовсе не торопливое совокупление в стиле мартовских кошек, которое продавали внизу.

В конце мадам, чувствуя, что посетители уходят, вела себя тише — добросердечный командир патруля

мог вспомнить пару популярных колыбельных, например Пауля Линке, автора оперетт о Берлине: «В поздний час, когда на небе звездочка сияет, маленькие девочки должны ложиться спать».

Пока мадам восстанавливает самообладание, а ее шлюхи набираются сил, — может быть, уже на следующий день в бордель придут два десятка парней из «Ритц берсальери», — патруль, чтобы успеть проверить хотя бы еще одно заведение, спешит в соседний бордель, стоящий на квартал дальше.

Лагерный мир

Как оказалось сразу по приезде, нашей главной функцией в Триесте было охранять лагерь военнопленных в большом двухэтажном здании бывшей табачной фабрики.

Лагерь, примыкающий к Пьяцца дела Либерта, как и центральный вокзал, снаружи требовал меньше охранников, чем внутри.

Снаружи охранник должен был два часа подряд терпеть бору — если он предусмотрительно не заботился о себе сам. К счастью, у итальянской железнодорожной полиции были небольшие постовые будки, в некоторых были окошки, открывавшие хороший вид на окрестности лагеря.

Втиснувшись в одноместную будку, два человека — итальянский полицейский и его удачливый гость, немецкий солдат, — проводили свои смены, вытянувшись по струнке, стараясь не дотрагиваться до самодельного обогревателя, состоявшего из примерно полуметровой петли голой резисторной спирали, концы которой полицейские ухитрились засунуть в клеммы распределительного щитка на стене.

Иногда, попытавшись выучить хотя бы какие-то обрывки иностранного языка в тесноте двухчасового убежища, солдат, по появлении, мог честно сказать,

кроме прочего: «Io niente parla italiano, ma io parla inglese e Tedesco» («Я не говорю по-итальянски, но говорю по-английски и немецки»).

За главным входом, наведя взгляд на беспокойный мир внутри лагеря, с которым имела дело охрана, на небольшом столе в прихожей агрессивно царил пулемет образца 1934 года, на сошках и с полной лентой в коробке, примкнутой слева.

Кто бы ни поставил этот МГ-34 — тот стоял там в день нашего прибытия и стоял там, когда мы оттуда ушли насовсем, — он зарядил пулемет всего одной лентой на 50 патронов и направил на дверь самой большой комнаты, где содержались десятки итальянских солдат-антифашистов. Мы держали МГ-34 на столе, хотя могли быстро его перенацелить и начать стрелять. Также мы могли его мгновенно перезарядить.

Стараясь не попадать на прицельную линию пулемета, пост из двух человек присматривал за дверью в комнату, где сидело много итальянцев, которая находилась, если смотреть от входа и прихожей, справа. Один охранник стоял на посту напротив открытой двери меньшей комнаты. В ней был всего один заключенный — итальянский полковник, человек Бадольо.

Примерно 50-летний господин в очках носил еще опрятную армейскую форму. Судя по упитанному виду, он давно наслаждался жизнью. Однако он подвергался пыткам. Множество клопов сползались к нему со всего здания.

Однажды полковник объяснил охраннику, рядовому в полевой серой форме, что он придумал способ, как помешать клопам ночью забираться на его постель — каждая ножка кровати стояла в банке из-под сардин, в которой осталось немного масла. И все-таки клопы его донимали.

Опрятный полковник расставлял шесть своих клоповых банок, как солдат на параде. Уже то, что ему разрешали держать в комнате банки с острыми краями, говорило о том, что его считали неопасным.

Многоликий старый солдат также рассказал рядовому, что заметил, как клопы в ночной полутьме собираются на потолке и, чувствуя тепло тела под собой, падают вниз. Воздушно-десантные клопы, иначе говоря.

Однажды, когда мы — два вооруженных отделения, всего две дюжины солдат, — пошли из казарм на фабрику нести караульную службу, в наш трамвай села хорошо одетая красивая брюнетка. Мгновенно многие солдаты восторженно приветствовали ее как местную знаменитость.

Большинство парней, ехавших в том трамвае, после месяца жизни в Триесте стали ходоками-любителями, в основном имея дело с девочками одного из крупных городских заведений; они легко узнали брюнетку, которая, работая в том публичном доме, носила на работе облегающее черное платье с жакетом.

Явно оскорбленная грубым приемом, проститутка-похожая-на-леди тихо вышла из трамвая на следующей остановке — явно раньше, чем ей было нужно. В тот момент она не могла терпеть присутствие людей, которые не могли понять, что бордель, так сказать, не «пьяцца», а «пьяцца» — не бордель.

Эти бордельные ходоки, возбужденные зрелищем одной из своих шлюх вне стен борделя, явно забыли совет, известный каждому из них задолго до нашего марша в Италию: «Джентльмен получает удовольствие, но не болтает об этом».

Восемь самоуверенных «альпини», итальянских горных стрелков, очень вовремя отделенных от других парней Бадольо, живших в комнате на первом этаже напротив итальянского полковника, как могли, старались поддерживать свой бойцовский дух. У них

была комната на втором этаже, недалеко от грузовой эстакады у заднего входа. Если где-то была шайка, которая выглядела всегда готовой на побег, то это были они.

Иногда, обычно в веселом расположении духа, каждый из них демонстративно напяливал свою высокую шляпу зеленого фетра, украшенную длинным сияющим хвостовым пером, явно выдернутым у большого итальянского петуха-волокиты.

Не страдая от скромности, эти фигляры то и дело старательно делали неприличные жесты в сторону охраны.

В другой промозглой голой комнате мы держали 12 пленных новозеландцев, заново взятых в плен вскоре после того, как Италия 8 сентября 1943 года переметнулась к союзникам.

Один из двенадцати, курчавый бодрый малый лет 25, говорил от имени своих приятелей, задавая вопросы и намекая на потребности. Он сказал, что был в Новой Зеландии газетным репортером.

Они всегда поровну делили армейский хлеб, который я им приносил. Они были хорошей компанией.

После войны я написал мэру Веллингтона, г-ну Эпплтону, попросив помощи в розыске, в основном курчавого солдата, в Новой Зеландии. Из мэрии прислали письмо и фотокопию короткой газетной заметки — без указания источника и даты — с изложением моего запроса; однако ни один из двенадцати, кто содержался в бывшей табачной фабрике в Триесте, так и не дал о себе знать. Кто знает, что с ними случилось?

Итоги подведены, урок выучен

Мы покинули Триест в товарном вагоне тем же путем, каким приехали туда двумя месяцами ранее. Город показался нам со сравнительно хорошей стороны — не столь хорошей, как далекий недостижимый

идеал, но гораздо лучшей, чем мы могли бы ощутить, останься мы на эти восемь недель где-нибудь к северу от Альп, в Германии.

В целом жизнь в казарме берсальеров была мягче, чем, скажем, в танковых казармах в Бамберге. В то время как казармы в Германии могли легко довести человека до рапорта об отправке на фронт, казармы в Триесте не приводили к необходимости такого шага.

В городе у нас не было необходимости стрелять, ни в патруле, ни во время караульной службы. Мы не испытали ни бомбежки, ни воздушной тревоги. Мы не слышали никакой стрельбы.

Очевидно, ни один из парней Бамбергского танкового не уезжал из Триеста, во многих смыслах злачного места, с телом, пораженным венерическими болезнями. Раз уж зашла речь о теле, то для некоторых — скорее, для многих — латинское «в здоровом теле здоровый дух» Ювенала (60—140 до н.э.) легко могло стать, используя то же клише, мыслью, определяемой желанием.

Наши бордельные ходоки в Триесте не очень задумывались о связи тела и духа или о соответствующих афоризмах на немецком. Они бы сказали: «Человеку должно везти».

Не меняясь веками, любовь молодых солдат к риску прекрасно описана Шекспиром в «Как вам это понравится», II, 7, 149—53:

(...)затем он воин,
Обросший бородой, как леопард,
Наполненный ругательствами, честью
Ревниво дорожащий и задорный.
За мыльным славы пузырем готовый
Влезть в самое орудия жерло.

(Перевод П. Вайнберга. — *Прим. перев.*)

Каждому молодому солдату лучше быть удачливым — где бы то ни было.

В Триесте мы не учились своим танкистским спе-

циальностям. Мы даже редко маршировали — за исключением дня большого запрета на выпивку — и редко пели строевые песни. Мы, однако, не забыли обучения, которое взяли с собой в Италию, и не утратили жесткости.

Вызванные обратно в Бамберг, мы прошли новое обучение. Мы также многое узнали от раненых танкистов, которые вернулись с Восточного фронта в казармы, стоящий рядом с которыми Т-34/ 76 властно напоминал о наших обязательствах перед солдатами 25-го танкового полка, служившими на Восточном фронте.

Меньше чем через год после Триеста, в Северо-Восточной Румынии, в местечке под названием Сучеава — 950 км от Триеста на северо-восток, — мы смогли показать, чему научились; мы также, во многих смыслах, извлекли пользу из своего опыта солдат в фельдграу, попавших в чужую страну.

Последняя отсрочка перед Восточным фронтом

К концу 43-го я выехал из бамбергских казарм на две недели — недолгая отлучка, но показавшая, как важна для армии подготовка к зимней войне.

В Вермахте нелепое выражение «гебиргсмарине» (горный флот) означает несуществующий или неслыханный род войск. После войны, если о человеке говорилось, что он служил в горном флоте, это значило, что он не служил в Вермахте.

А как насчет танковых лыжников? Что за странная порода? Ну, не было военной части, большой или маленькой, которая бы из них состояла — однако небольшие группы танкистов проходили хотя бы какую-то горнострелковую подготовку.

Я так и не понял, почему именно я удостоился

такой чести, но в декабре 1943 года меня, с девятью другими, неожиданно отправили из Бамберга в Оберстдорф им Ольгеу на австрийской границе, в 130 км к юго-востоку от Мюнхена, для прохождения военного курса горнолыжной подготовки.

Все время курса упор делался на безопасности. Начав с объяснения, как двигаться на ровном месте в долине, инструкторы вскоре погнали нас, равнинных тирольцев — еще одна нелепица! — кататься вверх и вниз по довольно крутым склонам. Ходя на лыжах, каждый нес на спине рюкзак, весивший десять килограммов.

Верх моих армейских лыж был белым с зеленой продольной полосой посередине, примерно двух сантиметров ширины, от креплений вперед и назад. Зеленая полоска помогала искать лыжу, упавшую в снег.

Ход вверх по склону на дальнее расстояние был старой доброй «елочкой», при которой лыжи оставляли следы, расходящиеся буквой V. Другая техника, «лесенка», давала возможность набирать высоту так же быстро, как и «елочкой», но без риска скатиться назад.

Спуск по крутому склону с грузом за спиной требовал четкого знания, как безошибочно тормозить. Перед тем как начать спуск, твердили инструкторы, выньте руки из петель лыжных палок. Чтобы резко затормозить на спуске, поставьте палки между ног и оттолкнитесь ими, чтобы они ушли назад. Затем буквально сядьте на палки и слегка отклонитесь назад. Кружки на нижних концах палок, загоняемые в снег, сработают как тормоза.

Для снижения скорости и остановки на слабом уклоне мы, конечно, использовали старый добрый «плуг», при котором пятки лыж разворачиваются наружу.

Один танкист, спускаясь, не вытащил руки из ременных петель. Когда его правая палка зацепилась за

створку ворот в заборе, мимо которого он ехал, его рвануло назад и вниз. Он получил серьезное повреждение правого плеча — что, вероятно, напоминало о себе до конца жизни.

В неуютной близости от окончания самой крутой трассы в Оберстдорфе стояло мощное препятствие — цепочка отелей. На таком старом и известном курорте лыжники поколениями требовали, чтобы отель обеспечивал немедленный доступ к основному склону; следовательно, здания стояли плотно. Там, если лыжник катился слишком быстро и далеко, он, его лыжи с зеленой полосой и рюкзак могли закончить путь в холле какого-нибудь отеля.

На одной тренировке на той горе, примерно на середине спуска, несмотря на применение тормоза «палки под задницей», я еще довольно быстро спускался, приближаясь к дорожке перед отелями. Когда я проносился мимо, чуть не влетев в нее, маленькая старушка, видящая, как я сижу на палках, спросила меня: «Это тоже входит в вашу службу?» Наверное, десятки лет назад эта старушка каталась в Оберстдорфе; может быть, в то время она спускалась по тому же склону на лыжах — без болтающегося сзади рюкзака и с куда меньшим количеством строений внизу. Она с тем же успехом могла спросить, является ли весь этот курс частью военной службы танкиста.

Инструкторы лыжного курса были, строго говоря, унтер-офицерами горных стрелков и, судя по акценту, происходили из какого-то горного района на самом юге Германии. Под самое завершение курса, — как мне показалось, до некоторых из них дошло, в какую неприятность они попали, — и они, и мы, вся их учебная группа, не спустившись с горы до наступления темноты, вынуждены были провести на ней всю ночь. Ранним вечером мы все воткнули лыжи в снег бог знает где и, придерживаясь руками за склон,

пошли по заснеженным уступам. Мы вышли на альпийский луг с небольшой хижиной, но не остались там надолго.

На следующий день в Оберстдорфе мы услышали, что гражданских горных спасателей известили о нашем опоздании. А заодно и военных.

Так существуют ли танковые лыжники? Да, типа того. Если старый пропагандистский ролик — не будьте слишком строги, потому что после каждого учебного курса все лыжи и прочее снаряжение оставалось у горных стрелков, — показывает «панцеркампфваген-IV» или «ягдпанцер-IV» с лыжами, привязанными наверху, есть шанс, что, по крайней мере, один член экипажа несколько недель проходил лыжную подготовку — возможно, и в *Оберстдорфе им Ольгеу 1943 года.*

Высказывание «есть что вспомнить», конечно, относится и к каждому из различных путешествий, совершенных мной в 1943 году, и к моим воспоминаниям о них; эти истории я и рассказываю здесь 60 лет спустя.

Оглядываясь назад, могу сказать, что 1943 год был для меня затишьем перед бурей, и в 44-м я познал настоящую серьезность жизни на Восточном фронте, где единственная заповедь гласила «убей или будь убит».

Глава 5

КАК СТАТЬ И БЫТЬ БАШЕННЫМ СТРЕЛКОМ

Название этой книги, «Башенный стрелок», обязывает меня сделать упор на важных аспектах стрельбы из танковой пушки. Кроме прочего, многие люди с серьезным интересом к военной истории, которых я водил с экскурсиями по Канадскому военному музею за последние 9 лет, с интересом узнавали, как оптический прицел основного танкового орудия использовался стрелком для получения невероятного счета подбитых танков противника. Однако, поскольку опубликованная информация по использованию телескопических пушечных прицелов четвертых «панцера» и «ягдпанцера» вряд ли доступна в популярной форме, я решил в этой главе использовать часть прекрасного доступного материала по «пантере» и «тигру», который тогда и сейчас применим к PzIV и «ягдпанцеру» на его основе. То, что я не служил на «пантере» и «тигре», никак не мешает мне предложить этот материал читателю.

Определенно будет лучше объяснить в общих чертах функции башенного стрелка в одной главе — в этой.

В 1943 году обучение на башенного стрелка не следовало какому-то плану определенной продолжительности. В отличие, например, от водителя танка, башенный стрелок не получал месяцев плотного формального обучения. В общих чертах профессиональ-

ный рост башенного стрелка нес продолжительный и отчасти самообразовательный характер. В то время как водитель танка получал права на вождение бронированных гусеничных машин, башенный стрелок не получал удостоверения об окончании курса или присвоении квалификации — ничего.

Будущий стрелок должен проявить первый вкус к занятию вроде стрельбы из танковой пушки на ближайшем стометровом открытом стрельбище, где стреляют из армейской винтовки. Орудием служит 5,6-мм ствол с пушечным прицелом, вставленный в устройство горизонтальной и вертикальной наводки, торчащее из передней стенки фанерной турели, стоящей на четырех толстых ножках на линии огня. Если его запасный батальон обучал солдат для танкового полка на Восточном фронте, он стреляет из своей малокалиберки в стальной силуэт советского Т-34, управляемый по кабелю с линии огня. Ефрейтор, управляющий мишенью, может погнать ее задним ходом, а потом опять вперед, меняя при этом скорость. Именно там и тогда — на этой ранней ступени — его инструкторы смогут понять, есть ли у него желание продолжать. Попасть в сравнительно небольшой силуэт танка было непросто. На дистанции 25 м Т-34 размером с пачку бумажных носовых платков выглядел как настоящий, стоящий в 850 метрах от стрелка. Танковым полкам, обучая желающих стать башенными стрелками, приходилось полагаться на импровизации вроде той малокалиберки.

Конечно, к 1943 году у танковой школы, действовавшей в Путлосе с 1935 года, не было ни того количества танков, ни того количества боевых снарядов, бронебойных или осколочных, которые нужны для масштабного и досконального обучения стрельбе. В то время не существовало стрелковых тренажеров-симуляторов.

Стоящий в 45 км к востоку от Киля, на юго-восточном берегу Кильской бухты, Путлос сегодня стал пригородом Ольденбурга в земле Гольштейн — не того Ольденбурга, который находится в федеральной земле Ольденбург. Ольденбургский Ольденбург лежит на 210 км юго-западнее.

В конце 1943 года у Вермахта было 22 танковые дивизии, в 17 из которых было по одному танковому полку; в остальных пяти было лишь по части танкового полка. Полноценный танковый полк состоял из двух батальонов, в каждом по четыре роты. По штату, в первом батальоне была 51 «пантера», во втором — 52 «панцеркампфвагена-IV». Кроме того, в танковых дивизиях были штурмовые оружия и отдельные батальоны «тигров».

Всем этим танкам требовалось множество стрелков. В идеале, в любой момент 1943 года десятки солдат должны были проходить обучение стрельбе в Путлосе или в таких же местах. Однако туда никого не посылали. Даже инструкторы, которые вели отбор на основании стрельб на дешевом малокалиберном тренажере, никогда не были в Путлосе. Большинство парней из Панцерваффе так и не добрались до полигонов ни в 43-м, ни позже.

В 1943 году, хотя при казармах запасных батальонов велось большое обучение башенных стрелков, им всегда не хватало практической стрельбы или хотя бы практической демонстрации.

Одна деталь церемонии принесения присяги в 10-м батальоне пополнения танковых войск привела к тому, что присутствовавшие на ней новобранцы решили стать башенными стрелками.

Там и тогда четыре съехавшиеся к плацу «панцера-IV» в полном вооружении были впечатляющим зрелищем, заставлявшим присутствовавших молодых людей задуматься о том, каково их место внутри танка.

Вскоре после того, как за них, так сказать, принесли присягу, однополчане сказали им, что, если они займутся оружием танка — пушкой и пулеметом — каждый в своей установке, — это будет хорошо.

Здесь стоит отметить уже обстрелянных стрелков, которые в казармах запасных частей занимались неофициальным обучением — тех, кто сменит их на поле боя. Эти ветераны, почти все с боевыми ранениями, с удовольствием передавали свой бесценный опыт будущим обитателям боевого отделения. Многие из них — особенно те, кто столкнулся, часто один на один, с Иванами, как называли всех советских, на Т-34, — благодарили господа, что долгие годы советская танковая оптика была отчетливо ниже качеством, чем немецкая. Они, конечно, говорили, чему их научили или не научили в батальоне пополнения и о том, чему они научились сами — мудрости башнера, как жить в танковой башне. Передавая крупицы этой мудрости, неформальная лекция, читаемая в казарменной комнате на солдатском немецком, была обычно яркой, не обращающей внимание на мрачную атмосферу места и обычно очень информативной.

Несмотря на все эти предприятия, как официальные, так и неофициальные, к 1943 году казалось, что единственным верным путем для начинающего стать полноценным башенным стрелком было отслужить ученический срок, пусть самый короткий, на фронте в качестве заряжающего. На самом деле не было более квалифицированных инструкторов, более обширных стрельбищ и, если уж на то пошло, более усердных учеников, чем на передовой. Если заряжающий выживал в боях и проявлял должную склонность и должное отношение, он делал огромный шаг на пути к тому, чтобы стать башенным стрелком.

За долгие часы, что он проводил рядом с наводчиком — своим главным ментором, — заряжающий не-

избежно осваивал кое-что из обязанностей наводчика. Заряжающий узнавал, например, что в бою оружие должно как можно реже выходить за створ переднего угла танка. Он узнавал, где на телескопическом прицеле находится довольно незаметный выключатель подсветки визира. Он узнавал, как стукнуть по импульсному генератору, чтобы выстрелить из пушки, когда электросистема танка частично или полностью отказывала. Он узнавал о том, что пушку нужно перед отдыхом навести на место, откуда может произойти неожиданное нападение. Он узнавал о том, где находится подрывной заряд для уничтожения танка.

Однако с чем заряжающий был куда менее знаком — так это с тем, что делать, применяя танковую пушку по опасному противнику, движущемуся в бортовой проекции, или на 90 градусов, а также на 45, 30 градусов или в лоб. Во всех таких случаях для быстрой и точной наводки орудия требовалось высшее из умений наводчика.

Мастерство башенного стрелка, конечно, не появлялось в результате одних только учебных часов, принятых в достаточном количестве и дополненных практическими стрельбами. Стремясь к еще большему личному мастерству, амбициозные башенные стрелки жаждали качественных печатных инструкций, запоминающихся, как те, что содержались в «Пантер пример» — инструкция с таким названием издавалась для экипажей «пантер» — и «Тигер пример». В первую очередь «Пантер пример «и «Тигер пример» были инструкциями. Во вторую очередь — справочными пособиями.

Независимо от причины появления, «Пантер пример» и «Тигер пример» содержат бесценные отрывки,

относящиеся к работе наводчика танковой пушки в 1943 году и позже, до конца Второй мировой войны.

До тех пор пока близость цели не отменяла необходимость расчета дальности перед выстрелом из танковой пушки, наводчик всегда рассчитывал дальность перед расчетом упреждения — чего тоже иногда не требовалось из-за близости цели. Общая картинка, появляющаяся в визире для расчета дальности, естественно, давала информацию и для последующего расчета упреждения.

Более заметная часть сетки телескопического прицела «тигра-1» состоит из замечательно яркого контура ряда меток; чуть позже мы обсудим его менее заметную часть. По центру ряда прицельных марок находится центральная марка, она также называется большой маркой.

На равных расстояниях от центральной марки и друг от друга, вправо и влево от нее, отходят три вспомогательные, или малые, марки. Главная марка, в форме равностороннего треугольника, вдвое шире и вдвое выше вспомогательных марок, имеющих форму перевернутой буквы V. Вершины главной прицельной марки и всех вспомогательных находятся на одном уровне. Расстояние между вершинами соседних марок равно четырем тысячным, цифра огромной важности для наводчика, не только для определения дальности, но и для расчета упреждения. Высота вспомогательной марки определена в две тысячных — мера, иногда жизненно важная в расчете дальности.

На картинке в «Тигер пример», под рядом прицельных марок, похожих на только что описанные, виден ряд вертикальных линий, показывающих тысячные. Длинная линия тысячных, с номером 0, стоит прямо под вершиной основной прицельной марки; над длинными линиями слева и справа от нуля

стоят числа 10, 20, 30, 40, а короткие линии, находящиеся между ними, оставлены ненумерованными.

Из иллюстрации видно, что, хотя в наставлении сказано, что расстояние между соседними вершинами прицельных марок равно четырем, для ряда тысячных этот интервал равен десяти. Возможно, непропорциональный ряд тысячных был добавлен для того, чтобы подчеркнуть наводчику важность дальномерной шкалы. Эту мысль подкреплял рисунок грузовика, развернутого влево, захватывающий часть шкалы слева и справа от отметки — для всех целей и задач в пределах 30 тысячных, а также для отработки задач, включающих отметку 30 тысячных от нулевой отметки, — то есть расчет дальности до грузовика без пересчета интервалов прицельной сетки в тысячные.

Возможно, изображение тысячных в этом руководстве должно было показать родство со шкалой тысячных в оптическом оборудовании, применявшемся, например, наблюдателем, который собирал информацию о целях для передачи наводчику по радио — хотя башенным стрелкам, при стрельбе прямой наводкой, не нужно было полагаться на данные наблюдателей с других машин. Однако, например, имея противником хорошо замаскированный танк противника, танковая команда как священному гимну внимала всему, что наблюдатель сообщал со своей позиции о нахождении вражеских танков. В таких случаях наблюдатель, передавая информацию, ценную для башенного стрелка, использовал тысячные.

Дальше мы увидим, переводя оригинальную инструкцию, что «Тигер пример» хотел сказать наводчику об определении дальности исключительно средствами сетки визира на лучшем из всех прицелов, установленном на орудии «тигра-1».

Все нижеследующее — перевод текста на картинке.

Девиз: «Даже мастера измеряют, потому что не могут полагаться на прикидки, сделанные на глаз».

ИЗМЕРЕНИЕ [ДАЛЬНОСТИ]

Когда художник хочет точно измерить дистанцию, он сравнивает длину карандаша с ростом модели.

Вы должны сравнивать размер марки с целью! Когда вы знаете размер цели, вы можете рассчитать, с помощью угловых, расстояние до нее.

Внимание: все русские танки имеют ширину 3 м. Представим, что один из них стоит на дистанции, с которой тон занимает $1^1/_2$ интервала между марками; и тут вы говорите «ага!».

$1^1/_2$ интервала, каждый по 4 тысячных = 6 тысячных

6 тысячных = 3 м

1 тысячная = 3 : 6 = 0,5 м

0,5 м × 1000 = 500 м

Если он стоит наискосок, вы не можете делать расчет на основании его длины или ширины. Возьмите его высоту. Высота [американского] М3 — 3 м. Если картинка в прицеле соответствует рисунку {sic}, то ваш расчет идет так:

3 высоты вспомогательной марки, каждая по 2 тысячных = 6 тысячных

6 тысячных = 3 м, и так далее.

В прицеле распределение тысячных следует таким образом:

Проблема: рассчитайте расстояние до этого грузовика!

30 тысячных = 6 м

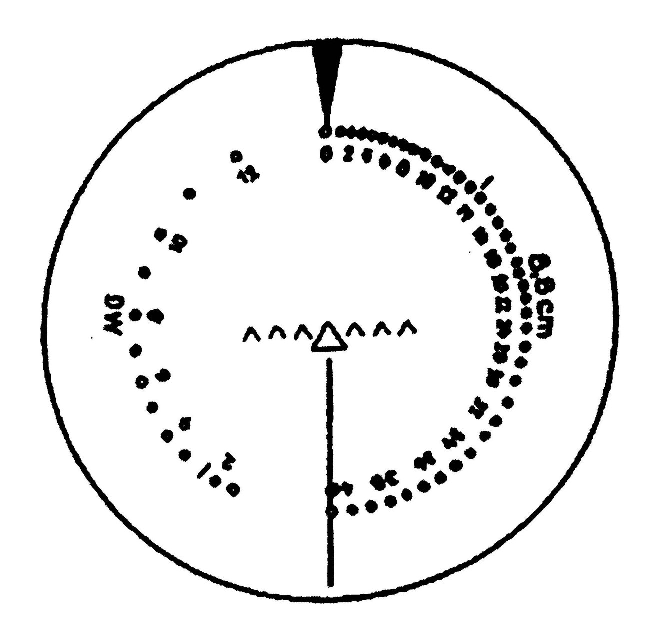
1 тысячная = 6 : 30 = 0,2 м

0,2 × 1000 = 200 м

Вот несколько измерений:

Внимание! [из-за разных типов боеприпаса], правильное прицеливание не ограничивается определением точной дистанции [самой по себе].

Мораль: Чтобы с рулеткой не бежать вперед,
Все в тысячных прицел тебе дает.
На тысячные делишь метры точно,
Умножь на тысячу — и твой расчет окончен.

В той же сетке прицела, но не по центру, — и, как следствие, не так очевидно, как прицельная марка, — находится та часть телескопического прицела, которую башенный стрелок использует перед окончательной наводкой орудия или спаренного пулемета, — в соответствии с дистанцией и типом боеприпаса.

Рисунок из «Тигер пример» показывает справа обычную шкалу дальности для бронебойных и осколочных снарядов, а слева — шкалу для пулемета. К ка-

ждой отметке шкалы нужно мысленно добавлять два нуля, тогда максимальная дальность выстрела из пушки составляет 40 делений, добавляем два нуля — 4000 метров.

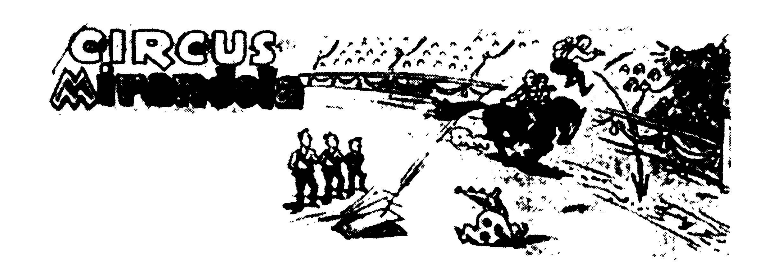
Если дистанция сравнительно коротка и если мы почему-то не смогли применить предписанную формулу расчета дальности, наводчик может выстрелить по неподвижному танку прямой наводкой с нулевой отметки. Для этого он, конечно, должен знать начальную часть траектории своего 88-мм бронебойного выстрела, по крайней мере, на дистанции, которой ограничивается точный убойный выстрел. В целом вместо использования формулы определения дальности из «Тигер пример» и вместо выстрела с нулевой отметки прицела танкист может довольно долго пристреливаться с помощью «вилки» — то есть стреляя с недолетом и перелетом, чтобы определить дистанцию до неподвижной цели, попадая в цель не раньше третьего снаряда.

Когда цель находится более чем в 200 м и движется, наводчик — теперь мы обращаемся к «Пантер примеру» — после определения дистанции от орудия до цели должен будет рассчитать упреждение, чтобы попасть точно в цель.

Как было показано, в то время как определение расстояния требовало использования главной прицельной марки в сочетании со вспомогательными, расчет упреждения не требовал использовать ни одной марки, ни тысячных. Однако, когда наводчик имел дело с упреждением, какая-то отметка среди вспомогательных прицельных марок служила отметкой, от которой отсчитывалось упреждение, а основная марка служила точкой прицеливания. Упреждение начиналось от середины вражеского танка — не от носовой части — или, если он двигался задним ходом, от его кормы, и заканчивалась она также на середине танка.

Было два метода, с помощью которых наводчик рассчитывал упреждение. Используя нерифмованный перевод с иллюстрациями из оригинального издания, давайте посмотрим, чему учат наводчика 106 строк из «Пантер примера» — обратите внимание на очередность — в применении и расчете упреждения; в приложении С дан оригинальный немецкий текст в строфах.

Цирк Мирандола

Прекрасная семья цирковых наездников
В блузах белых, как лилии,
В широкую розовую полоску,
И дети выстроились, как трубы в органе,
А здесь, по недостатку средств, начнется
Танец вшестером на спине одной лошади.
И весело кружит
По цирковой арене
Лоснящаяся гнедая кобыла,
Которую просто зовут Мирандола.
Труппа, кажется, намерена
Сесть на лошадь, прыгнув на нее.
Мама бежит и прыгает.
Вы думаете, что это сделано слишком рано —
о боже мой! —
Однако точно в тот момент,
Когда она отталкивается от земли,
Мирандола, как будто по расчету,
Приближается, чтобы встретиться с ней.
Мама прыгает на лошадь одним смелым прыжком,
И вся толпа кричит от восторга.
Лошадь едва пробежала еще несколько шагов.

Когда мамин муж решает тоже стать ездоком.
Он тоже бежит в пустоту и прыгает — смотрите! —
Садится прямо за женой.
Темп действия поднялся,
И каждый из детей прыгает раньше.
Можно подумать, что все плохо кончится;
Однако все происходит на удивление вовремя.
В конце они там все сидят в порядке,
За маминой спиной на одной лошади.
Прыгать нужно, как только лошадь подойдет поближе,
И все всегда будет в порядке.

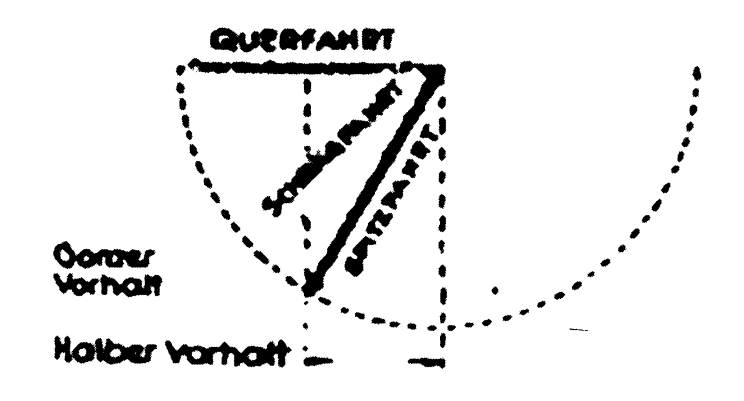
Если ты стреляешь в цели, которые движутся,
Соображение будет тем же:
Пока выстрел дойдет до цели,
Нужно немного времени.
За это короткое время
Цель сдвинется, обычно недалеко.
Неважно, как короток этот промежуток,
Выстрел опаздывает и промахивается.
Так что относись к делу творчески:
Стреляй в точку, куда прибудет цель.
Цель тогда придет к выстрелу.
Вот почему этот трюк называется упреждением.
Стреляй, когда цели там еще нет,
И тогда ты попадешь в нее из своей KwK.
Если что-то движется в 200 метрах,
Не думай о его скорости.
Целься прямо в него! Потому что время полета снаряда
На таких дистанциях несущественно.
Однако, если оно движется дальше,
Есть только одно решение: упреждай!
Расчет упреждения найдешь
В тысячных. Как это сделать, узнаешь ниже.
Теперь рассчитай, где, на ряде марок,
Ляжет начало упреждения.
Затем, как делается во всем мире,
Ты держишь свой прицел на шесть часов.
Теперь посмотри, вдоль ряда марок,
Цель спешит прямо к середине.
Когда она дойдет до малой марки,
Которую ты выбрал для начала упреждения,
Стреляй, и учти, пожалуйста:
На самом деле считается только середина цели.

Теперь руки прочь от рукояток наводки!
Вместо этого проверь внимательным взглядом:
Если ты увидел вспышку,
Цель точно там, где центральная марка.
Если так, упреждение правильное.
Если нет, нужно сделать поправку.
При условии, что цель прошла больше,
добавь в упреждение это расстояние.
Однако если цель, когда снаряд взорвался,
Не дошла до центральной марки,
Отними часть расстояния
От упреждения.

Если цель идет не перпендикулярно твоему курсу,
Если она идет наискосок,
Это не влияет
На упреждение.
Однако если цель спешит
Под острым углом навстречу тебе,
Нужна поправка:
Бери только половину упреждения.

Следующий вопрос таков:
Как я определю упреждение?
Оценивай только скорость цели —
Это то, что каждый освоит со временем!
Затем учти упреждение в таблице,
Если ты в ладах с арифметикой.
Если ты не силен в цифрах, на этом и остановись;
Это старый способ расчета упреждения.

скорость цели

km/h	10	20	30
Pz.	3	6	9
Spr.	4	8	12

Если хочешь знать упреждение для любой скорости,
Придется заняться расчетами.
В них, однако, никакого колдовства:
Оцени скорость цели и раздели на три!
Ты получишь упреждение
В тысячных, для бронебойного снаряда.
Для осколочных, учти,
Что они летят дольше.

Упреждение надо увеличить.
Ты должен, как здесь показано, изменить упреждение.
Для осколочных — дели скорость на два.
Вот и все,
И таблица не нужна.
Это называется новым способом расчета упреждения.

бронебойный скорость :3
осколочный скорость :2

z.B. 18 Km/h
Pz. 18 : 3 = 6
Spr 18 : 2 = 9

Чтобы прийти к какому-то определенному упреждению, которое можно перенести на сетку прицела, наводчик — в дополнение к тому, что в «Пантер пример» называется «новым способом расчета упреждения», или, если уж на то пошло, в дополнение к старому способу — должен сразу знать и, после короткого расчета, использовать тот непреложный факт, что четыре тысячных равны одному интервалу между соседними марками на сетке прицела; однако весь расчет упреждения остается вполне простым.

Например, при движении со скоростью 24 км/ч под углом между 90 и чуть более 30 градусов советский танк, дистанция до которого вычислялась в этой главе выше, потребует для бронебойного снаряда

24 : 3 = 8 тысячных упреждения.

И поскольку четыре тысячных соответствуют одному промежутку между марками,

8 : 4 = 2 промежутка.

Для осколочного снаряда упреждение выстрела по тому же танку становится

24 : 2 = 12 тысячных и 12 : 4 = 3 интервала.

Цель, приближающаяся или удаляющаяся под углом около 30 градусов, требует половину полного упреждения. Конечно, цель, движущаяся под углом 0 градусов, не требует упреждения вообще. Двигаясь со скоростью 36 км/ч под углом, требующим полного упреждения, цель требует при выстреле бронебойным максимального для половины сетки упреждения в три промежутка между марками. Однако многие танки были способны двигаться еще быстрее; советский Т-34/76, например, имел максимальную скорость 53 км/ч, что для бронебойного составляло 53 : 3 = 17,67 тысячных и 17,67 : 4 = 4,42 промежутка, или 1,42 промежутка дальше крайней боковой марки со своей половины сетки прицела.

Столь примерные показатели упреждения, рассчитанного на основе вычислений в уме, признавались официально хотя бы потому, что они работали даже на большой дистанции. К 1943 году наводчикам приходилось вести бой в основном на больших дистанциях; танковая пушка была способна нанести убойный удар через борт многих типов танков с дистанции в 2000 м. Также, возможно, столь либерально подсчитанное упреждение танковой пушки отчасти одобрялось потому, что средний наводчик все равно выстрелит на долю секунды до или после того, как середина вражеского танка совпадет с прицельной маркой, от которой отсчитывается упреждение.

На Восточном фронте расчет упреждения можно было выбросить, потому что башни большинства советских танков были смещены довольно далеко вперед, так же как и у советских штурмовых орудий впереди располагались боевая рубка и пушка.

Возможно, с высоты опыта наводчика Второй мировой войны стоит честно подтвердить, что не должно быть сомнений в общей ценности написанного о танковых пушках в примерно 50-летней давности авторитетном «Тигер пример» и не менее авторитетном «Пантер пример».

При определенных обстоятельствах наводчик мог стрелять без взятия упреждения, прямой наводкой; «Пантер пример» приказывает: «Целься точно в центр» на дистанции 200 м или менее. Стрельба вилкой, то есть трехступенчатая стрельба, помещение цели в центр между двумя попаданиями и затем накрытие цели бронебойным или осколочным — метод, к которому наводчик прибегал, работая без расчетов по более отдаленной цели.

Наводчик, конечно, должен быть лучше знаком с телескопическим прицелом, чем просто знать устройство сетки. По каждому типу танка базовая техническая информация по оптике включала номер модели башни или прицела — не так уж и много.

В 1943 году было много наводчиков в чине обер-ефрейтора, чьи два шеврона подтверждали, по крайней мере, два полных года службы. Наводчиком солдата делала в основном его репутация. Редко на этой должности оказывался ефрейтор с одним шевроном. И там никогда не бывало рядовых. Однако требований к наводчику — унтер-офицеру не существовало, как и, кстати, к унтер-офицеру — водителю. Командир более крупной части предпочитал полагаться на «звездную команду» с унтер-офицером в наводчиках и штабс-ефрейтором в водителях. В командирском танке офицер-радист был также башенным стрелком — пожалуй, единственный случай, когда эта должность занималась офицером. Наводчик был заместителем командира танка; следовательно, в качестве обер-ефрейтора он вполне мог отдавать указания, если не

приказания, водителю, который мог быть унтер-офицером — неплохо для наводчика, которому было, скажем, 19 лет.

Зная из собственного опыта обучения, что наводчику приходилось многое решать в уме, бывший наводчик, описывая танковые битвы, часто испытывал искушение использовать внутренний монолог, поток сознания, в попытке представить функцию наводчика в более выгодном свете. Однако многие внутренние монологи — например, относящиеся к каждому выстрелу из танковой пушки, — определенно заставят читателя этих танковых историй страдать от повторов.

Глава 6

ВСТРЕЧИ: ПУТЕШЕСТВИЯ С PZIV И БЕЗ НЕГО

Весной 1944 года 17 танковых экипажей из 5 человек из 8-й роты 25-го танкового полка — незадолго до того в Бамберге я был приписан к этой роте — проехали 200 км пассажирским поездом третьего класса из Бамберга в «Нибелунгенверке» («завод Нибелунгов») в Линце на берегу Дуная в Австрии для приемки новых «панцеров-IV» для 2-го батальона 25-го танкового полка, воюющего на Восточном фронте. К тому времени «Нибелунгенверке», производящий PzIV с апреля 1941-го, был единственным оставшимся производителем этого типа средних танков.

Надежно закрепленные на платформах, 17 PzIV ждали нас на «Ни-верке», как местные называли завод. Мы сразу заметили, что в боевом отделении каждого нового танка был новый «машиненпистоле 40» (МП-40), а также новый «Кляйнемпфангер» (малое радио) в бакелитовом корпусе. Приемник был младшим братом «фольксемпфангера» («народного радио»), недорогого радио, которое небогатым немцам выдавали практически бесплатно.

Мы могли понять, почему там были МП-40, но не могли сообразить, зачем в танковую укладку были включены радиоприемники на 220 вольт. Там, куда мы везли эти танки, просто не было источника тока с

такими параметрами. Тем не менее маленькие приемники поехали с нами.

Не увидев в Линце ничего, кроме запасных путей у «Ни-верке», мы проехали в товарном поезде около 400 км до Пшемышля, города в Юго-Восточной Польше у украино-польской границы. Почти всю Вторую мировую войну название города было известно многим немецким солдатам благодаря его большому «*Энтлаузунганштальту*» (пункту санитарной обработки). В военном смысле Пшемышль был узлом немецкого железнодорожного сообщения на южную часть Советского Союза и обратно.

Не имея необходимости проходить вошебойку, мы, танкисты, жившие в своих танках, стоявших на платформах, проехали до места назначения еще километров двести. В конце примерно 800-километрового пути в конце марта 1944 года мы наконец доставили гусеничные машины в свой полк в городе Черновцы. По этому случаю меня, прослужившего в немецкой армии 17 месяцев, встретили как новичка на Остфронте (Восточном фронте).

Для поездки требовалось 17 полных экипажей — 85 человек, — потому что, например, PzIV могли без разгрузки отбить налет партизан на железную дорогу, особенно к востоку от Пшемышля. Сокращенные экипажи не могли адекватно защищать поезд, состоявший из локомотива, девяти платформ, восемь из которых несли по два танка, и двух товарных вагонов. В конце марта 1944 года стоящие у подножия Карпат Черновцы (на румынском — «Чернаути», на немецком — «Черновиц») заняли советские войска.

Сейчас Черновцы находятся на Украине, недалеко от юго-восточной границы Польши, северо-восточной границы Венгрии и северной границы Румынии. С учетом того факта, что там находится угол трех стран, где встречаются три страны, я полагаю, что в Чернов-

цах имеется что-то вроде — повторяю: «что-то вроде» — пересечения пяти государств. До того как Советы заняли его в 1944-м, город лежал на территории, принадлежавшей Румынии; он даже тогда лежал близко к моему воображаемому перекрестку пяти стран.

Мы прибыли в город, если быть точным, примерно за неделю до взятия Черновцов советскими ударными частями 30 марта 1944 года; там был и, наверное, стоит до сих пор мост над многочисленными железнодорожными путями, ведущими, насколько можно было понять, в сторону фронта, который, если встать лицом на север, был слева от нас, справа от нас, перед нами и чуть дальше, даже сзади.

Что запоминалось на том мосту в Черновцах, так это резкий поворот, который приходилось проходить в самом конце спуска с него. Один за другим каждый из наших танков, осторожно двигаясь на самой низкой из шести передних передач, сползал по мощенному булыжником спуску до узкого поворота налево под прямым углом. Там каждый водитель, используя тормоз левого бортового фрикциона, должен был сначала отключать, а потом тормозить левую гусеницу, позволяя правой двигать танк влево, подальше от бетонного барьера на внешней стороне разворота.

Весящий примерно 25 тонн PzIV, движущийся по брусчатке, требовал тщательности в вождении. Слишком глубокий разворот влево в подобном случае мог привести к тому, что правый задний каток цеплялся за бетонное ограждение, срывая гусеницу. Потеря гусеницы приводит к полной неподвижности танка. Чтобы снова начать движение, команде предстояла бы очень тяжелая работа. Нужно было выбить несколько пальцев в слетевшей гусенице, вдвое длиннее танка — а «Pz-IV» был в длину почти шесть метров, — выложить более короткие куски перед опорными катками, а затем соединить куски, не замыкая гусеницу.

Затем кто-то еще буксировал их «панцер-IV» на выложенную гусеницу. После этого нужно было поднять концы 99-звенной гусеницы и втащить их на поддерживающие катки, убедившись, что звенья попали на ведущее колесо впереди и ленивец сзади, — и, наконец, загнать последний палец, соединяющий концы гусеницы. Долгая, тяжелая и повторяющаяся работа. Опасная во время боя. Неудобная и тяжелая в узком бутылочном горлышке — например, на мосту. Если, как говорит пословица, множество лошадей пало из-за одной подковы, из-за гусеницы может пропасть множество танков.

Все наши танки нормально прошли мимо бетонной стены под холмом и вон из города. Последним проходил мост полугусеничный грузовик, тянущий счетверенную 20-мм зенитку, стволы смотрели назад. Четверо на грузовике смотрели вокруг с беспокойством и сильно торопились. Может быть, у них было много горючего и патронов, а может быть, нет.

Обычно все наши новые PzIV попадали в бой в течение одного-двух дней, если не раньше. Но не в этот раз. Несколько танков с экипажами были заняты в упражнениях с участием союзников Германии. В том числе и мой.

Румынская армия в этом районе хотела обкатать танками дюжину солдат, чтобы снять у них танкобоязнь. Это были явно деревенские парни, и командовал ими смуглый драчливый сержант.

Даже столько лет спустя я с удивлением вспоминаю тот день. Мы часами ездили по полю, где осталась сухая прошлогодняя трава, вычерчивая на нем узкий прямоугольник метров 50 длиной. Площадка напоминала весеннюю пашню.

Румыны, по одному на каждый проход танка, должны были отпрыгнуть от него вбок и, бросая две дымовые гранаты, привязанные к концам 60-см шнура,

старались попасть на поднятый ствол танковой пушки, прямо перед башней. Они не поджигали этих сделанных в Германии гранат, так что дыма от них не было.

Однако румыны и их гранаты заставили нас задуматься о нашей уязвимости перед таким дымом. Свисая со ствола перед башней, такие гранаты выделяли много плотного дыма, который наверняка заслонял телескопический прицел, расположенный в 40 см слева от центра ствола 75-мм пушки. Аналогично дым мог, независимо от силы ветра, сократить или полностью перекрыть обзор из пяти смотровых щелей в командирской башенке.

Пары внутри танка частично разгонялись воздухом, дующим в башню от вентиляторов охлаждения двигателя. Часть гранатного дыма, достигшего кормы корпуса, наверняка будет затянута вместе с охлаждающим воздухом, которого V-образный 12-цилиндровый «Майбах» на 320 лошадиных сил потреблял во множестве, и найдет дорогу в боевое отделение. В PzIV не было печки. Кроме теплых летних дней, внутри всегда было холодно и гуляли сквозняки.

Румынский сержант хотел, чтобы его танкоборцы шевелились поживее и лучше учились. По крайней мере, однажды он, широко размахнувшись взятой за подбородный ремень стальной каской, ударил по заднице солдата, которого счел копушей. При нашей жесткой дисциплине ни один немецкий унтер-офицер или офицер не мог себе позволить ничего подобного.

Пришел полдень, упражнения прервали, и румыны показали, что не прочь поесть горячего. К полю была подтянута полевая кухня.

Заряжающий, наш мальчик на побегушках, схватил новенькие котелки и принес их полными горячей *каши* с мясом (*Прим. перев.*: автор так и написал по-английски — kasha) из обрушенного или дробленого

зерна, популярным блюдом в Восточной Европе. Поскольку утро выдалось спокойным, часть экипажа осталась в танке, по одному отлучаясь помочиться.

У румынских поваров было много каши, и мы, танкисты, давно не оказывавшиеся у столь щедрой полевой кухни, дали им возможность положить нам добавки. Съев первую добавку, мы взяли вторую. Ох и поели мы каши в тот полдень! Никто из хозяев так и не понял, сколько танкистов к ним подходило. Наши друзья не узнали об этом до вечера, когда кухня уже уехала. Был в этом предприятии некоторый оттенок Троянского коня.

Без сомнения, румынам надо было знать нашего заряжающего. Думаю, это он заметил, что те не знают, сколько человек с нашего танка кормят. Хороший заряжающий мог быстро почуять выгоду в чем-то подобном. Работа на воздухе была его сильной стороной, и поэтому его побуждали оставаться заряжающим.

Что до остального экипажа, слева от заряжающего располагался другой «человек на антресолях» — наводчик, который мысленно подводил штрихи прицельной сетки подо все, что видел, всегда готовый к выстрелу. Человек со склонностью к тому, что формально относилось к геометрии и тригонометрии. Человек, который всю оставшуюся жизнь будет использовать вместо прицельной сетки штрихи грязи на окнах, пытаясь быстро и точно прицеливаться по машинам, поездам, людям. Кстати, редко у какого наводчика было удостоверение водителя танка.

Ниже, перед наводчиком, сидел водитель, слышащий всех звуки, внутри и снаружи, свободным от наушника ухом и всегда старающийся уменьшить шум от своей малышки, всегда готовый моментально реагировать на требование любой ситуации. У каждого члена экипажа был ларингофон и гарнитура с двумя

наушниками, один из которых покрывал ухо, а другой был сдвинут выше, к головному убору.

Рядом и тоже ниже, но справа, находился другой внимательный слухач, радист, с аппаратурой в серых коробках, подключенных к укороченной, уменьшенного радиуса, антенне, которая располагалась на корме корпуса слева. А еще у него был пулемет МГ-34 с закрепленной сзади на барашковых гайках пластиковой чашкой. Удивительно, с какой устойчивостью это устройство, находящееся на голове у радиста, осуществляло наводку курсового пулемета. Главной заботой радиста были его радиочастоты, выделенные на этот день. Как их не забыть и как их не выдать. Первое, что хотели знать от радиста в советском плену, — те самые частоты. Их ложные танки — захваченные немецкие танки с экипажами из сносно владеющих немецким языком *hujas* (русское название члена) — могли воспользоваться этим знанием. Говорили, что эти ложные немцы служили в советских штрафных батальонах.

На третьем уровне, чуть выше в башне, чем наводчик и заряжающий, за казенником пушки, приходящимся ему между лодыжками и животом, но чаще всего на уровне ширинки, сидел на своем троне командир танка, чьим основным атрибутом было хладнокровие. Обычно у командира танка был опыт наводчика. Редкий командир танка жил на своем чердаке достаточно долго, чтобы набрать богатый боевой опыт. Но те, кто его все-таки набирал, — фраза Шекспира «Не знает сна лишь государь один» (Пер. Е. Бируковой. — *Прим. перев.*) подходила к каждому, — были в цене, экипаж поклонялся им как спасителям; танкист чувствовал себя в экипаже такого героя как за каменной стеной.

В конце дня в поле румынский сержант и его парни наконец узнали, сколько танкистов входит в эки-

паж. Все пятеро сошли с небес попрощаться с честной компанией. Перед нами, так сказать, сняли каски — из-за огромного аппетита, который каждый из нас показал у кухни с их кашей.

Мы, со своей стороны, видели в них шайку бедных педерастов, которым понадобится много удачи, чтобы остаться в живых. Одно нежно-голубое яйцо — граната из кассеты в задней части башни, брошенная с командирского насеста, — даже без трехсекундного отсчета «двадцать один, двадцать два, двадцать три» крайне укоротит жизнь любого пехотинца, подошедшего к «панцеру-IV» настолько же близко, как те румыны делали много раз за день.

Километрах в 75 от Черновцов мы вскоре попали в танковый бой, в котором потеряли нашу «четверку», которой снаряд советского Т-34 пробил башню и повредил орудие. Поскольку внутри ничего не взорвалось, никто не был убит или ранен, у нас было время вынуть башенный МГ-34 и убраться с ним, а также с 600 патронами 7,92 × 57. В Сучаве мы отступили на запад, в Карпатские горы.

Осматривая изнутри брошенную придорожную пивоварню к западу от Сучавы, один из наших — кажется, по фамилии Мозер — нашел несколько кегов пива. Однако он не был в этом здании первым. У входа на бетонном полу лежал на спине молодой красноармеец без оружия, с дыркой от пули во лбу, с бледным членом, полувытащенным из штанов. Бедный человек, который, должно быть, остановился — видимо слишком надолго — отлить, и его без долгих рассуждений застрелил его комиссар.

Один полный кег, который Мозер вскинул на плечо, недолго прошел с ним. Как и МГ-34 недолго оставался с нами. От обоих избавились примерно в одно время — МГ был отдан какой-то части, которой он

был нужен, пустой или полупустой кег — брошен в канаву.

Иногда натыкаясь на патрули, особенно у железнодорожных станций, мы шли вдоль рельсов дальше на запад. У нас были все нужные документы, оставалось найти транспорт. В то время, в апреле 1944-го, еще не было частей, которые силой заворачивали солдат обратно на передовую. От Сучавы мы хотели проехать, срезав путь через Северную Румынию, в Венгрию и затем на запад до Будапешта и Вены.

В Карпатах, на отметке 90 км от Сучавы, мы обнаружили, что нет поезда, который мог бы вытащить нас из этих гор. Мы узнали, что рельсы целы, но по ним ничто не ездит. Мы также услышали, что впереди длинный железнодорожный туннель.

Вскоре после того, как вошли в туннель, мы оказались в полной темноте. У нас не было фонариков. Одна рука вытянута вбок — у меня это была левая рука, каждый из нас нащупывал путь вдоль того, что казалось сотнями метров неровного, грязного и влажного камня.

Что, если какой-нибудь поезд наконец решит тут проехать? Что, если туннель наглухо завален с другого конца или с обоих концов? Что, если у выхода залегли партизаны?

Незадолго до окончания нашего подземного приключения — мы к тому времени могли видеть пресловутый свет в конце туннеля — одиночный путь слегка отклонился, насколько помню, влево. Мы выбрались оттуда и разными способами, уже безо всяких туннелей, проехали на запад еще 350 петляющих километров, пока не добрались до Венгрии.

С нами был один берлинский хвастун по имени Штоббе, прирожденный комментатор. В одном венгерском городе он увидел красивую девушку на тротуаре главной улицы. Штоббе громко сказал: «Ты кра-

сивая девушка, у тебя всего один недостаток». Девушка ответила: «Das eez [das ist] kein Fehler». Она хотела сказать, что еврейка — это не недостаток. На груди ее жакета была видна желтая звезда Давида. Бог знает, что потом стало с той девушкой и что стало со Штоббе.

Последний отрезок нашего путешествия обратно в казармы в Бамберге был сравнительно ровным. Там было уныло. Некоторые солдаты, горюющие там, носили, кроме медалей, и черные нашивки за одно или несколько ранений; у некоторых нашивки были серебряного цвета.

Бросавшее дымовые болас отделение румынской пехоты у города Черновцы, мертвый молодой советский солдат в пивоварне у Сучавы, темная нора туннеля в Карпатах и та негодующая молодая еврейка в Венгрии — эти встречи, из-за их примечательности, как-то заслонили, 60 лет спустя, потерю нашего PzIV в бою с несколькими советскими танками у Сучавы.

Глава 7

ТАНКОВАЯ БИТВА ПОД СУЧАВОЙ В СЕВЕРНОЙ РУМЫНИИ

Начало апреля 1944 года

Теперь я расскажу о танковой битве под Сучавой, на которой основан мой предыдущий рассказ.

Особую заботу для моей части представлял тот факт, что Советы ступили на румынскую землю не только в Черновцах 30 марта, но и в 175 км к юго-востоку, в Яссах, 26 марта. К западу от Ясс они дошли до реки Серет, отстоявшей от границы на 65 км, и на 10 км — от крупного шоссе, идущего на 280 км вдоль восточной границы страны — важной дороги из Черновцов в Бухарест. Затем, 2 апреля, Советы вторглись в Румынию и в других местах, перейдя реку Прут восточнее Черновцов. Произошло неизбежное: бои танков с танками.

Не знаю, что в конце концов случилось со всеми 17 PzIV нашей части, которые так недавно выгрузились в Черновцах и которые переезжали путепровод над железной дорогой, но знаю, что случилось с нашим.

Наша рота ждала, наверное, в 75 км от южной окраины Черновцов. Поток советских танков — в основном Т-34-85 — с пехотой на броне просто должен был выйти на наш участок шоссе. Грязные поля. Ка-

навы, полные воды. Немного возможностей маневрировать, чтобы поражать танки и их пассажиров более или менее в борт.

Гораздо лучше вначале было бы расположиться на боковой дороге, которая позволяла организовать широкий сектор огня. Такую выгодную позицию лучше занять в месте, где можно стрелять из пушки, развернутой поверх переднего угла корпуса, поскольку это меняло возможный угол встречи снаряда с вертикальной лобовой и бортовой броней корпуса. Понятно, ни водителю, ни радисту это не нравилось — из-за того, что тот или другой эвакуационный люк будет заблокирован пушечным стволом. Этим двоим такие вещи не нравились вдвойне — совершенно не нравились, потому что у нас был полный боекомплект из 87 снарядов, изрядное количество которых торчало в кассетах сразу за местами водителя и радиста, перекрывая им возможность выскочить из танка через башню. Как бы то ни было, мы заняли позицию вне дороги.

«Ага! На шоссе, один за другим, 19 Т-34-85 со своим пчелиным роем. Как и ожидалось. Первым делом — перебить танки. Тогда пехота тоже сыграет в ящик. Если нужно, используйте пулемет». Это было в 10 утра.

Под пулеметом имелся в виду пулемет радиста. То, что 75-мм пушка была заряжена бронебойным снарядом и, скорее всего, продолжала бы работать нашим страховым полисом, было важнее, чем точный огонь соосного с ней башенного МГ-34. Телескопический прицел «четверки» имел общую шкалу — 0—3200 м — для осколочных снарядов и пулеметных патронов, для бронебойных снарядов было две шкалы — одна, 0—2400 м, для снарядов с баллистическим колпачком, а другая, 0—1400 м, для подкалиберного

снаряда. Те бронебойные снаряды, которые были у нас, давали возможность стрелять на 2400 м.

Бронебойные снаряды и цели, для которых они были предназначены, означали, что мы по возможности не должны были отвлекаться. Наводчику, чтобы управляться с орудием, нужны были обе руки. Управляемый с педали МГ-34 был строго вспомогательным оружием. Стрельба требовала концентрации.

На нашем PzIV все шло хорошо. С дистанции 250 м мы подбили один Т-34 с угла 45 градусов. Его пехота скатилась с него, как лесные сурки с прогретого солнцем валуна, пока винтовочные пули шлепают их по задницам. Танк загорелся.

Оттуда, где мы стояли на боковой дороге в 175 м от шоссе, чуть позже мы увидели, что другой PzIV тоже хорошо отработал. Судя по столбам черного дыма от горящего на открытом воздухе дизельного топлива — счет мог пополниться и другими Т-34, которые не загорелись, — наша часть минут за десять выбила, по крайней мере, восемь Т-34 на шоссе или рядом с ним.

Осторожный выбор позиции окупился, хотя мы потеряли два танка, чьи экипажи остались живы и готовились уйти — или уехать — в тыл. Лес рубят — щепки летят. Мы больше не видели советской пехоты. Уцелевших с подбитого Т-34 не было видно, наверное, они влезли на нетронутые Т-34, направившиеся на юг, к советскому плацдарму у Ясс.

Бой не был окончен. Мы знали, что максимальная скорость Т-34 и нашей поздней модели PzIV была на твердой поверхности примерно равна — 48 км/ч. Кроме того, Советы должны были беречься противотанковых мин, серых металлических контейнеров в форме хоккейной шайбы-переростка, каждая около 31 см в диаметре, с 5,44 кг тротила внутри.

Все танковые экипажи боялись всех типов проти-

вотанковых мин — советских и немецких. Одна мина могла порвать танковую гусеницу; обычно она повреждала или ломала подвеску. Другое ужасное действие противотанковой мины — сотрясение, особенно в нижней части танка. Водители и радисты, сидевшие в танке ниже всех, цепенели и часами не могли ходить, когда танк поглощал большую часть удара мины.

Наш ротный командир, прочитавший наши мысли о предельной скорости, скомандовал по радио: «Преследовать немедленно!» В погоню можно было пустить три танка. Остальные 12 оставались стоять, служа арьергардом. Мы покинули безопасную позицию на боковой дороге и присоединились на шоссе к двум другим танкам. Не было строя, просто мы следовали за ведущим. Вдоволь боеприпасов. Вдоволь горючего. Не нужно думать о противотанковых минах. Если Советы прошли через них — мы тоже могли. Перед нами шло достаточно Т-34, чтобы очистить дорогу от мин. Более того, они бы сами не успели поставить мины до встречи с нами.

В зависимости от направления ветра они могли попытаться использовать дым, чтобы заставить нас двигаться более осторожно; они тогда могли бы напасть на нас, когда мы бы выходили из дыма. Другая вещь, которая могла стать для нас смертельной, — волна Т-34, преследующих нас в обход арьергарда по боковым дорогам. Ничего этого не произошло.

Мы точно знали, что командир роты приказал нам сделать, и, кажется, это могло сработать. Атаковать все Т-34 с тыла. Несколько неортодоксально, но не нечестно. Вспомните, что весенние поля были непроходимы для танков, мы не могли исключить вероятности того, что каждый из Советов развернется на пятачке и встретит нас в лоб. Мы должны были догнать этих бегунов и, заметив их, немедленно атаковать их с тыла.

Догнать их — все одиннадцать, как оказалось, — мы, три «панцера-IV», смогли сразу за правым поворотом шоссе, проехав за ними около пяти километров. Совсем не подозревая о нашем присутствии, Т-34 ровно шли вперед растянувшейся колонной с неравными промежутками между машинами, на расстоянии легкой досягаемости наших бронебойных. Они явно не выставили тылового охранения, даже пешего.

Первым делом надо было сделать хотя бы один залп, наведя каждую пушку на воображаемое яблочко между выхлопными трубами или что там было. Попавший туда бронебойный снаряд легко пронзил бы моторный отсек, по крайней мере остановив танк, и, скорее всего, проплавил бы себе путь к экипажу. Идея стрелять прямо в задницу Ивану была не нова, и для этого требовалось низко придержать выстрел. Другая возможность — для этого нужно было придержать выстрел на шесть часов — была попасть выше моторного отделения, так что снаряд попадал в башню под погоном, заклинивая ее. Для каждого танка в бою «обездвижен» означало «мертв».

Первый залп из двух, о которых мы договорились между собой, должен был спугнуть выжившие Т-34. После второго залпа нужно было выбить, возможно на повороте шоссе, головной Т-34 или следующий за ним, чтобы остановить или замедлить Т-34, так, чтобы они дали бы заклеймить свои скошенные стальные зады бронебойным снарядом PzIV.

Каждый из двух залпов — наши «четверки» остановились, а Т-34 вошли в поворот в 300 м от нас — звучал больше как орудийный салют, но сделал дело, как и любой залп. Кто кого выбил? Там и тогда ничего нельзя было сказать наверняка. Что можно было сказать — из 11 беглых Т-34 четыре горело, оставив в колонне семь танков. Позже, поскольку мы не вели

перекрестного огня, мы легко установили, где был чей выстрел. Один был наш. Второй на счету нашего танка в тот день.

До того как мы смогли сосредоточиться на оставшихся Т-34, они стали разворачивать орудия, прокатив некоторых пехотинцев, как на карусели. За такое развлечение командирам танков надо было собрать с каждого по *kopeck*, одной сотой рубля. Т-34 не развернулись, но стали стрелять назад на ходу — парфянские лучники в Румынии 1944 года.

К тому времени наши три танка все еще стояли у начала поворота — Т-34 были от нас в 500 м, пушки все еще развернуты назад и, кажется, стреляли так быстро, как могли. И мы стреляли так же часто, как позволяли наши пушки. Пока Советы удалялись, один танк, очевидно подбитый и больше не стреляющий, начал гореть и свернул к западной стороне дороги. Остальные шесть продолжали путь.

Советская пехота пропала вместе с танками; мы не видели голов, как бы внимательно мы ни смотрели. Нет пехотинцев — нет и наград за героизм, которые раздадут им наши танки.

Далее поговорим о постигшем нас невезении. С дистанции 650 м один из их бронебойных снарядов под острым углом пробил нашу башню у самого верхнего края надстройки и, хотя полностью не пробил броню, оставил двадцатисантиметровый желвак — как огромной точечной сваркой, — который не давал вывести орудие из разворота на два часа. Конец пушке, причем насовсем.

Пока мы возвращались к месту первой стычки, шесть Т-34, должно быть, в рекордное время проЛязгали дизелями многие километры до Ясс. Наш PzIV был в колонне вторым. У первого орудие было повернуто вперед; последний был готов охранять нас с тыла.

Мы нашли свою роту, ротного командира и все

его 12 танков там, где мы их оставили. Команды внимательно вели наблюдение по всем направлениям, танки направили орудия на шоссе, некоторые на север, остальные на юг. У всех двенадцати очертания рассечены подручным камуфляжем — ветками, взятыми в соседних рощах, росших вдоль 170-метрового участка шоссе. Собственно, сбоку от шоссе шла гравийная дорога лесничества.

Советы пошлют вслед за ударными частями новые силы. Горящие танки будут долгим источником дыма, и один только дым покажет им, где был бой и где он будет. Они знали, что мы привязаны к шоссе, которое стоило им 13 Т-34. Они придут со своими 120-мм гаубицами или, если они были более агрессивно настроены, со своими ракетными установками под названием *Stalinorgel* («Сталинский орга́н») — никакой игры слов, название дано по нестройному звуку, который издавали летящие ракеты. 120-мм гаубица стреляла 15,85-кг гранатой на 5,94 км. Ракетная установка стреляла тридцатью шестью 82-мм ракетами, в каждой 3,04 кг взрывчатки, на расстояние 5,49 км.

Гаубицами все и закончилось. Обстрел начался минут через 30 после нашего воссоединения. Мы не видели ублюдков, которые вели обстрел, так что наш PzIV не мог по ним стрелять. Он никогда не был хорош в стрельбе по закрытой цели. Он и его 75-мм пушка предпочитали прямой огонь. Мы были беспомощны против одного из самых пакостных видов наземного оружия Второй мировой войны. Перед гаубицами, наверное, прошел разведывательный патруль и, наверное, наблюдал нас, пока мы получали что положено.

За башней «четверка» чрезвычайно уязвима. Выступающий сзади ящик из листового металла не давал защиты ничему — ни содержимому, ни самой башне, ни верхней части корпуса, где располагались две сталь-

ные решетки: через правую входил воздух, охлаждающий два радиатора охлаждения двигателя, через левую он выходил. Уязвимое место, дыра в броне «панцера-IV», его ахиллесова пята — вот что такое крышка моторного отделения с двумя решетками, каждая размером с дверной коврик, на котором выткано «добро пожаловать». Канистры и бочки с топливом были табу, особенно в этом месте. «Панцер-фир» — не бензовоз.

Отстреляв полдюжины гаубичных гранат без единого попадания в танк, Советы прекратили огонь — возможно, желая, чтобы мы оставили позиции в придорожных кустах. Их снаряды падали на верхушки деревьев. Рваные осколки, осыпающие танки, не были опасны для наших экипажей, сидящих внутри. При прямом попадании все было бы печальнее.

Конечно, наш командир роты все это знал. Было 11.15 утра, и он не мог держать танки на краю леса. Настоящий танкист, он решил обратить затруднение в вылазку — в хорошую драку. Лучше быть молотом, чем наковальней.

Перед тем как выехать из леса своими 14 танками, он приказал нам — из-за неисправного орудия от нас не было толку в скоротечности танкового боя — взорвать нашу малышку, как только их отход привлечет внимание Советов. Это даст нам, пятерым, шанс уйти пешком.

Вот и все. Что мы смогли взять из своего танка, так это МГ-34 и 600 патронов в лентах, бросив еще около 2550. Наш ящик для снаряжения был разбит гаубичным огнем. Оттуда нечего было брать.

Мы уничтожили свой танк килограммовым зарядом, который хранился привязанным к стойке под сиденьем наводчика. Вообще, это было делом наводчика — то есть моим — дернуть за шнур взрывателя с 90-секундным замедлением. 75-мм снаряды остались

в танке. Танк — хорошо нам послуживший — взорвался, башня приподнялась над корпусом. Стыд и позор.

До свидания, шоссе. Мы ушли в Сучаву, грубо говоря, чтобы поехать по железной дороге — или пойти вдоль рельсов — в Гуру Хуморулуй и дальше, на запад.

Какое-то время, идя к горам — Карпатам, на пути оттуда мы слышали лай танковой пушки. Позже — в казармах и в поле — я так и не смог узнать, что случилось с 14 экипажами — 70 человек, — которые обеспечили наш побег от Советов после танковой атаки в Сучаве в тот день в начале апреля 1944 года.

Основная линия германского фронта вдоль восточной границы Румынии оставалась относительно стабильной со второй половины апреля до 20 августа 1944 года, когда Советы начали наступление для уничтожения сил Оси в Юго-Восточной Европе. К тому времени — фактически к июлю 1944 года — 7-я танковая дивизия воевала в Литве.

Глава 8

ТАНКОВАЯ ВОЙНА В ЮЖНОЙ ЛИТВЕ В ИЮЛЕ 1944 ГОДА

2—6 июля 1944 года нашу дивизию перевели по железной дороге через Варшаву, из Станислава на Украине в Лиду, 150 км к западу от Минска, ставшую в тот месяц центром советского наступления «Багратион» против группы «Центр» германской армии. Стоящая в зараженной партизанами области, Лида находилась всего в 90 км от границы Восточной Пруссии, самой восточной провинции Германии. Нашу дивизию направили в невезучую группу «Центр». Перед тем как войти в Южную Литву, дивизия ненамного продвинулась на северо-восток от Лиды. Второй батальон 25-го танкового полка, в котором я служил, не участвовал в операции дивизии до Добельна в Латвии, а затем на Мемель, Кенигсберг и Йоханнесбург. Вместо этого он действовал в Южной Латвии, отступая в Восточную Пруссию.

«Седьмая танковая дивизия во Второй мировой войне» констатирует:

«Там [к югу от Кельме в Литве] 13—16 августа [1944 г.] вся дивизия наконец собралась воедино, за исключением 2-го батальона 25-го танкового полка. В зоне боевых действий к западу от Олиты (город Алитус в современной Литве. — *Прим. перев.*) 2-й батальон 25-го танкового полка был постоянно подчи-

няем другим боевым группам и был отделен от [7-й танковой] дивизии. Он воевал со 131-й пехотной дивизией и 170-й пехотной дивизией и — после того, как его дивизию в зоне боевых действий вокруг Олиты сменила 196-я пехотная дивизия, — был присоединен к той дивизии. С нею 2-й батальон 25-го танкового полка пробил себе дорогу к границе рейха [в Восточную Пруссию]. Этот танковый батальон составил основу [196-й пехотной] дивизии и, в качестве «пожарной команды» с постоянно меняющимися приданными частями, каждый день использовался для исправления ситуации в соответствующих критических точках и, в ходе событий, использовался в арьергарде. Ранее в течение 4 лет квартировавшая в Норвегии [196-я пехотная] дивизия ни в коей мере не соответствовала требованиям к боевой группе в подобных ситуациях, так что [2-й] батальон — более или менее самостоятельно — был вынужден постоянно пробивать себе путь обратно».

Мы, танковые экипажи 2-го батальона 25-го танкового полка, — я говорю со всей определенностью, — не роптали на последовательное подчинение нашей части трем пехотным дивизиям. Во время наших действий в Южной Литве мы почти никогда не получали приказы от пехоты. Мы действовали отдельно от дивизии, пока не воссоединились в Восточной Пруссии незадолго до наших танковых битв в январе 1945-го.

Вспоминаю, что наши экипажи так и не узнали, будучи в Румынии, что с 25 апреля до 1 июля 1944 года, до дня, предшествующего отправке из Станислава в Лиду, вся 7-я танковая дивизия была подчинена румынскому командованию. «Седьмая танковая дивизия во Второй мировой войне» на стр. 412 и 414 открыла мне, через десятилетия после окончания Второй мировой войны, что наша дивизия служила под

румынами. Однако наш танковый бой в Сучаве в Северной Румынии прошел до 25 апреля.

Глядя на лист из своей солдатской книжки, мне вспомнились слова песни «Alte Kameraden» («Старые товарищи»): Zur Attacke geht es Schlag auf Schlag (в атаку мы шли, удар за ударом...) Запись, которую я смог сохранить, несмотря на множество танковых боев и многие километры дорог, лечение в военном госпитале в 1945 году и позже в том же году в демобилизационном центре, содержит мои имя и чин, а также номер полевой почты, 24251Е. Я не забуду этот номер, который соответствует 8-й роте 25-го танкового полка 7-й танковой дивизии.

Каждую отдельную запись удостоверяет подпись командира роты:

7.7.44 Горековжозы
12.7.44 Паселоняй
15.7.44 Немунайтис
16.7.44 Озеро Толокяй
17.7.44 Цембре-Бах
18.7.44 Роцучай
20.7.44 Лайпалингис

Это означает семь танковых боев за две недели. В течение четырех дней боев приходилось по бою в день.

В Литве район Лайпалингиса, где мы участвовали в нескольких танковых боях, лежал примерно в 195 км от советской линии фронта на 4 июля 1944 года, откуда в тот день Советы начали новую серию атак. Нам придется иметь дело с широким советским ударом на Гродно, начавшимся, согласно моей солдатской книжке, 7 июля 1944 года. Лайпалингис лежит в 45 км к северу от Гродно, куда советские танки ворвались

15 июля 1944 года. Давайте я расскажу вам о первом из вышеперечисленных боев.

Обладавший острым умом лейтенант Якоб, невысокого роста человек с открытым лицом, вежливо, но эффективно командовал в Литве нашим хорошо обученным экипажем. Судя по акценту, он был родом из Северо-Восточной Германии. Лейтенанту было едва за 20, в то время как всем его солдатам, родившимся в 1925-м, было по 19 лет, все обер-ефрейторы. Наш водитель, узколицый Йоханнес (Ханнес) Эльцер, в мирной жизни водитель дальнобойных грузовиков из Андернаха на Рейне, где у его семьи была грузовая компания, безошибочно управлял нашим «панцером-IV». Ханнес часто рассказывал о своей красивой младшей сестре. Ее губы, заявлял он, были краснее, чем самая спелая вишня. Петер Ценнер, по прозвищу Грязный Ценнер, или ГЦ, потому что с легкостью подцеплял вшей, был нашим заряжающим и первым проныpой. Когда бы он ни вылезал из башни, он всегда с благодарностью смотрел в небеса. По профессии он был плотником из Саксонии. Радист Эрвин Роге был намотчиком провода в электромоторах, старых и новых, больших и малых. Иногда он получал от родителей, владевших мясной лавкой в Баварии, посылку с маленькими копчеными колбасками. Он делился ими с остальной командой. Все. Что можно еще добавить к тому, что уже сказано ранее обо мне, — мой рост составлял 5 футов 11 дюймов, или 1,78 метра.

Гpековжозы, или Фальшивые танковые башни

Когда Советы опять начали наступление на запад, у нас было от силы несколько дней, чтобы подготовиться к встрече их танков. Наша изобретательность должна была помочь нам нанести Иванам ущерб и за-

держать их на какое-то время, спасая жизни тех, кто сражался на нашей стороне.

Появилась идея частично вкопать танки. В танке было 2,72 м высоты, 2,91 м ширины и 6,01 м длины. Две трети общей высоты, а именно 1,82 м, можно было вкопать без ущерба для работы башни при возможности 360-градусного разворота с опущенным до предела орудием. Капонир, выкопанный на склоне холма, защищал корпус и башню в основном спереди, требуя минимальной глубины, скажем, 1,5 м; он также должен был быть чуть шире, чем 3 м, и иметь длину около 6 м.

Все эти измерения означали, что нужно было вынуть от 12 до 14 кубометров грунта со склона холма, выкопав яму столь глубокую, широкую и длинную, что в нее поместится PzIV. Однако у экипажей, желавших сделать отдельные капониры для своих танков, не было шанцевого инструмента. Пока не нашелся подходящий склон, достаточно времени и, наконец, шанцевый инструмент, не было смысла приступать к работе. Загнанные в угол, мы искали другой способ помочь нанести Советам как можно больше урона.

Один из солдат предложил прекрасное решение, а именно полномасштабные макеты башен, поставленные на гребне, так чтобы они выглядели как башни врытых PzIV. В истории имеется пример подобной хитрости, известный как потемкинские деревни. Русский государственный муж князь Потемкин (1739—1791) поставил вдоль Днепра фальшивые деревни из картона, чтобы их увидела императрица Екатерина II (1729—1796) и ее свита, которые плыли по реке во время путешествия на Украину и Крым в 1787 году. Поддельные деревни должны были скрыть провал попыток Потемкина, фаворита Екатерины II, колонизовать этот край.

Наши четыре фальшивые танковые башни были специально оставлены заметными для Советов; их не пытались закамуфлировать, даже частично. Экипажи сделали их из старого дерева, которое в Литве было легко найти. На каждой башне бревно выдавало себя за пушку, на конце даже был дульный тормоз. Маска пушки была сделана из бревна, а башня обшита досками.

Пилы и другой ручной инструмент было легко украсть или выпросить на фермах, и работа закипела, даже слишком. Некоторых нужно было останавливать, чтобы они не сделали пушку длиной в сто калибров, то есть 7,5-метровой длины. И правда, каждая башня с пушкой должна была говорить сама за себя, а не иметь странный вид. Положив глаз на наши потемкинские башни, *hujas* должны были воскликнуть: «*Yupo twojo madj!*»

На месте квартет фальшивых башен выглядел совсем неплохо. На нескольких даже были добавлены для достоверности всякие мелочи, например командирская башенка. В качестве последнего штриха изнутри в каждой мишени мы закрепили по три ручные гранаты, но не в качестве ловушки, а в качестве заряда, реагирующего на близкий разрыв. Канистра драгоценного бензина, стоящая внутри каждой башни, должна была обеспечить еще более внушительную пиротехнику.

Поскольку мы знали, что первая волна советских танков будет, как обычно, занимать территорию, непосредственно примыкающую к дорогам, то ожидали, что наши макеты, вместе с нашими восемью PzIV смотрящие через гребень, заставят этих tankists покинуть шоссе и атаковать наши позиции.

Когда шесть Т-34-76 — неожиданно малое количество для середины 1944 года — пришли один за другим в 9 утра первого дня, мы, конечно, не слышали,

как hujas выговаривали свое любимое ругательство, но некоторые нацелились на наши чучела, показав, что фокус некоторым образом удался. Лишь восемь из двенадцати стволов, направленных на Т-34, плюнули в них сталью, хотя *hujas* могли этого и не заметить. Мы стояли в 350 м от северного края шоссе, идущего на запад через этот район.

Шесть Т-34 свернули с шоссе на сухую июльскую землю, направив лобовую броню более или менее на наши выстрелы, слегка расходясь веером. Наш гребень был прекрасным местом для боя с Т-34, но он был бы еще лучше, если бы нас отделяло от шоссе серьезное водное препятствие.

Двигаясь зигзагом, те шесть Т-34 двигались совсем не на средней передаче. Как игрушки со свежими батарейками, они бодро шли вперед, некоторые буквально толкались боками, пытаясь разойтись пошире. Несомненно, они стреляли из пушек и приближались к нам. Но еще ни один не встал на своих гусеницах, слетев с них.

Один из наших PzIV поймал советский снаряд, уменьшив наше число пушек до семи. Чертовски близко к их количеству.

Мы сумели оттянуть полдюжины Т-34 с шоссе; теперь надо было сделать так, чтобы они на него не вернулись — по крайней мере, не все.

Экипажи Т-34 надо было убедить остановить гонку, так чтобы они дали нам возможность устроить им головомойку.

И лейтенант Якоб приказал мне стрелять осколочными снарядами по нашим мишеням — без особого порядка и с неравными интервалами, — чтобы их взорвать. Может быть, Советы подумают, что их пушки подрывали «четверки» одну за другой.

Самое главное, наши взрывающиеся макеты должны были заставить *hujas* в некоторых Т-34 присмот-

реться получше и снизить скорость, возможно, чтобы сделать несколько более прицельных выстрелов — таких, как те, которыми они, как им казалось, уже подбили пять PzIV на гребне высоты.

Наша тактика сработала. Четыре Т-34 снизили скорость до еле заметной или остановились — и были легко перебиты. Поскольку им было трудно противостоять превосходящим танковым силам, парни в двух оставшихся Т-34 начали искать выход. Они прекратили свое наступление зигзагом на наши позиции, повернули вправо и как можно быстрее поехали на восток параллельно шоссе. К тому времени оба прикрывали себя дымом.

Счет в первый день: один наш, четверо их. Небольшой счет, но прекрасное, действительно прекрасное шоу с их стороны, да и с нашей тоже.

Хотя следующий анекдот не является частью истории о фальшивых башнях, он рассказывается здесь потому, что показывает, как танковый офицер использует подбитый PzIV как приманку.

Целься в батареи

Четыре 12-вольтовые батареи PzIV, каждая размером с большой деревянный ящик на 14 литровых бутылок пива, стояли на полу корпуса под боевым отделением. Редко будучи предметом чьих-то размышлений и еще реже — объектом проверки, эти жизненно важные устройства несли также серьезную опасность для экипажа.

Попадание в нижнюю часть корпуса под башней обычно размыкало квартет батарей и рвало стальной настил боевого отделения над ними, расплескивая кислоту, которая как минимум брызгами попадала в башню, так что пары кислоты заполняли весь танк.

Один PzIV, о котором я слышал, был пробит под

острым углом из пушки Т-34 без взрыва или загорания. Большая часть экипажа, с обширными кислотными ожогами, почувствовала, что ослепла и стала просто физически растворяться. Когда кислота разъедает задницу, башенное трио вряд ли способно воевать. Конечно, их танк вышел из строя.

Однако на этот раз командиру танка не разрешили подорвать танк. Напротив, им было приказано вывести экипаж. Они направились к ближайшей яме с водой, чтобы туда нырнуть.

Местность, на которой танку прострелили батареи, была, как я слышал, похожа на ту, что мы видели в Южной Литве. Она не была ровной как стол — она, скорее, была волнистой, прорезанной реками.

Местность была идеальной для выдумок, и командир решил использовать танк без экипажа как приманку. Он подумал, что, поскольку Советы не могут сразу подойти к танку, чтобы его захватить, и он может отвлечь огонь Советов от нетронутых танков, он временно оставит танк там, где он есть, пусть даже он не может отстреливаться. Бронебойные снаряды позаботятся о нем, как только его понадобится уничтожить. Использовать танк с простреленными батареями в качестве подсадной утки было неожиданно. Никогда ничего не слышал о подобном.

В случае с меньшими проблемами, касающимися батарей — с потерей напряжения в 12-вольтовой сети, — наводчик мог стрелять из пушки, запуская электропуск от ручного динамо. Небольшая кнопка пуска находилась перед левым плечом наводчика, не мешая ему, но находясь в пределах досягаемости, так что он мог случайно нажать ее, есть ток в сети электропуска или нет.

Любой командир танка, который считает, что у противника выходят боеприпасы, может приказать наводчику брать примерно на метр ниже, чем обыч-

но — если там находятся батареи. Там может не оказаться снарядов, которые загорятся при подбитии танка, но там всегда будут батареи, наполненные кислотой, — пугающие экипаж. Топливо — бензин или дизельное — это другой фактор, когда противника можно считать исчерпавшим боезапас. Ищите батареи. Ищите топливные баки. Знайте конструкцию вашего противника и используйте свое знание.

Паселоняй: PzIV, бронетранспортеры с пехотой и зенитная установка совместно очищают 50-км участок главного шоссе

«7-я танковая дивизия во Второй мировой войне», стр. 416—17, констатирует:

«11 июля, когда основные силы дивизии блокировали советскую переправу через реку [река Меркис] у Варены, 2-й батальон 25-го танкового полка вместе с боевой группой «Вайцель», состоящей из входящего в дивизию 6-го полка панцергренадеров, в тот день атаковала вдоль [не на] шоссе, ведущего в Олиту, и, через Даугай, атаковала до Паселоняя, в 15 км от Олиты.

Сильная вражеская противотанковая оборона [в Паселоняе] воспрепятствовала дальнейшему наступлению на Оолиту...»

Цель наших боев с Советами на бездорожье у шоссе — мы обезопасили его 50-километровый участок — состояла в восстановлении контроля над ним, чтобы помешать Советам отрезать с юга группу армий «Север».

Паселоняй числится в моей солдатской книжке под 12 июля 1944 года. Для меня тот день начался особым образом, поскольку шесть наших «четверок» в боевой группе должны были сопровождать больше трехтонных полугусеничных бронетранспортеров, чем мы видели в своей жизни. Там было десять SPW —

та разновидность полугусеничной техники, которой в панцергренадерских полках обычно не хватало. Каждый бронетранспортер нес отделение из 10 солдат. Нам указали, что два бронетранспортера не были разведывательными машинами, но их экипажи были обучены вести разведку. Еще там было два бронетранспортера с зенитными установками. Вот и вся боевая группа!

Панцергренадер оберстлейтенанта Вайцеля мы встретили с особым чувством, так сказать, потому что большинство SPW вооружались 75-мм танковой пушкой длиной в 24 калибра, которую больше не ставили на PzIV. Каждый пушечный бронетранспортер нес для нее 54 снаряда. Мы также были рады увидеть зенитные бронетранспортеры. Их можно было успешно использовать против наземных целей.

Нам пришлось вести бои вдоль шоссе, по обе его стороны. В июле Советы, должно быть, вымостили эту важную дорогу противотанковыми минами. Они также высматривали на шоссе так называемые легкие мишени — а именно вышедшие из строя германские танки и прочий транспорт. Следовательно, в операции нельзя было использовать панцергренадер на грузовиках.

Пока мы не вышли, лейтенант Якоб, командир шести «четверок», за 15 минут ознакомил нас с тактикой атаки, чья непосредственная цель состояла в нападении на советскую противотанковую оборону по обе стороны шоссе. Лейтенант Якоб объяснил, что для начала один разведывательный SPW, зенитная установка на полугусеничном шасси и три наших PzIV пойдут впереди, а остальные три «четверки», другой SPW и еще одна зенитка пойдут в 100—150 м позади. Сзади эти боевые машины обеспечат огневое прикрытие против отдельных противотанковых пушек

или пехоты. По радио они также будут указывать дополнительные цели для более тяжелых пушек PzIV.

«Четверки», если необходимо, будут двигаться с остановками, где возможно используя для укрытия складки местности. «Четверки» в тылу прикроют огнем ведущие танки. Когда передние танки достигнут хороших позиций для стрельбы, они поддержат огнем бросок следующих за ними танков на новую позицию.

Пехота в бронетранспортерах будет помогать танкам — в особенности уничтожая противотанковое оружие противника. Панцергренадеры проедут на SPW как можно дальше и сойдут с них для уничтожения отдельных очагов сопротивления. По нейтрализации вражеских противотанковых сил танки и большая часть бронетранспортеров пойдут в одной атакующей волне. Одна из зенитных установок пойдет впереди волны, другая будет замыкать волну.

После первых спокойных километров наступления мы, двигаясь по правой стороне шоссе, заметили в 200 м впереди очертания неподвижного бронетранспортера. Пустой? Брошенный? Оставленный Советами отвлекать противника? Никто не мог двигаться вперед осторожнее, чем мы, готовые уничтожить все и всех, кто в нас выстрелит.

С короткой дистанции на бронетранспортере не оказалось никаких признаков — ни пробоин, ни обгорелой краски — того, что он был в бою. Внутри, однако, оказался мертвый унтер-офицер с непокрытой головой, сидящий на месте водителя. Он был мертв совсем недавно. Никаких других человеческих останков.

На сером полевом кителе мертвеца было несколько медалей. Среди них был значок за атаку, равносильный серебряному значку «За танковую атаку» у танкистов. Тот значок выглядел совсем как броне-

транспортер; состояние и бронетранспортера, и мертвого унтер-офицера выглядело чертовски подозрительно. Мы оставили тело как есть. Позже, наверное, какой-нибудь советский солдат захочет взять эти медали и, сорвав их с кителя, заставит сработать минуловушку.

Я до сих пор думаю, что этот одинокий бронетранспортер Советы поставили как своего рода пограничный знак охотников за головами, — несколько отрубленных голов на шестах, — говорящий: «ЗАПРЕТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ. ЕСЛИ ПРОЙДЕШЬ ДАЛЬШЕ – ТОЖЕ БУДЕШЬ УБИТ». Тем не менее мы продолжали движение. И таки да — впереди стояли советские противотанковые пушки. Не огромное количество, но каждая опасна. Когда наша кучка «четверок» заставила Советы залечь, панцергренадеры занялись делом, стреляя по мере приближения к Советам и закидывая их гранатами. Счет гренадеров — три советские противотанковые пушки и их расчеты уничтожены; никаких потерь у гренадеров и у танкистов.

После наступления без происшествий — то есть без обстрела — на 25 км по нам начали стрелять противотанковые пушки из кустов в 100 м слева от шоссе. Несколько танков выстрелили осколочными снарядами по месту, указанному по радио разведывательным бронетранспортером. В таких случаях огонь направляется на деревья не на уровне земли, а на высоте шесть метров над землей. В этом случае получается больший разлет осколков, что дает большую вероятность того, что каждый член расчета противотанковой пушки будет ранен или убит. В тот раз было мало стрельбы бронебойными. Панцергренадеры вскоре подошли к месту и сделали так, чтобы советские расчеты и их пушки больше никому не угрожали.

Чем ближе мы подходили *к Олите*, тем больше мы ожидали увидеть советские самолеты. В тот день мы

увидели кое-кого — понемногу, общим счетом не более дюжины, — но они не летели на низкой высоте. Расчеты зенитных установок знали, что их одноствольные 20-мм Flak 38 не достанут до самолетов на такой высоте. У этой пушки потолок эффективной стрельбы порядка 1000 м и максимальная дальность горизонтальной стрельбы — 4700 м. Ее темп стрельбы — 180—220 выстрелов в минуту, ствол движется по вертикали от минус 20 градусов до плюс 90, угол разворота по горизонтали — 360 градусов. Что верно, то верно, советские штурмовики не беспокоили нас по дороге *в Олиту*, но для частей, окруженных там, они, конечно, были серьезной опасностью.

У своих противотанковых заслонов — обратите внимание на множественное число! — Советы могли приготовить нам и другие сюрпризы. У них бы не хватило времени согнать, как рабов, местное население копать им противотанковые рвы, но они могли сотнями ставить противотанковые мины и оставлять в засаде танки. В любом случае наши шесть PzIV не были равным противником сильным противотанковым заграждениям у Паселоняя. Нам приказали двигаться от Паселоняя на юг, к Немунайтису.

У Немунайтиса шесть PzIV, десять SPW время от времени встречают советские танки, штурмовики и пехоту

Согласно моей солдатской книжке, 15 июля 1944 года я принимал участие в бое под Немунайтисом, к югу *от Олиты.* Это было через несколько дней после того, как наши PzIV и боевая группа «Вайцель» ушли от Паселоняя на юг, в район, также полный советской пехоты и, кажется, всех видов оружия, которое нужно было Советам, чтобы там обосноваться,

включая артиллерию, гаубицы, «сталинские органы», танки и штурмовики.

Но под Немунайтисом наши панцеры-IV и SPW встретили все эти опасные стороны Советов не одновременно. Нет, вся битва была цепочкой событий, каждая сводилась к танкам, штурмовикам Советов или их пехоте. Было чем заняться «четверкам», было чем заняться и бронетранспортерам.

Шоссе, по которому мы наступали, шло *от Олиты*, через Немунайтис, в Лайпалингис, стоящий в 40 км *от Олиты* на юго-запад. Наши действия велись на отрезке между Паселоняем и Немунайтисом.

Наша первая стычка с Советами 15 июля включала лишь четыре их Т-34-85 и три наших PzIV, другие три стояли сзади в резерве. Бывшие от нас в момент обнаружения метрах в двухстах, Т-34-85, без сомнения, двигались на север *в Олиту*, помочь их ордам выбить оттуда немецких защитников. Нам оставалось не дать этим Т-34-85 попасть *в Олиту* или, еще лучше, полностью их уничтожить.

Нашим преимуществом было то, что мы, кажется, увидели их раньше, чем они нас. Мы не видели никаких клубов дизельного выхлопа, которые сопровождали бы переход на низкие передачи, перед тем как остановиться. Для точной стрельбы танковой пушке нужна была устойчивая опора. Такой опорой был бы остановившийся танк, будь то Т-34-85 или Panzer IV.

Был, однако, один аспект всей стычки, невыгодный для нас. Четыре Т-34-85 шли колонной, так что каждый из первых трех частично закрывал башню идущего сзади. Их строй колонны был, конечно, невыгоден и для них.

Лейтенант Якоб — я был наводчиком в его машине — надеялся, что каждый наводчик пошлет бронебойный снаряд туда, куда нужно — под маску пушки своего Т-34-85. Четвертый Т-34-85 получит то же самое, если не развернется на пятачке в попытке уйти.

В этом случае мы возьмем его, фигурально выражаясь, за задницу, где его жесткая броня сравнительно тонка.

Не было нужды высчитывать дистанцию. Просто установить дистанцию на 175 м, потом стрелять по команде лейтенанта Якоба. Через несколько секунд лейтенант Якоб отдал команду, и первые три советских танка были уничтожены. Как и следовало ожидать, последний тоже получил свое, подбитый наводчиком Манфредом Кульманом, чей опыт на Восточном фронте был больше моего. И снова наши 75-мм длинноствольные пушки не подкачали.

Те, кто сидел в бронетранспортерах разведчиков и зенитчиков, были хорошо обучены. Они прижались к краю шоссе с того момента, как мы увидели Т-34. Таким образом, они не перекрывали нам линию огня. Если бы на Т-34-85 ехала советская пехота, ими бы занялись МГ-42 на бронетранспортерах.

Всего через 15 минут после того, как мы позаботились о Т-34-85, бронетранспортеры в тылу открыли огонь из своих МГ-42. Их целью был низколетящий *Shturmovik* «Ил-2М3». Он вылетел из-за наших бронетранспортеров — атака с тыла, как и ожидалось. Однако летчик мог не учесть количества пулеметов. После того как его хвост изорвали 7,92-мм пули, он пролетел над нами и, потеряв управление, воткнулся в шоссе, недалеко от горевших Т-34.

За последние два года Второй мировой войны было многое сделано для защиты штурмовиков, то есть летчик и смотрящий в сторону хвоста стрелок были закрыты броней снизу и с боков. Однако многие наземные пулеметчики, включая тех, что сидели в бронетранспортерах, научились сосредотачивать огонь на задней части фюзеляжа низколетящих *Shturmoviks* — их хвостовом оперении.

На каждом SPW у нас в тылу стояло по два МГ-42, что давало огромное количество пуль, многие из ко-

торых были трассирующими, сосредоточенных на хвостовом оперении штурмовика. Shturmoviks не всегда сбивались германскими истребителями или зенитными пушками, большими и малыми. МГ-42 тоже брали свою долю. Представьте 8 × 1550 = 12 400 пуль в минуту, направленных на то, чтобы порвать в клочья хвост самолета.

Возможно, у 20-мм зенитной пушки у нас в тылу были специальные бронебойные снаряды. Они точно могли ссадить штурмовик с неба.

На каждом PzIV было два МГ-34: один спаренный с пушкой и установленный на ее маске; другой стоял в лобовой броне, им управлял радист. Как следствие, у «четверки» не было специального зенитного пулемета. Также МГ-34 выпускал 800—900 выстрелов в минуту, значительно меньше, чем МГ-42. Shturmovik, который упал на шоссе перед нами, должно быть, ожидал встречи с одними танками, без сопровождения бронетранспортеров.

Примерно в полдень 15 июля у нас, я уверен, была стычка с тремя солдатами советского отделения истребителей танков на шоссе Олита — Немунайтис. Наш ведущий разведывательный SPW засек рослого парня в том, что издалека выглядело как немецкая фельдграу. Он как будто искал, кто бы его подвез. Там могли находиться отставшие от своих частей немецкие солдаты, так что разведчики, наведя пулеметы на парня в полевой форме, остановили бронетранспортер. Затем они заметили двух парней — каждый, несмотря на жару, был одет в немецкое камуфляжное пончо, — сидевших на ограждении у края дороги.

Понимая, что они, возможно, наткнулись на трех советских истребителей танков, экипаж вызвал офицера, лейтенанта Якоба, чтобы он разрешил ситуацию. Всех троих внимательно осмотрели. Также панцергренадеры внимательно осмотрели место, где нашли троих Советов.

Поскольку их предводитель — тот, кто выглядел как таковой, — не мог ответить на прямые вопросы, такие, как: «Проезжали ли здесь сегодня немецкие машины?» — лейтенант Якоб привлек внимание этого парня, громко скомандовав на фронтовом русском «*Rooki wairk!*» («Руки вверх!»). Руки этого человека не могли подняться выше. А также у двух других.

У их главного форма была сильно не в порядке, китель был ему мал. Рукава были коротки. Что еще хуже, на кепи были армейские знаки различия, на которых орел, сидящий на свастике, раскинул крылья так, что кончики перьев находились на одной линии. Однако на кителе не было соответствующих армейских знаков различия, нашитых на своем месте — над правым нагрудным карманом. Нет, сэр, китель показывал, судя по верхней части левого рукава, нашивки СС, с орлом, раскинувшим крылья на свастике, но с кончиками перьев, образующими дугу, как круглые скобки. Человек явно носил армейское кепи и китель СС. Кроме того, на воротнике не было петлиц с обозначением чина в СС.

Лейтенант Якоб решил, что мотопехота должна допросить трех обманщиков как военнопленных, после того как их более или менее разденут. В дивизии и другие могли хотеть допросить пленных.

Эти трое неправильно одетых советских, должно быть, работали приманкой для других охотников за танками, которые были рядом с шоссе, а танки могли пойти той дорогой.

Толокайзее (озеро Толокай): за час — две танковые битвы в Южной Литве

От Немунайтиса мы, с шестью танками и гренадерами на восьми бронетранспортерах, не пошли сразу на Лайпалингис, вместо этого мы все были посланы

на Толокайзее, то есть озеро Толокай, в 12 км к западу от Немунайтиса. На озере Толокай мы бились в двух следовавших одна за другой битвах, которые начались после того, как Советы атаковали *Олиту* с запада. Озеро Толокай и город Толокай, к северу от озера, должно быть, легли на пути южного фланга атакующих Советов.

«7-я танковая дивизия во Второй мировой войне», стр. 417—418, сообщает:

«Уже в 04.30 15 июля противник атаковал превосходящими силами из района западнее *Оолиты* и, при сильной поддержке танков и штурмовой авиации, отбросил в западном [sic] направлении слабые силы обороны командующего боем в *Олите*...

Противник также продолжил атаку в темноте и во время следующей ночи (на 16 июля). Бои в этом секторе продолжались с неослабевающей яростью и упорством 16—17 и 18 июля».

Моя солдатская книжка показывает, что я воевал у озера Толокай 16 июля; однако интересно заметить, что бои *в Олите* продолжались до 18 июля.

Литва была страной, совсем не идеальной для танкового боя. 65 200 кв. км этой страны испятнаны 4000 озер. Также есть многочисленные реки и каналы. Озеро Толокай было и до сих пор остается самым восточным из трех озер, лежащих рядом на одной широте. Каждое из озер примерно 5 км с севера на юг и примерно 3 км с востока на запад. Издание «Энциклопедия Американа» 1962 года указывает, что в 1939 году в Литве было 1626 км дорог с твердым покрытием. Примерная протяженность местных дорог такова: первого класса — 4160 км; второго класса — 8233 км; третьего класса (особенно убогих) — 18 025 км.

Естественно, в Литве Советы предпочитали ездить и воевать на танках на твердой земле; однако, если

было нужно, они, не колеблясь, пересекали низменные, сырые районы. Изучив топографические карты, мы, танкисты, могли примерно предсказывать, где командир Т-34-85 с широкими гусеницами решит выйти из опасной местности на terra firma. Если мы хотели, мы могли почти наверняка приветствовать прибытие его, его экипажа и его танка на твердую землю.

Прибыв на северный берег озера Толокай рано утром 16 июля, мы заметили отсутствие причалов. Более того, на воде не было лодок, но рядом с берегом стояли дома, амбары, навесы и деревья. Конечно, Советы не могли пересечь все озеро или часть его, чтобы встретиться с нами в бою; им пришлось обходить его по суше, чтобы напасть на нас. В этом краю озер это было вопросом того, пройдет наша битва с Советами на сырой или на сухой земле.

Услышав шум боя с севера, мы могли легко поверить, что Советы пройдут на нас по дороге оттуда. И все же озеро за спиной заставляло быть бдительными. Прошло немного времени, и мы обогатили свои впечатления видом двух пар гусениц — у каждого впечатления была стандартная ширина советских гусениц Т-34-85, 50 см — в мягкой почве недалеко от уреза воды. Два танка следовали каждому изгибу береговой линии.

Наша топографическая карта показывала, что вода из озера Толокай течет, как узкая река, более или менее на северо-восток в реку Неман. Крупная река Неман течет в Литве в основном на северо-запад и впадает в Балтийское море.

Над верхним краем озера Толокай одноколейный мост пересекал узкую речку, отмеченную на нашей карте. Т-34 должны были пройти его, и другие Т-34 неизбежно должны были им воспользоваться. У моста мы не нашли следов того, что Т-34 пересекали реку

вброд. Нам сообщили по радио, что широкий фронт Советов еще движется в сторону *Олиты*; следовательно, можно было ожидать, что советские танки появятся у озера Толокай.

Что, если мы взорвем этот короткий мостик, когда на него въедет танк. Подрывные заряды (*geballte Ladungen*), каждый состоящий из шести немецких «колотушек», привязанных вокруг металлической головки седьмой — ее четырехсекундный запал нужно было дернуть, чтобы взорвались все семь, — должны были обрушить мост, спустив, по крайней мере, какой-нибудь советский танк в воду и сбив с толку Советы. Для уничтожения каждой из четырех мостовых опор нужен был один заряд; всего уничтожение моста требовало 28 гранат-колотушек.

У наших панцергренадеров эти гранаты лежали ящиками в бронетранспортерах. У них также были мотки темного шнура. Быстро собрать связки не составляло проблемы. Запал каждой связки срабатывал, если дернуть за шнур, надежно привязанный одним концом к фарфоровому шарику, а другим концом к двум шнурам внутри запала. Для того чтобы дернуть за шнур, нужен был доброволец и еще один человек на подстраховке, оба должны были прятаться с того конца моста, что был выше по течению. Хорошая возможность заработать Железный крест 2-й степени. Взорвать мост вскоре вызвался видавший виды ефрейтор. С ним был молодой штабс-ефрейтор, тоже доброволец.

Несколько наших *Kiloladungen*, килограммовых подрывных зарядов с 60-секундным запальным шнуром для подрыва тяжело поврежденных или брошенных танков, которые невозможно эвакуировать, могли обрушить весь мост. Но использовать их для таких дел было *verboten*.

Вскоре после того как гренадеры привязали гра-

натные заряды на место, три наших танка — включая и мой — получили приказ наблюдать за перекрестком в двух км к северу от озера Толокай. Сообщение, что советские танки, скорее всего, там появятся, было передано одним из трех бронетранспортеров, ранее отправленных в разведку в район, прилегающий к озеру с северо-запада.

Центром нашего внимания на новом месте было не только то, что с трудом можно было назвать пересечением двух дорог. Прикрывая своими пушками ближайший отрезок дороги, идущей с востока на запад, а также ближайший отрезок дороги, идущей с севера на юг, наши танки стояли на твердом грунте в окружении десятков вечнозеленых деревьев, лучшее укрытие во всей округе. Из-за деревьев мы наблюдали за дорогами и прилегающей местностью.

Официально находясь в разведке, наши три бронетранспортера, идущие с запада, вскоре прибыли на перекресток, где стояли наши танки. Моментально их сокращенные экипажи приняли наш совет и расположились среди зелени. Затем они доложили, что оторвались от полдюжины Т-34-85, некоторые с пехотой на броне, и что, поскольку других дорог на восток в округе нет, эти Т-34 должны вскоре достичь нашего танкового заслона, усиленного их бронетранспортерами.

Через 15 минут те Т-34-85 были на перекрестке. Семь танков. Явно не зная о нашем присутствии, Советы, кажется, не торопились проехать мимо. Мы поняли, что такая идеальная возможность сравнительно легко перебить такое количество Т-34 появляется нечасто. Адресованное мне «Огонь!» лейтенанта Якоба начало процесс уничтожения советских танков. Стрельба нашей пушки подсказала другим двум командирам танков дать своим наводчикам команду от-

крыть огонь и продолжать огонь, который я начал секундами раньше.

Солдаты на бронетранспортерах должны были, во-первых, поливать из пулеметов танковый десант, в том числе и соскочивший с брони. Затем они должны были переключиться на свои короткие 75-мм пушки, чтобы помочь нам перебить все Т-34, даже если они не могли избежать, насколько можно, нежелательного перекрестного огня.

После того как каждый из танков выстрелил несколько раз бронебойным, три советских танка загорелись. В этот момент боя, когда Советы в оставшихся четырех танках открыли ответный огонь, единственным ущербом, понесенным нашей группой, была борозда на переднем углу башни одного из танков и радиатор и мотор, поврежденные, вероятно, пулеметным огнем с одного из бронетранспортеров. Экипажи слышали и чувствовали ущерб, нанесенный их машинам.

В конце концов Т-34-85, все семь, были уничтожены еще на перекрестке. Также были убиты, как мы могли судить со своего места, 20 человек десанта. Вся наша танковая битва продолжалась всего десять минут. Потом пришло время воссоединить наши три танка и пять бронетранспортеров у моста у озера Толокай. Мы пошли по дороге, надеясь, что нам опять повезет.

За четыре дня до этого у Паселоняя мы обнаружили, что район Немунайтиса, включающий озеро Толокай, изобилует советской пехотой и различными видами вооружений. Когда мы снова оказались в дюжине километров от Немунайтиса, часть германской танковой доктрины, гласящая «после победы готовься к контратаке», оказалась, как никогда, верной.

Когда мы подошли к мосту у озера, то увидели, что там идет танковый бой. Три новых танка ИС-2, то

есть «Иосиф Сталин-2», участвовали в нем со стороны Советов, которые могли подумать, что три PzIV и пять SPW — те самые, что уничтожили семь их танков чуть дальше к северу.

И снова мы, небольшая группа лейтенанта Якоба, оказались в выгодном положении. На этот раз противник был как следует отвлечен и его левый бок был открыт нашему огню. Даже если бы ИС-2, не разворачивая в нашу сторону лобовую броню, развернули бы в нашу сторону 122-мм пушки, на каждый выстрел ИС-2, имевших медленное раздельное заряжание, каждая из «четверок» успела бы ответить несколькими своими.

Прямо от того места, где мы остановились на дороге, мы выстрелили в ИС-2 с дистанции 200 м. PzIV стал удивительно устойчивым основанием для своей пушки, дополнив ее выдающуюся точность. Шесть PzIV и бронетранспортеры оказались слишком мощным противником для кипящих местью ИС-2. Они были уничтожены — и машины, и экипаж.

Когда люди лейтенанта Якоба заметили три Т-34-85, горящих у моста, они добавили в каждый по 1—2 бронебойных снаряда, чтобы убедиться, что они не боеспособны. Чуть позже, после боя, мы, конечно, услышали, почему горели Т-34-85. К сожалению, не все из нас — людей лейтенанта Якоба — видели уничтожение моста и одновременное уничтожение трех Т-34-85.

Да, Советы могли отправить на озеро Толокай три ИС-2, чтобы отомстить за потери на сухой земле, на озере Толокай и на перекрестке. Тесно связанные, эти два места и образуют запись «Толокайзее» в моем боевом дневнике.

Боевые потери составили на полдень 15 июля два бронетранспортера и шесть членов их экипажа — остальные были в это время вне транспортеров. Мы почтили скорбью смерти шестерых панцергренаде-

ров, которые, как и остальные, стали нам дóроги. Эти парни были отличными солдатами, всегда готовыми постоять за своих братьев-танкистов.

Относительно наших павших товарищей, как сперва казалось, мы мало что могли сделать, кроме как забрать с собой половинки их жетонов, отломив от верхних половин, которые должны были оставаться на останках.

Однако за исключением солдат, которые дежурили на водительских сиденьях и в башнях, а также в аналогичных местах бронетранспортеров, у нас были люди, способные выкопать шесть неглубоких могил — по одной на каждое тело — и уложить туда тела. Так что трупы не были брошены разлагаться под открытым небом в чужой стране.

Думаю, что каждый, кто был тогда на том импровизированном кладбище, вспомнил слова Людвига Уланда, ставшие запоминающейся и должным образом печальной песней «Der Kamerad» («Товарищ»), в которой солдат вспоминает, как он со своим лучшим товарищем вместе шагал в бой, и мушкетная пуля, нацеленная на них, не делая различия между ними, убила его товарища. В кульминационной точке песни солдат, еще не выйдя из боя, выражает себя так:

Will mir die Hand noch reichen,
Derweil ich eben lad.
Kann dir die Hand nicht geben,
Bleib dui m ew'gen Leben
Mein gutter Kamerad.

Хотя здесь хромают размер и рифма, нижеследующий перевод передает смысл предыдущих строчек:

Ты просишь дать мне руку,
Пока я перезаряжаю.
Я не могу протянуть тебе свою руку;
Оставайся моим лучшим товарищем
В своей вечной жизни.

Как выживший солдат в «Der Kamerad», мы продолжали бой. Затем мы передвинулись от озера Толокай к Немунайтису и шоссе на юге.

Цембре-Бах, или Склад ГСМ

Часть Литвы, в которой мы действовали между и во время танковых боев, была покрыта множеством водоемов, не все из них естественные. Один довольно крупный сельский пруд, фактически затопленный овраг, упирался в довольно старую, обшитую досками деревянную дамбу четырехметровой высоты, примерно три танковых корпуса в длину — то есть 18 м от берега до берега. Выше и ниже по течению сам ручей был слишком глубоким, чтобы форсировать его вброд на танке.

Если бы меня спросили о самом опасном сооружении, по которому я ездил на танке, я бы, не колеблясь, описал переправу нашей малочисленной части по рахитичному деревянному мосту, идущему по верху допотопной и неустойчивой литовской дамбы, наверняка уже давно страдавшей недержанием. Нас беспокоила не малая ширина однорядного моста; нас беспокоила его дряхлость.

Нужно было, чтобы один член экипажа шел спиной вперед — само по себе опасное занятие на прогнившем, рассохшемся настиле, — руками сигнализируя водителю, который один сидел в танке, — куда рулить, чтобы гусеницы оставались на равном удалении от скошенных размочаленных кромок моста, лишенного перил.

Если бы дамба и мост рухнули и 25-тонный PzIV рухнул с высоты четырех метров, водителя — его собственный люк был открыт — скорее всего, снесло вниз по течению живым, а его малышка ненадолго

ушла бы в воду, чтобы застрять в разбухшем ручье на дне оврага.

Мы не могли себе позволить потерять ни один из четырех танков. В конце концов, мы уговорили каждый из них — все пять — перейти на выгодную сторону ручья, который любой советский командир счел бы препятствием для «четверок».

Могу сказать, что, поскольку я присутствовал при той переправе, я постиг значение памятной строки из «Песни танкистов» («Panzerlied»): «Мы ищем пути, что никто другой не отыщет». Подумайте об этом, ручей, который мы смогли пересечь в тот день, был известен как Zembre-Bach (ручей Цембре), это название из моей солдатской книжки, и часть местности, в которой 17 июля 1944 года наши PzIV участвовали в танковом бою.

Именно через Цембре-Бах мы переправлялись с таким беспокойством, не для того чтобы оставить его между собой и чем-то нежелательным, как Советы, но чтобы проникнуть за него к чему-то желательному, уничтожив огнем весьма дальнобойных 75-мм пушек советский передовой склад, который появился в последние дни на шоссе, идущем на запад. Там Т-34 могли, как машины в открытом кинотеатре, приходить и уходить, заправляясь, пополняя боезапас и даже пайки. В вопросе пайков эти джентльмены были бережливы. Впрочем, они любили водку.

Перейдя Цембре, мы могли напасть на Советы с тыла. Пользуясь аналогией, мы могли обойтись без всех хлопот, связанных с посещением открытого кинотеатра: очереди на въезд, в кассу, на контроле, настроенных к нам в высшей степени недружелюбно. Нет, сэр, мы лучше втихаря въедем в кинотеатр и расположимся, чтобы смотреть на их огромный экран на холме, который, согласно карте лейтенанта Якоба, господствовал на местности вниз по шоссе. Если от

нас что-то зависит, мы устроим сцену там, внизу, и действие будет очень живым.

Судя по карте, дистанция составляла 1500 метров, то есть мы могли использовать бронебойные снаряды, так же как и осколочные, в зависимости от того, во что мы хотели попасть.

Что касается Советов, в целом было разумно иметь подходящую водную преграду между ними и «четверками». Однако, если — я говорю «если» — нам после обстрела склада пришлось бы убегать от Т-34, мы не смогли бы пересечь Цембре, не потеряв на переправе много времени, хотя мы оставили дамбу и мост неповрежденными — ну, по крайней мере, они не рухнули.

Мы, конечно, могли держаться подальше от Цембре и посмотреть, куда судьба, при некотором упорном сопротивлении тому, что можно назвать судьбой, заведет нас. Человек должен хорошо приспосабливаться, если он хочет кататься на Panzer IV. Он должен быть тверд. Он должен, как никто другой, принимать выпавший исход как должное.

Не пересекая никакой воды, кроме узких ручейков, мы проехали километр от моста через Цембре-Бах до выбранного холма, но не до его вершины. Лейтенант Якоб и еще несколько человек, включая командира роты, пешком поднялись на нее для осмотра шоссе, советской базы снабжения и ее окрестностей.

Лейтенант Якоб сказал нам — мы, его экипаж, не поднимались на холм, — что три Т-34 стоят для заправки через шланги, подключенные к ручным насосам, которые вставлены в бочки с топливом, подкатанные к танкам, которые стоят боком к холму, как на автозаправке. Также рядом с местом заправки стоят два больших грузовика и 15 человек.

После того как прицел был установлен на 1500 бронебойным, мы вывели наш танк вперед, и я увидел

то, о чем говорил лейтенант Якоб. Затем мы заглушили мотор, чтобы убрать вибрацию. Электропуск дал мне преимущество для такой точной дальнобойной работы.

Следующей по важности целью после трех Т-34 были ряды бочек с топливом, не все из которых были пусты. Уничтожить Т-34 и бочки с топливом — и наш фронт вздохнет свободнее. Выбить больше — два грузовика и солдат, стоящих вокруг, большинство в стеганых кожаных шлемах, — и наш успех будет феноменальным. Нашей роте нечасто доводилось видеть такую концентрацию стоящих и явно пустых Т-34, а также много *Sprit* (солдатское сленговое обозначение топлива, дизельного или бензинового, а также алкогольных напитков, таких, как водка) для них и им подобных. Все выглядело просто прекрасно для нападения.

Чтобы уменьшить риск того, что отдельные цели будут обстреляны с непозволительным запозданием, цели были распределены заранее, в основном чтобы исключить перекрестный огонь.

Хотя бочки с топливом были следующей по важности целью после Т-34, по ним не стреляли, пока по людям и грузовикам не отработали осколочными. Топливо, поскольку его загорание могло заслонить некоторые цели, должно было получить свое последним, такая вот странность. Один танк использовал осколочные снаряды, начиная с солдат, затем перейдя на грузовики и, наконец, на бочки с топливом, которые были выстроены в 20 м от места заправки.

Мы впятером открыли огонь в 1.30. Несмотря на то что ни у кого не было практики в использовании пушки на дистанции более 1000 м, бронебойные снаряды попали куда нужно. После того как я выстрелил дважды — каждый из оставшихся троих, стрелявших бронебойными, истратил столько же, — два Т-34 за-

горелись. Остался один Т-34, мы продолжали стрелять бронебойными.

Вспышка от разрыва осколочного снаряда непохожа на попадание бронебойного. Советам не давала подойти к танкам стрельба осколочными снарядами из танка командира роты. Уже меньше людей было на виду. Наконец загорелся третий Т-34, делая все три непривлекательным местом для экипажа. Грузовики сбоку получили несколько осколочных от командира роты. Его огонь не давал отвести грузовики — фактически он сильно их повредил.

Всего я выстрелил тремя бронебойными. Учитывая, что каждый из других «четверок», стрелявших бронебойными, сделал примерно столько же выстрелов, перерасход составил что-то около трех снарядов. Никаких рекламаций. Рабочие в соответствующем секторе оружейной промышленности могли отпраздновать удачный день, когда были сделаны наши пушки.

Сколько осколочных потратил командир роты, я не знаю, но он выбил многих и поджег грузовики до того, как мы перешли на тот же тип боеприпаса, выстрелив раз-другой по бочкам с топливом.

Вскоре вся передовая база Советов, с Т-34 и грузовиками, была уничтожена, хотя некоторые солдаты, укрывшись от огня, могли уцелеть. Мы чувствовали, что Цембре-Бах и топливная база станут серьезным — огромным — опытом, который не раз будет вспоминаться.

Но тут сбылась поговорка «Не благодари день, пока не наступит вечер». За 1000 м от свежих развалин перед нами, что составило дистанцию 1800 м, в наше поле зрения попали три Т-34, идущие по шоссе на восток — не на запад. Явно испытывая недостаток *Sprit*, эти трое шли попить дизельного топлива из бочек.

У PzIV, с его аскетичным внутренним убранством, не так много приборов, с которыми сверяется води-

тель. Там нет индикатора топлива, как нет и спидометра с одометром. О времени заправки сигнализирует неожиданная слабость голодного двигателя — что может произойти в самый неподходящий момент, — требуя, чтобы водитель мгновенно переключил трехходовой вентиль, подключая резервный топливный бак, дающий еще 50 км хода по шоссе. Общая теоретическая дальность хода по шоссе у последних моделей PzIV была 301 км; по пересеченной местности — 182 км. Общая емкость баков — бензиновых — 603 литра. Вторая, и последняя, заминка двигателя означала «умер от жажды».

Учитывая, что вместимость резервного бака у Т-34 мало отличалась от нашей, мы решили, что заправка для идущих на резерве Т-34 была жизненно необходима. Если топливная база была *pasholl* (русское слово, означающее «ушел»), то Т-34 не могли уйти далеко.

Увидев *pohade* («много» по-русски) (*Прим. перев.*: чувствуется, что его папа жил на Украине, а сам автор толком не освоил ни русский, ни украинский: он пытается оттранскрибировать украинское «богато») дыма от горящего дизельного топлива, четыре человека в каждом Т-34 должны были начать состязаться в искренности неприличной ругани «*Yupo...!*». Учитывая, что у этих раздраженных парней впереди было полное отсутствие топлива и еды, они должны были выговорить свой вульгаризм из трех слов более искренне, чем в другой ситуации. Эти 12 человек попадали в беду, куда бы ни свернули. Кончившееся на шоссе топливо — это плохо, но куда хуже — в полях, вдалеке от ровной поверхности.

Буксировать вставший PzIV по шоссе с механической точки зрения было сравнительно просто. Концы двух стальных буксировочных тросов прикреплялись к скобам на передней части танка, затем перекрещивались, и свободные концы зацеплялись за скобы на

задней части буксирующего танка. Перекрещенные тросы не давали буксируемому танку ходить из стороны в сторону.

Более похожая на эвакуацию боевой техники, буксировка засевшего в грязи танка — возможное следствие кончившегося топлива — требовала, по крайней мере на короткой дистанции, двух танков в качестве буксиров. Альтернативой двум танкам, впряженным тандемом перед или сзади буксируемого танка, была упряжка буксиров, с одним буксировочным тросом от правой передней скобы буксируемого к левой задней скобе буксирующего, стоящего справа; другой трос шел от левой передней скобы к правой задней скобе буксировщика, стоящего слева. Для достижения максимальной силы тяги вперед два буксировщика должны были стоять довольно близко и параллельно, — конечно, не касаясь друг друга.

Подготовка танка к буксировке под огнем, а также сама буксировка были опасным предприятием, поскольку участвующие в этом танки, стоящие или медленно движущиеся, вынужденно стояли очень близко друг от друга.

Т-34 был оснащен скобами и тросами; можно считать, что буксируется он примерно так же, как PzIV.

Остановив свои танки на шоссе примерно там, где мы их заметили, Советы после произнесения первоначальной нецензурной формулы должны были продолжать выражать грустные думы, дойдя до мысли, так хорошо выраженной в словах Фальстафа: «Главное достоинство храбрости — благоразумие...» (пер. Е. Бируковой. — *Прим. перев.*). Вряд ли строго соблюдая уставы даже в присутствии комиссара, они сообща решили воспользоваться правом решать и действовать по своему разумению. Они развернулись на запад и скрылись из глаз. Все, что они собирались получить на базе, как и сама база, явно было *пуета* (русское

«нет») (*Прим. перев.*: еще одно украинское слово «нема». Но автору, в общем, все равно — русские, украинцы, поляки...).

Если бы Т-34 обнаружили нас на холме над взорванной базой, если бы обстреляли нас, а мы обстреляли их, то, вполне возможно, один Т-34 сбежал бы, чтобы рассказать, как это сделали некоторые выжившие, о местонахождении наших PzIV. Также, вполне вероятно, не было никаких признаков, что они заметили нас, и не было никакой стрельбы. Куда они, со всем их недостатком топлива, могли деться?

Настало время сменить расположение. Было 15 минут третьего, три четверти часа спустя после начала уничтожения базы, а мы все еще были на холме в 1500 м от шоссе. До заката были долгие часы, и многое еще могло случиться.

Примерно в 4 км к западу от почерневшей площадки на шоссе находился, судя по карте лейтенанта Якоба, интересный перекресток шоссе и второстепенной дороги, который мог стать для наших танков точкой приложения снайперских умений а-ля Литва. Перекресток был недалеко от линии фронта, судя по звуку орудийного огня, но и не близко.

Повернув примерно на 45 градусов влево от места, где мы стояли, все пять наших PzIV съехали с холма на шоссе так, чтобы выехать на мостовую в 1500 м к западу от места стрельбы. Нам нужно было так или иначе проскользнуть на шоссе и далее до нужного перекрестка, пока не возобновилось движение. Что удивительно, пока мы наблюдали за шоссе, ни одна колонна Советов не прошла на запад. Советы не могли забросить туда передовую базу снабжения, не подняв плотность движения, чтобы оправдать ее существование. Мы были убеждены, что шоссе недолго будет принадлежать нам одним.

И за два км от перекрестка у нас появилась воз-

можность хорошо подумать, не пострелять ли еще немножко. Наши пять PzIV против — угадайте, кого? — трех Т-34, тех самых, которых мы уже видели. Явно не имея возможности уйти из определенного района, они выработали все или почти все топливо; однако они не знали, что мы знаем об их крайней уязвимости. Любое тактическое перемещение с их стороны будет, как мы знали, очень ограниченным и слабым. Мы гадали, работают ли еще их двигатели. Живой танк практически всегда держал двигатель на холостом ходу, особенно в присутствии вражеских танков. «В присутствии» означало «в пределах досягаемости» или в пределах досягаемости их башенных орудий.

Эти трое стреляли по нам, сойдя с шоссе, наполовину укрывшись за тонкими деревьями. Не было смысла выковыривать их оттуда, пока мы стояли на шоссе всей кучей. Однако к черту идею сразу идти на них в лоб. Вместо лобовой атаки на сотни метров — все было частью очень опасной игры — наш квинтет PzIV хотел бы знать, что эти отчаянные Т-34 сделают, чтобы уклониться, когда мы будем маневрировать. У нас не было арьергарда, так что нужно было все сделать очень быстро. Парни в полукилометре от нас не могли никуда деться, не добыв горючее. Однако мы отошли в соответствии с планом.

Единственная задняя передача PzIV была довольно медленной, но сильной и надежной. Много раз она давала экипажу возможность уйти от настоящей заварухи, чтобы придумать другой подход. Итак, пять экипажей оттягивались назад — вверх — на несколько сотен метров, за небольшой изгиб шоссе. Для маневра была нужна дымовая завеса, которой у нас не было. Скрытые поворотом, мы выехали в поля к северу от шоссе. Там одним долгим броском, во время которого нас скрывала низина, мы смогли подобраться для того, что собирались сделать на перекрестке в не-

скольких километрах дальше. Полускрытые холмом, мы вывели свои танки на позицию для расстрела трех Т-34.

Скоро сказано, но не скоро сделано — можно сказать и о нашем прибытии в подходящее место, и об успешной стрельбе, с 500 м, по всем трем Т-34, стоящим к нам бортом. Мне было жаль бедных парней, оставшихся в трех крематориях.

Наша переправа через Цембре-Бах, уничтожение передовой базы Советов, включая три Т-34, два грузовика и бог знает сколько людей, и более позднее уничтожение еще трех Т-34 — и все это за несколько часов до вечера — сделало 17 июля 1944 года запоминающимся днем, который мы могли честно отпраздновать.

Роцучяй

По многим причинам фельдфебель Байцингер был одним из тех унтер-офицеров, служить в танке под началом которых было честью. Последний раз, когда я мог рассмотреть Байцингера, был после того, как он поднялся на наш танк и оперся о башню, чтобы ехать дальше после нашей стычки с советскими танками у Лайпалингиса. Он распростерся на корпусе, едва живой. Я смотрел, убеждая себя, что парень, которого мы взяли на борт, и есть наш еще недавно кипучий Байцингер.

По точной вертикальной границе, проходящей через переносицу, правая сторона его лица и шеи была сожжена до коричневого цвета, кожа напоминала кожицу жареной курицы; далее, половина лица была вся в рябинах от осколков, выглядя как кусок стеганой обивки. Его раны не заходили на правую сторону лица и шеи.

Когда Байцингеру помогли сойти с нашего танка, я подумал, что он вряд ли еще будет иметь дело с тан-

ками. Из-за удара о борт башни его лицо причудливо исказилось. Поскольку он был ранен явно выше плеч, это могло быть результатом пробития командирской башенки чем-то особенно неприятным.

«И если неверная судьба оставит наш маленький круг...» — начало пятого, последнего, куплета «Песни танкистов» объясняет, какого сорта неудача постигла фельдфебеля Байцингера.

Лайпалингис, или Снайперская стрельба PzIV

Спустя годы, когда бы я ни вспоминал изувеченное лицо фельдфебеля Байцингера, я думаю о словах Самуэля Джонсона (1709—1791): «Туда, одной лишь волей Господа, иду я». Я расскажу вам, почему я снова процитировал доктора Джонсона.

В сельской Литве танковая война, с нашей точки зрения, превратилась в охоту за Т-34, как за спрятавшимися снайперами.

Лейтенант Якоб был хорош в наблюдении в полевой бинокль; часто, заметив цель, он давал мне примерную цель, в то же время кладя мне руку на правое или левое плечо, в зависимости от того, куда нужно было разворачивать башню. Как только я видел советский танк в прицеле, я посылал 75-мм бронебойный снаряд или два. Наш успех в такой стрельбе из засады был невелик, хотя мы однажды записали на свой счет неторопливо двигавшийся Т-34, выбитый с 400 метров при ярком дневном свете.

После такой стрельбы мы обычно меняли место, а лейтенант Якоб внимательно вел наблюдение. Нам повезло, что наш командир как офицер носил бинокль. У него также была топографическая карта района — как я хотел бы иметь ее перед собой, когда я пишу о наших литовских приключениях.

Мы, с нашими танками, снова — на дворе стояло

20 июля 1944 года, день покушения на Адольфа, — меняли позицию, чтобы не оставаться неподвижной мишенью. При том, что по обе стороны грунтовой дороги, по которой мы ехали, были лишь обширные поля зреющей пшеницы, укрытие у нас было не из лучших. Даже наоборот. Однако мы пытались использовать неровную местность и собирались въехать по склону холма, чтобы посмотреть в бинокль и танковый прицел, что лежало за ним. Если все было *korosh* («хорошо» по-русски), мы могли осторожно двигаться дальше.

Т-34 играли с нами в прятки, как и каждый PzIV играл с ними. Можно было в любой момент ожидать выстрела от танка в засаде; хотя я был склонен думать, что недалеко от дороги была как минимум одна советская противотанковая пушка. Один наш танк здесь буквально снесло что-то чертовски незаметное.

Смотря через 2,4-кратный прицел, стоящий в 40 см слева от оси орудийного ствола, я мог наблюдать в огромном секторе все, что лежало на одной оси со стволом, ориентированным на 12 часов. Этим я и занимался, когда с быстротой молнии горизонтальная полоса больших белых искр бесшумно пролетела справа налево через середину моего поля зрения — она выглядела как поток расплавленного металла, выплюнутая огромной невидимой ацетиленовой горелкой, мгновенно режущей сталь.

Что-то плохое едва не зацепило нас, и нам нужно было быстро уходить, пока нас не угостили второй порцией. Был только один путь — через вершину. Возможно, стрелок не увидит нас через нее. Нам нужно было оценить ущерб, нанесенный танку.

Прямо перед маской пушки ствол снизу пробороздил бронебойный снаряд. Попади он четырьмя сантиметрами выше, снаряд отрубил бы ствол. Однако

он, коснувшись поверхности, четко выкусил изогнутый кусок стали.

Наша пушка явно получила попадание из чего-то, находившегося в одном классе с нашим 75-мм орудием, — возможно, из 85-мм танковой пушки. Однако от вражеского modus operandi пахло противотанковой пушкой, которую замаскировать куда легче, чем средний танк.

Как бы то ни было, если бы Советы смогли поразить наш танк на 2,5 м дальше — при этом они, скорее всего, пробили бы центр башни, — я бы не писал этого рассказа. При пробитии башни я бы, в лучшем случае, получил внешность такую же, как фельдфебель Байцингер двумя днями раньше.

Так что только из-за того, что мы остались целы в день, когда наш PzIV получил попадание в ствол, я и цитирую Самуэля Джонсона перед тем, как продолжать свой рассказ: «Туда, одной лишь волей Господа, иду я».

Возвращаюсь к нашему PzIV с нами пятью внутри его, смотрящему вниз по склону на проселочной дороге среди колосьев, не вызывая нового огня. Мы знали, что наша пушка бесполезна, за исключением того, что мы могли бы напугать каких-нибудь танкистов, наведя ее в их сторону — определенно самоубийственный поступок. Возможно, мы могли бы поискать подозрительно выглядящую растительность и полить ее из пулемета или двух, надеясь, что расчет противотанковой пушки окажется достаточно близко, чтобы получить по нескольку дырок в шкуре.

Мы могли, если бы сошли с ума, пойти на три часа обратно на вершину, посмотреть, не вышли ли Советы из-за их укрытия, и полить их из спаренного МГ-34. Нужно было выбросить подобные мысли из головы. Нам нужно было посмотреть, что делают наши товарищи. Кроме всего прочего, нам надо было

найти их. Нам нужна была их помощь до того, как мы двинемся с места — в противном случае мы ничего не могли сделать.

Режим радиомолчания не был обязательным. Между четырьмя танками нашей группы можно было передавать срочные сообщения. Однако рапорт командиру роты был бы изложен на языке, понятном всем слушающим Советам. Лейтенант Якоб по радио должен был использовать эзотерический жаргонный танковый язык. Он также должен был помнить правило *Fase dich kurz* (излагай коротко) — фраза, которую в Рейхе можно было встретить на городских телефонах и которую учли в Вермахте.

Нам не стоило посылать рапорт, структурированный по правилу *aeiou,* где *a* означало *wann* (когда), *e — wer* (кто), *i* соответствовало *wie* (как), *o* входило в вопрос *wo* (где) и *u* означало *was tue ich weiter* (что я сделаю).

Несколькими днями раньше случилось так, что командир танка намекнул на то, что ему нравятся Zigarren (сигары, то есть 75-мм снаряды). Голос с явно русским акцентом перебил его, сказав: «Мы вам принесем сигары». Их марки, конечно. Нужно было быть осторожным, находясь в эфире. *Feind hort mit* (враг подслушивает), предупреждение, размноженное на десятках тысяч плакатов по всему Рейху, имело смысл и на поле боя.

Наше сообщение гласило что-то вроде «у нас нечего заблокировать». Пушку в PzIV во время долгого марша или при перевозке по железной дороге можно было заблокировать под углом 16 градусов быстросъемной внутренней стойкой, ставившейся изнутри вдоль крыши башни.

Наш звонок командиру роты, на который он с готовностью ответил «вас понял», был первым из обмена сообщениями, ни одно из которых не было неваж-

ным. Командиры танков были профессионалами. Они поняли, в чем наша нужда. Они также знали, где рыщет опасность, поскольку лейтенант Якоб снабдил их примерным направлением от нашего танка к Советам, глубоко смявшим нам ствол пушки; он вычислил его с помощью топографической карты по направлению борозды на стволе.

Командир одного из наших PzIV в 250 м за нами — да будет известно, что он собрался идти по нашему следу, с крайней осторожностью. Почему бы и нет? Он узнал от нас о местности гораздо больше, чем мы, — и у него был курс, за которым надо было смотреть. Мы к тому времени могли слышать его двигатель и вентиляторы охлаждения. Услышав по радио, что он приближается, мы выключили свой двигатель. Если бы мы услышали пуск дизельного двигателя, мы бы моментально отъехали дальше от дороги или в поле, разворачиваясь лицом к тому, что бы нас ни ожидало.

Прозвучал один выстрел. Не откуда-то справа от нас, а сзади. Оказалось, что командир стоящего там PzIV — он был, наверное, самым опытным из четырех, включая нас, — буквально вытянул шею перед тем, как подобраться к вершине холма, на чьем склоне мы ждали. Фактически он, действуя этаким перископом, сняв кепи, стоял на самом верху башни своего танка, чтобы получить хороший обзор, не показывая из-за холма ни миллиметра башни. Затем наводчик, после того как с помощью водителя дульный тормоз показался над гребнем и прилегающим зерном, поймав цель, выстрелил быстро и безошибочно.

Так что лейтенант Якоб мог претендовать на голевой пас. Его направление привело к тому, что Т-34 был «расколот», как орех или дот. В 200 м в стороне, у дальнего конца поля, хорошо замаскированный в ку-

пе деревьев с пирамидальными кронами, Т-34 поймал бронебойный снаряд.

Доходящие до бедра колосья перед Т-34 делали общую высоту значительно ниже, чем реальные 2,41 м, как будто он был вкопан. Что интересно, в случае слишком малого превышения выстрела PzIV неубранное поле давало полуголым членам советского экипажа, щелкавшим вшей около танка, неплохую защиту от осколочных снарядов, которые, попав в растения, взорвались бы — хотя я сомневаюсь, что командир Т-34 об этом догадывался. Один наш танковый экипаж сильно перепугался, когда их осколочный снаряд, по ошибке попавший в колосья зреющей пшеницы у края дороги, взорвался, не отлетев и нескольких метров от дульного тормоза.

Что выдало Т-34, так это один советский болван в поле, ведущий себя как спортсмен на огромной бейсбольной площадке, пытаясь проскочить с третьей базы до основной. До того как у него нашлось время закончить пробег, основная база уже загорелась. У Советов была отличная засада — до тех пор, пока один PzIV, из-за того что они чуть не достали нас, не достал их. Может быть, им тоже стоило передвинуться после встречи с нами. Уверяю вас, это хорошо, что они так и не двинулись с места. Их командир попал в нас скорее на авось, чем потому, что тщательно целился. Это серьезная разница.

В присутствии прекрасной 75-мм защиты мы поехали, наш недавний победитель — во главе колонны. Он был теперь танком-указателем, как мы до того, как он прибыл на помощь. Так что речь шла уже не о том, чтобы мы выскочили наружу и подорвали свой танк. Через полкилометра на той же дороге к нам присоединились два другие PzIV. Может быть, на какое-то время все будет в порядке, хотя у нас оставался только МГ-34, да у каждого по П-38. Мы попали в

засаду, как сказал лейтенант Якоб, в 4 км от главной дороги, и там мы надеялись сами нанести какой-нибудь настоящий урон. Сильное движение на дорогах вроде этой. Может быть, удастся накрыть трассирующими пулями небронированную машину, чтобы она загорелась. Наш хранитель мог взять на себя защиту от танков, да и два других тоже.

Мы не прошли и нескольких километров, когда, по сравнению с тем, что только что пережили, оказались в куда худшей ситуации, которую можно было описать как «из-под дождя да в канаву» или «из огня да в полымя». Мы опознали правильно выстроенный заслон, нацеленный на то, чтобы не дать нам подойти к шоссе.

И снова волнистая равнина была к нам благосклонна. Огонь основного компонента заслона — танковых орудий — в 300 м впереди, он не мог нас достать, поскольку мы прикрылись холмом, стоящим перед тем, на котором расположились Советы. В этот раз слева не было никакого поля с колосьями; правда, было одно большое поле справа.

Конечно, Т-34 — а что еще там могло быть? — не было видно, но за каждым из них торчало по голове в четко различимом ребристом кожаном шлеме советского *tankist*, напоминающем боксерский шлем для спарринга, который надевают, чтобы не разбить лицо. Почти точно чередуясь, по крайней мере, четыре головы-тыквы поднимались над гребнем холма. Явно два Т-34 сели на одной стороне дороги, и еще два — на другой.

У ублюдков были еще орудия, стоящие где-то недалеко от сцены, — гаубицы, но не 120-мм. То, чего не могли сделать Т-34, пытались сделать эти гаубицы, кладя по четыре предупредительных выстрела, но не приблизив к нам точки попадания.

Не было и речи о том, чтобы обойти советский за-

слон. В полях нас мог остановить даже один-единственный ленивый литовский ручей. Карта говорила командирам, что нам нужно держаться дороги.

Не желая дальше стоять на холостом ходу, Советы неожиданно отправили к нам два Т-34 расходящимися курсами, по одному на каждом из полей, как челюсти широко открытой крокодильей пасти, чтобы выдавить из нас жизнь одним их сжатием. Ничто в мире не могло пригодиться нам больше, чем новый 75-мм ствол, установленный, снабженный прицелом и готовый к выстрелу. Снарядов было более чем достаточно.

У нас осталось много смелости, особенно после того, как вступили в дело два PzIV, шедших по нашему следу. Не более чем в 500 м сзади, они пришли, чтобы поучаствовать в драке. Первым знаком их появления был мощный удар в Т-34 слева от дороги. Половина экипажа выскочила через верхний люк мертвого танка и повела себя умно — они нырнули в высокую траву.

Все, что смог сделать лейтенант Якоб, а также водитель и радист, было наблюдать происходящее. Наш заряжающий чувствовал себя все это время как человек, который слушает матч по бейсболу, вместо того чтобы смотреть его по телевизору.

Перед лицом такого перевеса в нашу пользу второй Т-34 продолжал атаковать нас. На него одного было развернуто три PzIV с исправными пушками, а его напарника уже отправили в утиль. У двух задних танков из трех был прекрасный вид на этого бедолагу, и ему достанется из двух стволов, что оставит его навсегда на пшеничном поле. Никто не спасся. Советские клещи даже на минуту не стали укусом аллигатора.

Две мысли все еще беспокоили нас — два оставшихся Т-34 и гаубицы, все они молчали, пока их соратники шли вперед. Ну что ж, настало время сыграть с Советами эмпирическую танковую шутку. В каждом

PzIV, о котором я что-нибудь слышал, хранился серьезный запас осколочных снарядов — просто потому, что бронебойные пускались в ход гораздо чаще. Наш трюк должен был дать нам возможность потратить хотя бы несколько осколочных.

Мы хотели устроить упрощенный вариант стрельбы вилкой — то есть попадать в цель, последовательно стреляя левее, правее и в центр — или правее, левее и в центр. Наш план состоял в том, чтобы вместе начать сразу с центра, где над пшеницей справа от дороги был виден шлем советского танкового командира. Для этого трюка нужна была самая точная координация действий всех танков.

Дистанция до Советов была 300 м, так что не было нужды пристреливаться, попадая с недолетом, с перелетом и, наконец, точно в цель; в любом случае такой прием работал на ровной местности, а не на той, на которой стояли Т-34.

Нужно было послать осколочно-фугасные гранаты надо всем зерном, растущим перед нами на склоне холма, чтобы они взорвались среди колосьев прямо перед лицом командира Т-34. Осколки сделают всю работу. Нужен был еще снайперский выстрел. Наши опытные наводчики были на него способны.

Не менее опытные водители были готовы сыграть свою роль в плане. Каждый из них, под управлением наводчика, — после того как «кожаный шлем», выглянув еще раз, нырнул вниз, — на самой нижней, «ползучей», передаче, без ненужного шума двигателя, поднялся до точки, с которой наводчик увидит — повторяю, увидит, — что мушку его заряженного орудия ничто не перекрывает и она приподнялась над гребнем холма. Наводчик, как никто другой в танке, следовал словам *Immer soviel [so weit] wie notwendig, und nie mehr [weiter] als genug* («Всегда столько, сколько нужно, и не более чем достаточно») — истине, которую

мне передал, к слову сказать, лейтенант Якоб по тому же поводу, когда я был наводчиком в Литве.

Если бы часть экипажа Т-34 собралась выскочить через верхний люк, в дело должны были вступить мы в своем раненом PzIV и наш МГ-34. У Т-34 в башне не было боковых люков. По крайней мере, часть экипажа должна была использовать люк на верху башни. Если они хотели сбежать после попадания, там они и должны были показаться, двигаясь быстро, как кролик в норе, по пятам которого бежит кровожадный хорек.

Все были на своих местах, и когда кожаный шлем командира Т-34 выскочил для обзора из колосьев у дороги, неизбежно настал момент прицельного выстрела. Три осколочных снаряда мгновенно ушли в его сторону, каждому потребовалась треть секунды, чтобы долететь. Его кожаный шлем не спас его от множества быстрых, как молния, осколков такой мощности.

Не было никакой лихорадочной суеты у верхнего выхода из Т-34, лишившегося командира, так что наши водители, под управлением командиров танков, слегка отодвинули танки назад, где они стояли до того, как их сдвинули с места, превратив в расстрельную команду.

Может быть, шум наших двигателей заставил испуганных Советов рвануть с холма. Может быть, они получили приказ. В любом случае фырканье дизеля и лязг гусеничных цепей сказали нам, что предпоследний танк был *dawai* («ушел»), и, конечно, не в сторону нашего холма.

Обычной полевой проверкой танковой 75-мм пушки на меткость было попадание с первого осколочного снаряда в неповрежденное окно или закрытую дверь брошенного дома на дистанции 1000 м; считалось, что перед поставкой в армию орудие приводилось к нормальному бою именно на эту дистанцию.

Зная, что пушка приведена к нормальному бою согласно спецификации, хороший наводчик мог захотеть улучшить точность: он мог, например, в уме вычислить, что, чтобы поразить советскую голову на 300 метров, надо придержать прицельную марку влево на 28 см, или 1,5 ширины той головы в шлеме. Здесь, однако, вопрос стоял в поражении колосьев на определенной высоте, а не в том, чтобы попасть точно в человеческую голову. Кроме того, в этом случае легкое отклонение по горизонтали привело бы к большему рассеиванию — большему количеству осколков, попавших в цель.

Может быть, деморализованный потерей двух товарищей на чужой земле и, вполне вероятно, гибелью ближайшего соседа, испустив синий вонючий дым, последний Т-34 поспешил с обратной стороны холма в сторону гаубиц. Вполне возможно, что он прихватил с собой историю для своего комиссара — о новой танковой пушке с кривым дулом.

Поднялся спор о снарядах для «четверки». У нас, конечно, было их больше всего, обоих типов. Можно было поделиться снарядами, при условии, что гаубицы продолжали молчать. Мы принялись за работу, подавая снаряды через люк заряжающего; дымящиеся по соседству Т-34 нас не беспокоили. Все время два танка стояли в дозоре, а третий загружал наши снаряды. Мы также отдавали и пулеметные ленты 7,92 × 57. Наш танк разжаловали; он стал беззащитным, усталым подвозчиком боеприпасов.

Командир роты хотел подойти ближе к шоссе, своей главной цели. С горючим проблем не было. Вскоре — и мы почувствовали, что он отдан, — пришел приказ командира роты использовать килограммовый заряд самоуничтожения нашего танка и как можно скорее доложить о себе в нашей части, которая находится где-то на западе. Нам пришлось подо-

ждать, пока три оставшихся танка отоидут дальше по дороге, чтобы начать свой скорбный труд.

И время настало. Дернув за шнур запала, я вспомнил Сучаву. Там была заклиненная башня и, как следствие, заблокированное 75-мм орудие; здесь была вмятина под стволом. Там я тоже должен был стать подрывником своего в остальном совершенно исправного танка. Эта работа разбивает сердце наводчика, даже если он исполняет ее не чаще одного раза за всю карьеру танкиста.

Хотя на дороге и рядом с ней не было видно следов, четыре Т-34 вполне могли, гораздо раньше, остановиться здесь, а потом решить двинуться на один холм дальше — после пополнения всех запасов. Провести ребят мимо всех обломков было, как вести их через минное поле. К слову сказать, о минах: мы так и не встретили их, пока ехали на танке по дороге, и нам не нужно было думать о них, когда мы пошли пешком.

Гаубицы открыли огонь, пропалывая поле, с которого мы не успели уйти. Любое движение по неубранному хлебному полю хорошо заметно, даже если двигаться вплотную к земле. Мы ползли низко-низко, уж поверьте.

Пока мы ползли, я нашел пистолет лейтенанта Якоба, который, в отличие от его бинокля, принадлежал лично ему, а теперь выпал там, где он прополз. Якоб никогда не мучил солдат, и мне было приятно, что я могу вернуть ему его 7,65-мм предмет гордости.

Несмотря на то что гаубицы отправили в то поле много снарядов, мы все выбрались с него. Вы спросите, как мы могли выполнить вторую часть приказа командира роты — вернуться в свою часть? Да как мы вернулись к своей полевой почте 24251Е?

Долгие километры мы держались в стороне от шоссе, постепенно приближаясь к нему, как говорила

карта лейтенанта Якоба, и искали в его бинокль перекресток, на котором стояла бы военная полиция и торчали указатели. Наконец, мы пришли к перекрестку, на котором нашли указатель в форме склоненного влево ромба примерно 20 см ширины и 10 см высоты — тактический символ, обозначающий танк. Вскоре мы нашли указатели, гласящие 8/25.

Soldatenklau не задержали нас по дороге, и вскоре мы снова оказались с унтер-офицером Штенгером и т.п. Штенгер, важная шишка, был просто счастлив приветствовать нас, особенно тех, кто уже служил под его началом, заработав репутацию честных фуражиров — конечно, в дополнение к репутации честно воевавших на фронте.

Воистину, после того как мы пережили все эти схватки, записанные в моей солдатской книжке, нам был нужен хороший эконом, чтобы восстановиться.

Поскольку термин *Soldatenklau*, знакомый многим немецким ветеранам Второй мировой, будет появляться и дальше в этой работе, читателю стоит знать его смысл. *Soldaten*, первая часть термина, означает «солдаты». Немецкое сленговое выражение, ставшее второй частью термина, *klau*, означает «клеить», «красть» или «хватать тайком». Следовательно, *Soldatenklau* переводится либо «клеющие солдат», либо «хватающие солдат».

Английское выражение *press gang* является довольно близким эквивалентом *Soldatenklau*. Словарь «Рэндом Хаус» определяет *press gang* как «организация под командованием государственного чиновника, занимавшаяся насильственной вербовкой, особенно во флот или в армию». Конечно, press gang охотился за гражданскими, в то время как *Soldatenklau* были нацелены на солдат.

Глава 9

НА ЗЕМЛЕ ЛИТОВЦЕВ: ТАНКИСТЫ В ТЫЛУ

В Литве каждому танкисту 24251Е, лишившемуся танка и выжившему при этом, но не имевшему возможности вернуться в родные казармы, потому что остатки части продолжали боевые действия, неизбежно приходилось войти в отряд фуражиров унтер-офицера Штенгера, обычно не более отделения.

Как многие другие в 25-м полку, Штенгер был баварцем, и, как многие унтер-офицеры в том же полку, он был двенадцатирогим оленем — военнослужащим, подписавшим контракт на 12 лет службы в *Heer*.

Унтер-офицер Штенгер носил черные танкистские шмотки, но никто не видел его в танке. Человек совсем не худой, он в глубине души был поваром-гурманом, каких поискать.

Он строил своих фуражиров, человек 12—15, и говорил каждым двоим-троим, что они должны были принести из фуражирской поездки. Например, он мог сказать — не приказать: «Вы, трое, идите и принесите мне морковь».

Реквизиторство продовольствия под началом унтер-офицера Штенгера не означало, что мы теряли связь с полком. Мы получали свои скудные пайки и товары из войсковой лавки, а также форму или ее элементы — все как положено. Заготовки означали до-

полнение к диете; реквизиции приносили дополнительную еду.

Штенгер был известен своей любовью к эстетике. Однажды он отправил несколько солдат построить уборную рядом с крестьянским хлевом, стоящим на вершине холма. Зная, что Штенгер будет против нашего плана строительства, мы вырыли двухметровую траншею и намеренно установили перекладину так, что каждый, пользующийся уборной, утыкался взглядом в стену хлева.

Проверяя работу, Штенгер моментально заметил неправильный разворот всего сооружения. Он прочел нам долгую лекцию о том, какой прекрасный вид открывается с холма, после чего мы передвинули насест на другую сторону ямы — и все стало хорошо, очень хорошо.

Поход Куниша за маслом

Парень по имени Куниш и я, оба в то время подчиненные унтер-офицера Штенгера, были посланы найти *maslov* (русское слово, означающее сливочное и растительное масло, лярд и т.п.) на соседних фермах в Южной Литве.

Давайте я расскажу вам о Кунише, а уж потом перейду к прискорбному эпизоду на литовской ферме, на которую мы прибыли.

Кроме прочих украшений, Куниш носил медаль за зимнюю кампанию 1941/42 года в России, которую звали «мороженое мясо». Лента у медали была красная — цвета krasny Красной Армии, — в чье лицо Куниш и такие, как он, плевали с той жестокой зимы 2-летней давности. Лысеющий и грустный Куниш, казалось, не знал слова «страх».

Куниша помотало по Восточному фронту, и он выжил в танковых боях. Он был самым долгослужившим обер-ефрейтором из всех, кого я видел.

Воистину Куниш слишком долго был фронтовиком и научился управляться с П-38 куда лучше, чем с рычагами водителя PzIV, за которыми он был чертовски хорош. Он до некоторой степени стал жестоким. Он мог быть и безжалостным.

Я никогда не видел, чтобы Куниш улыбался, даже в тот день, когда он стал владельцем столового серебра на шесть персон. Я расскажу о нем и его серебре, но сначала давайте вернемся на ту ферму в Литве.

В местности, где так много деревянных сооружений, таких, как дамбы и все виды домов, мы наткнулись, пройдя через проход в деревянном заборе, окружающем деревянный дом, на деревянную скамейку, на которой сидела девочка. Наверное, восьми лет.

Голубоглазое дитя, со светлыми волосами, заплетенными в две косички, держало на коленях раскрытый немецкий разговорник. Девочку явно оставили крестьяне, в знак своей доброй воли. Никого больше не было видно.

Желая сразу перейти к заготовке продовольствия, Куниш спросил, где хозяин. Папа появился на дворе, всячески показывая свое дружеское расположение. Куниш, однако, спросив его о том, есть ли у него бекон — наверное, самая популярная в этих краях разновидность свинины, — стал особенно настойчив.

Не знаю, с чего Куниш решил, что бекон фермера мог быть спрятан в амбаре, но туда он его и повел. Черт возьми! Я не мог поверить тому, что произошло вслед за этим. Куниш вынул свой П-38 и пригрозил, что застрелит крестьянина, если он немедленно не даст ему сколько-нибудь бекона. Что сделал Куниш — это называется «приставить пистолет к груди» — нехорошее дело. В страхе за свою жизнь крестьянин выложил кусок копченой ветчины размером с баскетбольный мяч, торопливо выуженный из-под сена.

Никогда раньше я не видел такого грубого обра-

щения с дружелюбно настроенным гражданским и никогда потом не видел. Я был готов достать свой пистолет, чтобы привести Куниша в чувство; однако он был в ярости и мог застрелить и крестьянина, и меня.

Конечно, Куниш получил *maslov*, которое он так хотел получить, — но какой ценой? Не удивлюсь, если этот литовский крестьянин с семьей, включая и маленькую дочь, в тот день стали партизанами — из-за Куниша. Слишком серьезно исполняя обязанности снабженца, Куниш нарушил неписаный закон фуражира, который гласил, вкратце, что фуражир не применяет силу, и не грозит применить силу, и никогда не лишает местных жителей средств к существованию.

Серебро Куниша

Столовое серебро — тяжелое, сделанное на века, полный набор на шесть персон, сверкающее в матовой коробке, достаточно большой, чтобы уложить туда МГ-34, — каким-то образом попало во владение Куниша вскоре после инцидента с *maslov*.

Часто, как только мог, Куниш проверял свою черную коробку, одновременно, наверное, пытаясь понять, как уберечь ее от попадания в другие руки. Однако в 24251Е других подобных не было. Германский солдат, даже служа в механизированной части, не был расположен таскать с собой трофеи. Кроме того, иметь с собой так называемые сувениры было запрещено. Более чем одним способом Куниш отошел от нормы; вот почему я пишу о нем спустя столько лет.

Таская черную коробку и ее содержимое, Куниш напоминал мне осторожную дворнягу с костью во рту, не имеющую возможности зарыть ее в надежном потайном месте.

Естественно, парни развлекались, обсуждая Ку-

ниша и его серебро. Некоторые предполагали, что он подарит его литовской даме, которая, в своем убожестве, предпочтет то, что блестит. Другие предлагали слияние сортов, сплавив серебро без ножевых лезвий. Куниш был против любой белиберды, которую они предлагали. Он хотел сохранить серебро невредимым — набором, в коробке.

Другие парни были слишком хитры, чтобы возжаждать чего-либо столь громоздкого, как набор столового серебра. Нам всегда приходилось путешествовать налегке. За добрых четыре месяца до того, в Сучаве, в Северо-Восточной Румынии, парень по имени Мозер ненадолго стал неотъемлемой частью бочонка с пивом, утащенного с небольшой пивоварни. В конце концов Мозер бросил бочонок. Большинство парней, как они шутливо заявляли, лучше будут лелеять женщин, весящих, скажем, сто килограммов, чем полировать серебро.

Сам Куниш заметил по ходу дела, что черную коробку ужасно трудно перевозить и прятать. Бросив матовый футляр, он увязал серебро по предметам. Все большие ножи в одной связке, маленькие ножи в другой. И так далее.

Даже увязанное в куски ткани, это добро не дало Кунишу больше покоя. Вынужденный заботиться о многих тайниках со связками серебра, он вел себя как белка в горячую пору сбора орехов поздней осенью.

Сразу после того, как он добыл это серебро, Куниша, как я знаю, искушала идея поиграть в контрабандиста. Однако черный футляр не влезал в ящик для снаряжения в задней части башни. Позже однаединственная из этих связок, засунутая в его тесный отсек механика-водителя, могла, скажем, заклинить педаль сцепления, не давая работать ей и всему танку.

Неизбежно серебряный клад Куниша стал таять. Связок становилось меньше, по крайней мере по од-

ной в день. В конце концов Куниш сохранил только один предмет — огромную суповую ложку, тщательно замотанную и засунутую в нагрудный карман кителя, тоже своего рода черный футляр для его ложки рядом с его возлюбленным П-38.

Поскольку она занимала место ножа и вилки, суповую ложку скоро назвали «универсальной ложкой». С задней части корпуса PzIV, кстати, свисало такое же неуставное оцинкованное «универсальное» ведро, которое использовали для мытья, стирок и так далее.

Пристрастие германского солдата к ложке, как к самому главному столовому предмету, лицемерно выражалось фразой «Jesus sprach zu seinen Jungern: «Wer keinen Loffel hat, der fresse mit den Fingern». («Говорил Иисус своим апостолам: у кого нет ложки, будет есть руками».)

Ложка Куниша была гораздо больше, чем нужно, чтобы выскребать дно котелка, и, наверное, в конце концов он обрубил ручку, покрытую гравировкой, на две трети, что позволяло лучше засовывать ложку в карман. Когда солдат пускает что-то в ход, обычно за этим следует его быстрая и честная оценка. Часто нужна доделка, и даже не одна.

Касаемо преходящих вещей, некоторым парням, включая Куниша, пришлось раз за разом постичь мудрость изречения «Пустая безделушка все, что создано руками» из баллады Теодора Фонтейна «Мост через Тэй», с аллюзией на шекспировского «Макбета».

Будем надеяться, что до конца войны Куниш доставал свою серебряную ложку или то, что от нее осталось, куда чаще, чем свой *Pistole 38*.

Свинорез за работой

На Восточном фронте было два способа добыть *maslov* — выпросить его, как делал Куниш, столь жестоко и ошеломляюще или стать мясником. Забой ско-

та не должен был происходить за пределами 50-км полосы вглубь от своей стороны линии фронта. Из-за событий на фронте границы 50-километровой зоны могли сильно меняться, иногда военная полиция старалась извлечь из этого пользу — часто пытаясь конфисковать свинину, живую или мертвую, для себя.

Вторым условием, конечно, был опытный мясник. У Штенгера нашелся такой, дружелюбный белокурый баварец, сложенный, как кирпичный сарай, всегда готовый испытать силу где и на чем угодно. Не могу сказать, что у него было сильное тело и слабый ум, но то, что я увидел во время одного забоя, заставило меня понять, насколько человек может увлечься любимым делом.

Согнув колени, наш герой, в присутствии примерно десятерых зрителей, опустил левую часть своего тела почти на переднюю половину свиньи и обнял ее за шею — как верного друга. Не имея возможности бежать, свинья стояла смирно, более или менее, — и тут пошла в ход правая рука мясника, в которой был его П-38. Одна 9-мм пуля, и свинья готова к разделке. Как и наш свинорез.

Вставая поустойчивее, он поставил левую ногу за головой свиньи и поймал уже замедлившуюся пулю в ступню. Пробит левый ботинок и носок. Блестящий слиток металла буквально застрял между большим и указательным пальцем ноги. Немного крови. Никаких переломов. Чистое везение.

Много свинины пошло в котел после того, как медик проверил мясо. Проверка образца мяса медиком была третьим условием полевого забоя свиней. По счастливому окончанию инцидента, не было человека счастливее, чем унтер-офицер Штенгер, которому и нам для забоя свиней в Литве был нужен опыт этого парня.

Группа «Швиммваген»

Южная Литва была идеальным местом для «Швиммвагенов» (амфибий «Фольксваген»). Какое-то время наша рота владела такой машиной *Geerbt* (по наследству). Ребята никогда не пытались ее испытать; один-два офицера и несколько старших унтер-офицеров могли часок поиграть с ней на пруду с крутыми берегами.

Бросая ручные гранаты-«яйца» со своей коробки, они пытались ловить рыбу. Однако весь улов — несколько оглушенных карпов — никуда не годился. Никто даже не предлагал отнести такую грубую рыбу на кухню унтер-офицера Штенгера.

Бдительный Вилли и советник Алекс

Вилли Шерб настолько впечатлил меня, что я запомнил, как его зовут. Он был настоящий петух, крепкий и задиристый. Как и Куниш, Вилли был на Восточном фронте достаточно долго, все время служа механиком-водителем. Он имел отличную репутацию, как таковой.

Вилли был известен своим серьезным отношением к работе — черта, которая, без сомнения, повлияла на длительность его службы в танковых войсках. Когда он был в дозоре на улице какой-то деревушки, он занимался тем, что тыкал мушкой своей винтовки 98K в живот тех, кого окликал, даже приятелей. Если на требование «Пароль!» не было мгновенного ответа, Вилли переходил к более суровому «Руки вверх!» и тому подобному. Поймав офицера, который медлил с отзывом, Вилли был счастлив на всю ночь.

Конечно, Вилли знал русские эквиваленты страшных немецких команд. *Stoi* (стой), *Rooki wairk*(руки вверх) и *Issy soodaw* (или сюда) он знал хорошо, но не

мог применять, из боязни того, что парни примут его за русского и застрелят. Также Вилли, служивший достаточно долго, чтобы не путать наступление с отступлением, и знавший признаки плохих времен, сопутствующих последним, мог выступить с коротким «русским» стихотворением анонимного германского происхождения, таким, как вот это, называющееся *Woina* (война): *Nyema koori, nema yeika, / Nyema matka, nyema balalaika»*. («Нет больше кур, нет больше яиц, / нет больше женщин, нет больше музыки».)

Лучшим другом Вилли был Алекс, «хиви» (сокращение от *Hilfswilliger* —то есть кто-то, желающий помочь врагу, или «коллаборант»). Алекс служил в советских танковых войсках. Одетый в германскую военную форму, но без знаков различия, он и еще два остальных «хиви» были приписаны к ремонтному подразделению. К сожалению, Алекс не был хорош в советских танках, хотя он был готов дать совет там, где он что-то знал.

Часто большой Алекс — два из трех «хиви» были Алексами; младший, не такой крупный, как приятель Вилли, был известен как *malyenki* Алекс — поздно вечером ходил с Вилли в двухчасовой дозор. Вилли ловил кого мог, а потом, сказав, что положено, и слегка отодвинув винтовку, передавал задержанных Алексу на трехминутную лекцию о том, как остаться незамеченным, двигаясь пешком в ночное время на неприятельской территории или рядом с ней.

Под луной Алекс выглядел смертельно серьезным — если была луна — и поднимал палец к губам, показывая, что абсолютное молчание было первым условием. Вскоре он продолжал рассказывать ребятам, кроме всего прочего, что *Russki* двигаются вдоль стен домов, а не посередине улицы, как это делают *Nemetsky*. Алекс каждый раз это говорил. Очень жаль, что, как я уже сказал, Алекс не был tankist. Его совет в

этой области мог быть более ценным, чем его более общие советы. Я бы спросил его, что Т-34-76 или Т-34-85 возили с собой из осколочных снарядов. Ни разу не видел, чтобы они пускали их в ход.

Вилли Шерб, образец добросовестности, доверял троим «хиви». Я тоже.

И что была бы за жизнь за немецкой линией фронта в Литве, без Старого Штенгера, Сумасшедшего Куниша, — да, придется включить этого старого сукина сына, хотя в одном смысле, скорее, нет, — белокурого мясника, группу «Швиммваген» и Вилли Шерба с его тенью, Большого Алекса?

Гораздо более скучной.

Глава 10

КОММЕНТАРИИ К ФРОНТОВОЙ КЛЯТВЕ СОЛДАТ 7-Й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ

Раздаваемый довольно близко к концу Второй мировой войны, — конечно, уже после покушения на Адольфа, Верховного Главнокомандующего, — показанный в этой главе листок, форматом с расчетную книжку, содержит в себе выжимку идеальной фронтовой идеологии, которой официально ждали от солдат танковой дивизии.

Тест этой клятвы, конечно, можно считать всего лишь зажигательной речью командира дивизии — проповедью, вложенной, так сказать, в уста каждого из его подчиненных.

Однако из-за упора на национал-социализм клятву также можно считать подкреплением, но не заменой, присяги, отдаваемой членами армии, флота и ВВС.

У *Waffen-SS* своя присяга, начинающаяся словами «*Ich schwore Dir, Adolf Hitler...*» («Клянусь тебе, Адольф Гитлер...»). Неформальное *Dir* подчеркивало сильную связь между эсэсовцами и фюрером.

1 июля 1944 года традиционное военное приветствие в большей части танковых войск — я сказал «большей части», потому что Ваффен-СС был исключением, — сменилось на нацистское, состоявшее в поднятии правой руки, как будто для военного приветствия, с кончиками пальцев на уровне лба, а не у

правого виска. Не стоит сомневаться, что за последние десять месяцев или около того командиру танковой дивизии пришлось иметь дело с огромным числом дышащих ему в затылок вышестоящих инстанций.

Может быть, клятва отражает попытку политизировать части Вермахта, не входящие в Ваффен-СС, не приписывая их к Ваффен-СС. Четким признаком того, что клятва была санкционирована гораздо более высоким начальством и произведена в типографии далеко за линией фронта, было качество бумаги. Не привычная шершавая бумага для пишущих машин.

В то время появление на поле боя отличной типографской работы было редкостью. Во многих частях давным-давно какой-нибудь «канцелярский Джо» печатал все удостоверения к наградам на обычной раздолбанной пишущей машинке с дряблой, изношенной, строптивой лентой. Ярким контрастом к этому свежий шрифт клятвы не имеет ни асимметрии, ни других признаков самодельщины.

На обычных плохо пропечатанных канцелярских документах неизменно имелась, кроме подписи командира части, одна неотъемлемая вещь — официальная печать части. Странно, но клятва не содержит такой печати, не несет она и обычно вездесущих государственных символов, то есть орла со свастикой.

Клятва появилась, когда многие командиры частей пытались переплюнуть один другого, используя грязные методы, скоро ставшие известными как *Soldatenklau*. Например, танковый экипаж или то, что от него осталось, всего в нескольких километрах по дороге от линии фронта, где они потеряли танк в бою, встречает контрольно-пропускной пункт, на котором стоит не военная полиция, а проинструктированный и готовый действовать *Oberleutnant* или *Hauptmann*, и необязательно армейский, — и с ним дюжина его людей — *Soldatenklau*.

Несмотря на многочисленные чины и медали и,

наверное, несмотря на раны, столь недавно полученные, *Soldatenklau* приветствуют танкистов насмешками и оскорблениями. О них будет сказано «сачки» и даже «дезертиры». Затем будет грубый перевод на службу в местную часть пехоты.

Влипнуть в *Soldatenklau* почти всегда означало получить очень неприятный опыт, пример человеческой бесчеловечности. Может быть, сукины дети из *Soldatenklau* давали клятву более мощную, чем ту, что давала 7-я танковая дивизия?

В части Восточного фронта, примыкавшей к прибалтийским странам, был особенно известен фельдмаршал Шёрнер — своими многочисленными заставами Soldatenklau.

Это было время, когда, например, простое солдатское высказывание «Пайки все хуже, а с ними и наступление, и военная мощь», если о нем услышали и донесли, могло привести к смертному приговору.

Да, глядя на редкий экземпляр той фронтовой клятвы солдат 7-й танковой дивизии, самые разные мысли приходят в голову одного из них — в мою. Я, например, легко вспоминаю, что никто из нас, танкистов, не лил слезы, когда до нас дошло сообщение о покушении на Адольфа 20 июля 1944 года, в штаб-квартире «Волчье логово» в Восточной Пруссии у города Растенбурга, в 160 км от литовского Лайпалингиса.

Мой перевод фронтовой клятвы солдат 7-й танковой дивизии гласит:

ФРОНТОВАЯ КЛЯТВА солдат 7-й танковой дивизии

Я ВЕРЮ

в Германию. Моим примерным поведением и всем написанным и сказанным я сделаю все для сохранения и усиления духовной способности германского населения к сопротивлению на фронте и дома.

Я ВЕРЮ

в германский народ, объединенный национал-социализмом, и в победу его справедливого дела.

Я ВЕРЮ

в своего вождя, Адольфа Гитлера, потому что я солдат-национал-социалист.

Я ПОЛОН РЕШИМОСТИ

посвятить в ходе настоящей решительной битвы за жизнь моего народа всю свою энергию, всю кровь и всю мою жизнь, воевать отчаянно и с неослабевающим упорством за каждую пядь германской земли.

НИКОГДА

не оставлю я своих товарищей.

НИКОГДА

не брошу я свое оружие, которое выковала для меня моя родина с огромными жертвами.

НИКОГДА

не оставлю я свой танк, мою машину, или другое военное имущество. Если приказ требует, чтобы оружие или другое имущество было оставлено, я сделаю так, чтобы ничто не попало к врагу неуничтоженным.

Я ПРИЗНАЮ,

что принадлежу к фронтовому братству своей дивизии.

Глава 11

РАССКАЗЫ, СВЯЗАННЫЕ С ТАНКИСТАМИ И ВОСТОЧНОЙ ПРУССИЕЙ

Воюя, а потом реквизируя продовольствие в Литве летом 1944 года, в то же время года солдаты из 24251E были вынуждены двинуться в юго-восточную часть лежащей по соседству Восточной Пруссии, германской провинции, в целом не тронутой летним наступлением Советов.

Весь остаток лета в Восточной Пруссии мы не делали ничего, кроме занятий физкультурой и докладов унтер-офицеру Штенгеру.

Soldatenklau на время испортили нам жизнь осенью 1944 года — еще один опыт к уже многочисленным воспоминаниям об этой местности.

К западу от Восточной Пруссии лежала Западная Пруссия, где некоторые из нас, к тому времени вновь получившие танки, после 12 января 1945 года снова будут втянуты в стычки с Советами.

Наш врач — урод

Однажды в конце 1944 года в Восточной Пруссии я и еще один парень сидели в саду, где стояло множество ульев. Одна чертова пчела ужалила меня в нижнее веко. Я пошел к врачу, который взял пипетку, полную жидкости цвета крови у кузнечиков, — пом-

ню, что средство называлось «Таргезан», — и, сжав пузырек пипетки, уронил коричневую каплю мне на правую щеку и на сравнительно новую зеленую полевую форму, оставив несмываемое пятно. Это было небольшое происшествие, но оно показывало, что наш врач не заботился о людях, которым должен был помогать. Об этом человеке можно рассказать и кое-что похуже.

В Восточной Пруссии наши ребята закрутили знакомство с беженками, что привело к повальному ночному прелюбодейству. Наутро всем устроили проверку членов, которую проводил наш врач. Любая краснота головки, или кожи, или всего члена считалась показателем того, что парень недавно имел половое сношение. Были назначены жестокие наказания за членовредительство, в том числе за заражение венерическими заболеваниями. Наш врач был готов заявить на каждом осмотре половых органов, что практически каждый солдат был сексуально активен всего несколько минут назад.

Лишь однажды я слышал, что парень из нашей роты протестовал против того, что его назвали трахальщиком, потому что его Genusswurzel («корешок удовольствий» или «бугор удовольствий») оказался на осмотре слегка красным. Его фамилия была Квак, и, кажется, он был родом из Трира на реке Мозель. У Квака нашлось мужество заявить оберштабсфельдфебелю перед строем в вестибюле казармы, что унтер-офицеры и офицеры части такие же развратники, что и рядовые, и что вышестоящие лица тоже нашли себе подруг среди беженок.

Я знал, что Квак был прав насчет унтер-офицеров и даже командира роты. Оберштабсунтерофицер Фетткётер как-то поручил мне проводить до ближайшей железнодорожной станции двух 20-летних красоток,

с которыми он и его босс развлекались предыдущей ночью.

Час или около того я ехал с двумя девицами в товарном поезде. Одна спросила меня: «Ты влюблялся когда-нибудь?» Может быть, она имела в виду, что она влюбилась либо в оберштабсунтерофицера, либо в командира роты после той ночи. Могу сказать, что почти любой парень в части, сопровождай он двух девиц, изо всех сил попытался бы уломать их по-быстрому заняться с ним любовью — прямо там, в трясущемся товарном вагоне.

Квак был правильным парнем, который получил очень хорошее для своего возраста образование перед тем, как попал в танкисты. Он был полной противоположностью врачу, который был самым поганым подхалимом во всей роте, какого я когда-либо видел.

Строительство бункеров в Восточной Пруссии

Не только неуклюжесть с «Таргезаном» при обработке пчелиного укуса или нечестность в качестве определителя потертости члена делали нашего врача столь непопулярным. Он отдалился от солдат еще больше, когда осенью 1944 года *Soldatenklau* заставили нас таскать бревна на строительстве бункеров в Восточной Пруссии.

Любой лесник из Восточной Пруссии заплакал бы при виде своих стройных, высоких сосен — каждая не менее 40 см в диаметре у основания ствола, — поваленных и лишенных веток, но он не мог бы плакать больше, чем мы, солдаты 24251E, выполняя ту работу. Конечно, таскать бревна в Восточной Пруссии было тяжелейшим физическим трудом из всего, чем я занимался. Мне тогда было 19 лет. Хорошо, что до того, как *Soldatenklau* наложили на нас лапы, старый Штен-

гер позаботился о том, чтобы мы были в сравнительно хорошей физической форме.

Как это рабство относилось к врачу? Он не притронулся ни к одному бревну. Он болтался рядом, давая каждому узнать, что он медик и, на случай, если ему придется заняться своим трудом, его руки должны остаться чистыми. Ну, у него не нашлось бы никакого лечения для сильно поврежденных спин. А именно это некоторые из солдат и унтер-офицеров заработали бы на этом геркулесовом труде.

Я бы лучше увидел на его месте капеллана, смотрящего на рабский труд. И что самое странное, управлявшие своими рабами офицеры-*Soldatenklau* дали врачу уйти с этим.

Не было в роте человека, который после этого помог бы врачу выбраться из любой передряги, связанной с Советами. Он стал дерьмом для всех.

Приятные воспоминания о более ранних временах в Восточной Пруссии

Похожее на ГУЛАГ таскание бревен в *Soldatenklau* проходило не ближе 35 км к северо-западу от города Лик в юго-восточной части Восточной Пруссии. За полтора года до того, в начале 1943 года, мне выпало там несколько месяцев занятий по вождению танков в армейской танковой школе. Мирные заснеженные поля и почти неезженые лесные дороги делали время вождения незабываемым, несмотря на то что наш школьный танк со снятой башней был открыт сверху. В 1943 году были и другие приятные аспекты местности вокруг Лика.

В одной деревне — водителям пришло время смениться — мы проехали напрямик, мимо белого забора из штакетника. Солдат за рычагами переволновался

и, желая дать задний ход, въехал в забор передним правым углом стального ящика.

Владелец чистого участка, который обегал тот забор, был добрым, великодушным стариком, который пригласил нас — инструктора и четырех курсантов — поболтать и выпить чаю. Он угостил нас огромной буханкой белого хлеба и в придачу к ней — много масла. Он знал, что могли съесть молодые парни, особенно когда они занимаются зимой на открытом воздухе.

Сказав, что его семья многие поколения живет в Восточной Пруссии, он с печалью рассказал, что его сын, служивший тогда в Вермахте, официально сменил фамилию. «Она недостаточно хороша для него». Он имел в виду свою фамилию Йидицки. Возможно, младшему Йидицки не нравилось, как звучат первые три буквы (*Прим. перев.*: в английском языке оно созвучно, например, слову «Идиш» — Yiddish), а может быть, гораздо сильнее — последних трех.

Пердящие механики-водители

Чтобы заслужить уважение братства механиков-водителей, солдату нужно было практиковаться в водительском пердеже. Где бы водители ни собирались, они рано или поздно устраивали особое состязание — состязание пердунов.

Подготовка к доброму пуку требовала еды и питья, провоцирующих пускание ветров. Хорошо подготовившись, каждый конкурсант должен был сесть на табурет — в танковой школе это был стандартный четырехногий табурет — и вытянуть ноги, опустив пятки на пол далеко перед собой.

Когда наступала его очередь, каждый солдат делал вид, что нажимает левой ногой педаль сцепления, и, издав короткий пук, двигал правой рукой, имитируя

переход с нейтральной передачи на первую, освободив педаль сцепления. Без паузы — и это было одним из обязательных условий — он, пустив в ход правую ногу, чтобы нажать на педаль газа воображаемого PzIa, повторял цикл — снять со сцепления — пукнуть — перейти на другую передачу — включить сцепление, переходя с первой передачи на вторую, и так далее, с целью дойти до пятой передачи, не пропустив — и это тоже входило в условие — ни пука, ни движения.

Традиционный танковый пердеж требовал точной визуализации шести передних передач, как на старом добром PzIV, который, кстати, имел одну заднюю передачу. «Панцер-V» («пантера») имел уже семь передних передач и четыре задние. Знатоки назначали дополнительные очки конкурсантам, чьи движения руками повторяли ход переключения передних передач PzIV в форме двойного H.

Обычно танковый пердеж происходил скорее спонтанно, чем в связи с состязанием. Импульсивный участник, стоя на правой ноге, поднимает левую и, делая вид, что выключает сцепление левой ногой, издает короткий пук и пускает в ход правую руку, повышая передачу. Затем он поднимает левую ногу, делая вид, что включает сцепление. Конечно, он не мог пустить в ход правую ногу на воображаемой педали газа, чтобы ехать быстрее; так что ему приходилось пропускать повышение скорости до предела, допускаемого данной передачей, перед тем как переключиться на более высокую, — важное требование в реальном вождении тяжелого транспорта, особенно танков.

Механики-водители, способные допердеть до шестой передачи, демонстрировали адекватность принятой пищи — и, наверное, даже лучше — и что они не очень голодали. Солдатская мудрость «Нечего пожрать — нечего посрать» могла, относительно перде-

жа, быть перефразирована как: «Много пожрать — много посрать».

Правильное исполнение водительского пердежа требовало значительных умственных и физических усилий. То, что могло бы стать одним долгим пердежом на всю комнату, было разделено на шесть мини-пердежей, каждый из которых — еще одно условие — был четко слышен.

Все упражнение было также известно как танковый срач, хотя это скорее относилось к случаям непроизвольного подбрызгивания кала.

Любой механик-водитель, который часто обдумывал и практиковал танковый пердеж, был более компетентен за рычагами своего «панцера».

Да, сэр, так точно — пердеж механика-водителя был и развлечением, и средством обучения.

Глава 12

ВОСПОМИНАНИЯ О СОЛДАТСКИХ ПЕСНЯХ, МАРШАХ И ДНЕ НАГРАЖДЕНИЯ

Ничто, кажется, не поднимает мгновенно дух войск лучше, чем маленькая невинная строевая песня. Во время войны исполнение строевых песен также может приносить, и обычно приносит, и другие положительные последствия — о чем будет рассказана следующая история.

Все началось, когда примерно треть только что вышедшей из боя танковой роты посменно дежурила у пулеметов на треногах, обложенных мешками с песком, у железнодорожной станции — кажется, Зонненвальде? — при городке, переполненном беженцами, в основном германоговорящими, которые, едва сумев обогнать наступающие орды Джаггернаута с востока, смертельно устали от бесконечного движения в безопасную сторону, куда-нибудь на запад.

Редкие советские самолеты, идущие на низкой высоте, старались охотиться непосредственно на железной дороге, обычно игнорируя дороги, испятнанные легкими мишенями — бегущими людьми и их повозками, похожими, если проследить за ними взглядом, на неуверенные сигналы Морзе, километрами повторяющими ...—... — то есть SOS.

Даже нечастые «швейные машинки» — небольшие медленные и старые советские самолеты-разведчики,

звучавшие, как летающая швейная машинка с ножным приводом, отсюда и название — уделяли больше внимания рельсам, чем дорогам, — может быть, потому, что новые танки должны были прибывать к фронту по железной дороге. Если Иван ждал танки, то так же ждали и оставшиеся без них экипажи, ждавшие возможности разгрузить под покровом ночи свои новенькие четвертые «панцеры» или «ягдпанцеры IV». Пока этого не случилось, им и их пулеметам приходилось держаться поближе к станции.

Это подразделение выживших уж точно нуждалось в смене обстановки.

При первой возможности впечатляющая колонна — в черной форме, с П-38 на боку, щегольская в военном смысле слова и уж точно радостная от возможности ненадолго уйти от железнодорожных путей и товарных вагонов, их вторых домов на колесах — входила в город, проходила по переполненным улицам, распевая всякую всячину, включающую, без сомнения, и песню, известную как «Mann an Mann», с такими строками:

Mann an Mann marschieren wir,
Einerlei wohin,
Irgend in ein Feldquartier,
Frisch mit frohem Sinn.

Singen wire in schones Lied
Vom den Schatzelein,
Herrlich isn es auf der Welt
Und schon, Soldat zu sein.

(Мы идем по трое в ряд,
Бодрый мы народ.
И не знаем, где отряд
Ночью отдохнет.

Песню славную споем
О подругах верных.
Хорошо солдатом быть —
Это уж наверно.)

Первые три строки оригинала хорошо поймет аудитория, состоящая из беженцев и переселенцев.

Вскоре после того как 30 человек прошли обратно на сортировочную станцию к липким, вонючим шпалам и ржавым рельсам боковых путей, их командиру роты сообщили, что командир дивизии узнал о восторге всего города, вызванном маршировкой и пением его танкистов. Генерал выразил благодарность, более того, он выделил расчетам зенитных пулеметов у железнодорожных путей дополнительную еду и выпивку.

Через несколько дней перевооруженная часть ушла от железной дороги и больше в город своего триумфа не вернулась.

Оглядываясь назад, скажу: совершенно неподготовленное и спонтанное прохождение с песней, начавшее цепочку благоприятных событий, могло произойти как раз в то время, когда солдаты получили фронтовую клятву, часть которой требовала, что каждый солдат поклянется и выполнит клятву сделать все возможное, чтобы сохранить, и даже подстегнуть, моральный дух населения устным и письменным словом. Как оказалось, в тот день можно было подстегнуть дух гражданских, распевая строевые песни, хотя о спетом слове в клятве не говорилось ничего.

По разным причинам — невежеству, равнодушию, нечувствительности или неблагодарности — всегда были те, кто, считая, что воспоминания о солдатских песнях не имеют земной ценности, могут, как попугай, повторять следующую банальность: «На это я ничего себе не куплю».

Другие — включая, конечно, и автора — объявят, что воспоминания о солдатах и строевых песнях полувековой давности дают понять, что непреходящая полезность тех песен основана на их насущной важ-

ности в поучительных случаях, повлиявших на достойную подражания жизнь ветеранов худшей из войн.

Возможно, нет более надежного мнемонического приема, чем песня, легко ассоциируемая бывшим солдатом с многими хорошими и плохими моментами, когда-то давно научившими его столь быстро и столь многому.

День награждения

В Литве мои качества наводчика — нам не зачли танковый бой в Сучаве в начале года — были сочтены заслуживающими *Panzerkampfabzeichen in Silber* (значка за танковый бой. — *Прим. перев.*) и *Eiserne Kreuz 2. Klasse* (Железного креста 2-го класса. — *Прим. перев.*), обе награды были вручены мне 3 сентября 1944 года в Восточной Пруссии.

Что касается Железного креста, церемония награждения стала анекдотом. Наш командир, которого не любили солдаты, обращаясь к строю награждаемых — нескольким танковым экипажам, — сказал: «От имени Фюрера награждаю вас Железным крестом второго класса второго класса». Соблюдай он формулировку, она звучала бы «от имени Фюрера награждаю вас Железным крестом второго класса».

Парни быстро оценили, что командир сделал две ошибки: он сократил Eiserne Kreuz 2. Klasse до EK II (кажется, автор где-то ошибся в передаче сказанного. — *Прим. перев.*) и прицепил лишний «второй класс». На какое-то время ребята увлеклись поиском ошибок в его ужасном немецком. Говорили о том, что их наградили фиктивным классом Железного креста, ниже, чем крест второго класса.

Естественно, потом ворчание утихло, и каждый солдат гордо носил ленточку своего EK II.

Наградной знак, *Panzerkampfabzeichen in Silber* (серебряный значок за танковый бой), для танковых эки-

пажей был утвержден 20 декабря 1939 года. 22 июня 1943 года появился значок *Panzerkampfabzeichen in Silber mit der Einsatzzahl* (серебряный значок за танковый бой с указанием количества боев). Для вспомогательных подразделений был выпущен *Panzerkampfabzeichen in Bronze*, в тех же степенях, в тот же день, что и серебряная версия.

К середине 1943 года, конечно, были танковые экипажи, участвовавшие в 25 и более подтвержденных танковых боях; однако, скажу я вам, любой солдат, кто участвовал в 25, или 50, или — упаси господи! — 100 боях, был храним сверхъестественными силами. В любом случае многие ребята прилагали огромные усилия к тому, чтобы добиться больших цифр.

Эффектная награда много больше, чем медаль за кампанию, — это источник боевого духа.

Глава 13

«ЯГДПАНЦЕР-IV»

Эта глава и следующая за ней основаны на событиях моей жизни, начавшихся в 1943 году с восьминедельного курса обучения в танковой школе, за которым следовала полевая служба на PzIV в 1944-м и на «ягдпанцер-IV» в 1945 году. Мой военный опыт службы в танковых войсках дополняют девять лет, начиная с 1997 года, службы волонтером в галереях бронетанковой техники Канадского военного музея в Оттаве.

Появившись в 1944 году как оборонительный охотник за танками, первая модель «ягдпанцера-IV» (*Jagd* означает охоту; следовательно, *Jagdpanzer-IV* означает *«танк-охотник-IV»*) состояла в основном, как и две следующие модели, из шасси и корпуса поздней модели Panzerkampfwagen IV и 75-мм пушки.

Такое противотанковое средство — низкое, хорошо бронированное, полностью закрытое, не имеющее башни, самоходное на гусеничном ходу, оснащенное высокоскоростным, с малым углом горизонтальной наводки 75-мм орудием, — было известно среди танковых экипажей как «ягдпанцер-IV»; в любом танковом полку машина именовалась исключительно как «ягдпанцер-IV».

Отряды *Panzerabwehrkannone (Pak)*, сами известные как *Panzerjäger* (Jäger означает «охотник» — отсюда *Panzerjäger* означает *«охотник за танками»*), после некоторых споров назвали машину *Panzerjäger* — это

слово в послевоенной литературе заменило термин «ягдпанцер-IV».

В оригинальной модели «ягдпанцера-IV» в переделанном корпусе PzIV со специальной рубкой стояла 75-мм Panzerabwehrkannone 39 (Pak 39) длиной в 48 калибров. Эта машина также была известна как *Panzerjäger*.

В небольших количествах производилась также переходная модель «ягдпанцера-IV», с носовой частью от PzIV и установленной в рубке 75-мм KwK42 (Kampfwagen-Kanone) от «пантеры», длиной в 70 калибров. Эта комбинация известна как «ягдпанцер-IVA». Его производили на «Альтмеркише Кеттенфабрик» в Берлине, отсюда и буква А.

Самая последняя модель «ягдпанцера», с верхней и нижней передней наклонной броневой плитой, унаследованной от прототипа, PzIV, также имела в рубке 75-мм KwK длиной в 70 калибров. Ее делали на «Фоглендише Машиненфабрик АГ» в саксонском городе Плауэне, и она числилась как Jagdpanzer IV V (*Прим. перев.*: напоминаем, что буква V (фау) читается в немецком языке как «Ф»).

В завершение обсуждения будет рассказано о некоторых аспектах полевого применения орудия и оптики последней модели, после чего будут описаны его шасси и корпус. Вынесение таблицы технических данных «ягдпанцера-IV» в приложение D оставляет место для обсуждения малоизвестных, но важных подробностей. Например, в этой главе рассказывается о мертвых зонах, а также других жизненно важных характеристиках этой САУ.

Полевое применение 75-мм KwK42 L/70

Сделав выбор в пользу орудия с ограниченным углом горизонтальной наводки, установленном в корпусе, а не во вращающейся башне, конструкторы об-

наружили, что могут установить орудие большего размера, чем получается ставить в такой же танк. В конце концов, большего размера оружие означало для «ягдпанцера» установку 75-мм *KwK42 L/70* с «пантеры», которое, например, придавало 15-фунтовой (6,8-кг) «панцергранате» (бронебойному снаряду) дульную скорость в 935,13 м/с (3 068 фт/с) — по сравнению с 750,11 м/с (2461 фт/с) у 75-мм *KwK40 L/48* с «панцера-IV», стрелявшего тем же снарядом. *KwK42 L/70* была специально разработана, чтобы удовлетворять требованию, чтобы танковая пушка на дистанции 1000 м пробивала 14 см брони.

Двадцатипроцентный рост дульной скорости — что означало большую дальность, возросшую точность и большую бронепробиваемость — был результатом двух свойств *KwK42*: 5,25-м длины ствола, на 1,65 м длиннее, чем у *KwK40 L/48*, и заметно большая мощность метательного заряда в *Hülse* (гильзе), по сравнению с KwK40. Таблица показывает немецкие оценки эффективности KwK42 против вражеских танков в конце мая 1944 года.

Немецкие оценки эффективности 75-мм пушки KwK42L/70 против вражеских танков по состоянию на 30 мая 1944 года:

Русский Т-34

Лоб	800 м
Борт	2800 м
Корма	2800 м

Русские танки КВ

Лоб	600 м
Борт	2000 м
Корма	2000 м

---

[1] Это явно ошибка — борт с кормой не могли давать таких показателей, если цифры по попаданию в лоб верны. 800 м в лоб и 2000 м в борт и корму выглядят более реалистично.

Русский ИС-1

Лоб	600 м
Борт	2000 м
Корма	2000 м

Британский «Черчилль-III»

Лоб	2000 м
Борт	2000 м
Корма	2000 м

США, «Шерман»

Лоб	1000 м
Борт	2000 м
Корма	2800 м

При установке на «ягдпанцер» мощная KwK 42 L/70 не требовала дульного тормоза, хотя на «пантере», у которой боевое отделение было меньше, на ней стоял дульный тормоз с двумя перегородками.

Небольшой угол горизонтальной наводки в «ягдпанцере», то есть максимальный угол горизонтальной наводки, составлял 20 градусов: 10 градусов влево и 10 градусов вправо. Максимальный угол возвышения KwK был 15 градусов, и ее можно было опустить на пять градусов. Эти три цифры важны для рассмотрения полевого применения пушки.

Установленный в верхней наклонной плите боевой рубки, 5,25-м ствол пушки выходил вперед за габариты корпуса на 2,5 м. 1,42-м высота линии огня — расстояние от земли до оси ствола при угле возвышения 0 градусов — высота линии огня «панцеркампфвагена-IV» составляла 1,96 м, — то есть ствол располагался сравнительно близко к земле. Длинный и низкий ствол орудия давал много беспокойства экипажам «ягдпанцера», поскольку такой ствол легче сталкивался, как по вертикали, так и по горизонтали, с рядом стоящими предметами — легче, чем ствол 48-калиберной пушки, установленной в башне PzIV.

При движении по неровной местности угол воз-

вышения ствола нужно было внимательно контролировать, особенно при пересечении канав и тому подобного. Чтобы избежать повреждения пушки, нужна была слаженная работа командира экипажа и механика-водителя или наводчика и механика-водителя. Столкновение оружия с землей могло сделать рабочее место наводчика бесполезным. Забитый землей ствол мог разорваться при стрельбе.

Еще более был уязвим «ягдпанцер» даже не к способности сверхдлинного ствола зарываться в землю при движении на неровной поверхности, а к цеплянию, при повороте машины, за предметы, расположенные сбоку — такие, как деревья и стены домов, — до такой степени, что механизмы горизонтальной и вертикальной наводки выходили из строя, и пушка оставалась криво торчать из верхней наклонной броневой плиты.

Не было ни буфера, ни амортизатора, гасящего горизонтальный или вертикальный удар при столкновении ствола с плотным объектом. Конечно, серьезное повреждение происходило с большей вероятностью, когда удар приходился ближе к дульному срезу, усиливая нагрузку на изгиб.

Водителю «ягдпанцера-IV», конечно, не было никакого проку от индикатора разворота башни в форме, скажем, двух голубых лампочек, одна на левой стороне его отсека, другая на правой. Такой индикатор, стоявший на ранних моделях «панцеркампфвагена-IV», автоматически включался, когда орудие разворачивалось в сторону борта и зажигалась соответствующая лампочка, предупреждая водителя, что танку нужно дополнительное свободное место при движении — например, проходя мимо деревьев или зданий. Отсутствие дополнительного места приводило к тому, что пушка цеплялась стволом за препятствие и повреждалась.

Хотя длинный ствол пушки «ягдпанцера» с ограниченным углом наводки не требовал индикатора разворота башни, экипажи с восторгом приняли бы другой индикатор, предупреждающий о возможном повреждении ствола при преждевременном развороте машины. Такой индикатор помог бы «ягдпанцерам» (обратите внимание на множественное число) не ломать самих себя, когда быстрый ход боя не давал командирам машин или наводчикам возможности осмотреться и дать указания водителям.

Как уже говорилось, повреждение пушечной подвески от удара о крупные предметы приводило к тому, что орудие переставало слушаться маховиков наводки; как следствие, такое повреждение обездвиживало пушку, что иногда вело к потере «ягдпанцера», чей экипаж пускал в ход килограммовый подрывной заряд.

В отличие от более высокой «ягдпантеры», также известной как «ягдпанцер-V» и «панцеръегер тигр-элефанта», «ягдпанцер-IV» не имел большого люка в корме, через который оружие можно было снять для ремонта и установить обратно. Эта задача, кажется, должна была выполняться через отверстие в переднем наклонном броневом листе, заднюю часть маски пушки и выступающую вперед броню.

Возвышающийся под защитой стального колпака над крышей рубки, объектив телескопического прицела Sfl.ZF располагался на 50 см выше и на 65 см левее оси ствола при нулевом угле возвышения. На самом деле трубка прицела устанавливалась в полукруглый вырез колпака, стоящего на приваренных направляющих так, чтобы вырез в нем соответствовал полукруглому вырезу в броне крыши рубки. Боковое смещение колпака осуществлялось механизмом горизонтальной наводки орудия.

Кроме того, что в плохую погоду через полукруглый вырез вода затекала внутрь танка, вырез в передней трети крыши рубки ослаблял бронирование.

Маховики горизонтальной и вертикальной наводки у «ягдпанцера-IV» были расположены вертикально, их оси смотрели на наводчика; верхний маховик — для вертикальной наводки, нижний — для горизонтальной. У PzIV был вертикальный маховик вертикальной наводки и горизонтальный маховик горизонтальной наводки, на последнем был триггер электрического спуска. Наводчики «ягдпанцера-IV» считали расположение маховиков наводки PzIV гораздо более удобным.

Для обеспечения внешнего обзора экипажа у «ягдпанцера-IV», кроме телескопического прицела у наводчика, также было пять оптических устройств:

Невращающийся стереоскоп командира машины
Вращающийся перископ (эпископ) командира машины
Невращающийся перископ командира машины
Невращающийся перископ заряжающего
Смотровые щели механика-водителя

Если откинуть вправо крышку небольшого приборного лючка спереди и сзади командирского люка, командирский стереоскоп можно было приподнять до высоты 25 см над крышей рубки. Вращающийся перископ, в 61 см позади стереоскопа, был встроен в крышку люка, откидывающуюся на петлях в сторону кормы. Как и стереоскоп, вращающийся перископ был в 74 см от левого края крыши, так что слева от

машины оставалось довольно большое слепое пятно. Невращающийся перископ командира находился в 22 см от левого края крыши, что оставляло слепое пятно меньшего размера.

На расстоянии около 31 см от правого края крыши рубки и на 79 см дальше вперед, чем командирский невращающийся перископ, находился перископ заряжающего, дающий большее слепое пятно справа, чем командирский перископ — слева.

Кроме вращающегося перископа у командира, не было других средств наблюдения, направленных в сторону кормы. Наблюдательные щели водителя были направлены только вперед; более того, маска пушки, справа от наблюдательных щелей, создавала слепое пятно в том направлении.

У экипажей «ягдпанцера-IV» были серьезные жалобы на слепые пятна. Верхняя часть каждого перископа, вращающегося или неподвижного, располагалась, под защитой стальной дуги, очень близко к крыше, верхняя призма находилась на высоте 6,3 см от плоской крыши, так что при закрытых люках и без использования стереоскопа имелись следующие слепые пятна:

Направление обзора	Устройство наблюдения	Дистанция до края слепого пятна
Влево	Командирский неподвижный перископ	6,5 м
Влево	Командирский вращающийся перископ (эпископ)*	21,8 м
Вправо	Неподвижный перископ заряжающего	9,1 м
В сторону кормы	Командирский вращающийся перископ (эпископ)	58,2 м
Вперед	Смотровые щели механика-водителя	2,6 м

* Тот же прибор, вращающийся на 90 градусов.

Основные модификации шасси и корпуса

Как правило, «ягдпанцер-IV» использовал шасси и корпус модели Н, предпоследней модели «панцеркампфвагена-IV» — проверенный временем дизайн, достигший совершенства в 1944 году, в модели J, также называемой моделью I, из-за того что I следует непосредственно после Н. В более ранних немецких алфавитах I и J были идентичны. PzIV появился перед войной и в течение войны прошел непрерывную модификацию. В 1945 году планировалось продолжить производство модели J (I).

Заметным изменением в шасси модели Н стало уменьшение числа поддерживающих катков — с четырех до трех; большинство «ягдпанцеров-IV» строилось с тремя поддерживающими катками — как и, кстати, некоторые поздние модификации PzIV.

По завершении трансформации из PzIV последняя модификация «ягдпанцера-IV» имела два верхних передних наклонных броневых листа, как и у прототипа, но листы стали более наклонными — один ниже почти горизонтального листа в передней части корпуса, другой выше, так что нижний край верхнего наклонного листа отстоял от верхнего края нижнего листа на 0,7 м.

Передний горизонтальный лист явно был необходим, поскольку в него встроены три люка. Люк доступа к трансмиссии был потайным, на винтах; люки доступа к тормозам бортовых фрикционов, по обе стороны люка доступа к трансмиссии, были посажены на петли и слегка возвышались над полкой.

Также была перепроектирована бортовая броня рубки, получив наклон листов для большей эффективности защиты.

Толщина брони «ягдпанцера-IV» изменилась по сравнению с PzIV следующим образом:

Броня	модель H	«ягдпанцер-IV»
Лоб	80 мм	60 мм
Борт	30 мм	40 мм
Корма	20 мм	30 мм
Крыша	15 мм	20 мм

Передние 2/5 длины днища «ягдпанцера-IV» имели толщину 20 мм; задние 3/5 длины имели толщину 10 мм. Что интересно, в связи с вышеназванными цифрами толщины брони, Приложение D дает вес PzIV модели H в 25 тонн, а «ягдпанцера-IV» — в 25,8 тонны.

При том, что у каждого из пяти членов экипажа PzIV был свой люк, четыре или пять человек экипажа «ягдпанцера-IV» имели лишь два люка, оба заподлицо с крышей рубки.

Единственное смотровое отверстие механика-водителя PzIV, прикрытое козырьком, расположенное в вертикальной лобовой плите корпуса, стало двумя сравнительно узкими неприкрытыми смотровыми щелями в верхней передней наклонной броневой плите «ягдпанцера».

Некоторые «ягдпанцеры-IV» изготавливались с двумя амбразурами для стрельбы из оружия ближнего боя. Одна из них была сверху слева от смотровых щелей водителя, другая справа от орудия. Каждое из отверстий снабжалось круглым щитком, насаженным на ось у правой стороны отверстия. На всех остальных «ягдпанцерах-IV» была одна амбразура с щитком, справа от орудия.

Последние модели «ягдпанцера-IV», такие, как тот, что стоит в Канадском военном музее в Оттаве, легко отличить по следующим четырем показателям:

1. У них две передние верхние наклонные броневые плиты.

2. На них установлено 75-мм орудие KwK42 L/70.

3. У них три поддерживающих катка.

4. У них нет амбразуры сверху слева от смотровых щелей механика-водителя.

В дополнение к своему 48-страничному Jagdpanzer: Jagdpanzer IV — Jagdpanther, состоящему в основном из черно-белых фотографий, Хорст Шайберт, автор ряда книг по немецким танкам Второй мировой войны, пишет следующее, в переводе с немецкого:

«С боевой точки зрения способ использования шасси более тяжелых боевых танков IV, V и VI для изготовления самоходных противотанковых пушек был ошибкой и расточительностью. Тяжелая броня была и остается не столь важной для противотанкового оружия; защиты от шрапнели и ручного оружия вполне достаточно. Более важно иметь надежную, проверенную силовую установку, низкий силуэт, большую подвижность и сильное, дальнобойное орудие... Путь утяжеления танков во Второй мировой войне был необходим для оружия нападения, но не для противотанковых орудий, которые стоят и ждут свои цели».

Глава 14

ВОЖДЕНИЕ «ЯГДПАНЦЕРА-IV»: КАК ИЗБЕЖАТЬ ОТКАЗА ТРАНСМИССИИ

В дополнение к тому, что должен был выучить рядовой-танкист в курсе вождения, эта глава содержит, например, информацию о радиусах поворота «ягдпанцера-IV» и о расширении гусениц для «ягдпанцеров-IV» на Восточном фронте — то, чего нет в таблицах технических данных в Приложении D.

То, что мне надо сказать о «ягдпанцере-IV», очень важно для механика-водителя. Я хочу поговорить в особенности о трансмиссии и правильном ее использовании. Большая часть того, что я расскажу, отражает часть моего опыта вождения, а также мой опыт в качестве члена экипажа PzIV и «ягдпанцера-IV».

Хорст Шайберт в «Panzer im Russland...1941—1944», стр. 33, указывает, что «под толстой броней конструкция танка технически сложна и, до определенной степени, слаба; сложное шасси, испытывающие сильные нагрузки трансмиссии, двигатели, оптические приборы и вооружения со своими установками требуют особого обращения». Обратите внимание на слова «испытывающие сильные нагрузки трансмиссии».

Посмотрим, как механик-водитель «ягдпанцера-IV» мог избежать перегрузки трансмиссии.

Гусеничная машина неизбежно и сильно оказывается подвержена фактору, известному как «сопро-

тивление качению». Во время ручного переключения передач скорость движения резко падает из-за сопротивления качению, оказываемого самими гусеницами. С другой стороны, колесная машина при переключении передач будет продолжать катиться с незначительной потерей скорости.

На протяжении нашего обсуждения нам нужно учитывать, что двигатель «ягдпанцера», «Майбах» HL 120 TRM V-12, выдавал 265 л.с. нормальной мощности на 2600 об/мин и 300 л.с. максимальной мощности на 3000 об/мин.

У ручной трансмиссии «ягдпанцера-IV», ZF SSG 76 Aphon, изготовленной на «Цанрадфабрик Фридрихсхафен» во Фридрихсхафене на озере Констанце, было шесть передних передач и одна задняя, или, если хотите, шесть скоростей вперед и одна — назад. Из-за того, как переключались передние шесть передач, рисунок переключения передач назывался «двойное Н». Переключение передач требовало хорошей синхронизации, основанной на взаимосвязи между двигателем и скоростями, поэтому все зависело от умения механика-водителя.

Задолго до того как он заканчивал двухмесячный курс обучения механика-водителя — я не называю его просто школой вождения, — любая поломка шестерен по его вине поставит на нем клеймо невежды, нежелательного в танковом экипаже. Если потенциальный водитель танка раз за разом заставлял шестерни учебного танка биться друг о друга, ему, скорее всего, приказали бы метров сто пробежать за танком и тащить при этом тяжеленный танковый домкрат. Это небольшое наказание называлось «бегом тащить домкрат».

Давайте посмотрим на то, как использовались шесть передних передач.

Перед переключением машину нужно было уско-

рить, чтобы во время перехода с передачи на передачу, особенно на тяжелой местности или на сильном уклоне, машина не замедлилась или не остановилась бы. Переходя на предпоследнюю передачу, нужно было обязательно ускорять машину до предела на данной передаче.

Круги поворота «ягдпанцера-IV» на передних передачах были таковы:

Передача	**Круги поворота в метрах**
1-я	5,92
2-я	13,0
3-я	21,3
4-я	35,5
5-я	50,9
6-я	72,2

Цифры, приведенные выше, со второй до шестой передачи, являются приблизительными. Круг поворота на задней передаче будет примерно равен данным по первой передаче.

Чтобы понять причину таких больших различий в величине кругов поворота, нам придется учесть конструкцию поворотного механизма «ягдпанцера-IV». Вал трансмиссии «ягдпанцера» шел от двигателя через туннель в нижней части боевого отделения и, через трехдисковую муфту сцепления, к трансмиссии. Конические шестерни и рулевой механизм установлены спереди трансмиссии. Сложный механизм муфты сцепления изготовлен на заводах Круппа по проекту Вильсона. От рулевого механизма два вала, левый и правый, идут к тормозам бортовых фрикционов и оттуда на оконечные приводы. Можно также сказать, что управление «ягдпанцером-IV» осуществляется средствами механического планетарного поворотного механизма и механических тормозов бортового фрикциона, управляемых двумя рулевыми рычагами.

Люк доступа к трансмиссии и рулевому механизму закреплен на болтах на почти горизонтальной плите над нижней из двух передних верхних наклонных броневых листов корпуса. Вентилируемые люки доступа к тормозам бортовых фрикционов, по обе стороны люка доступа к трансмиссии, закреплены на петлях и слегка возвышаются над полкой. Считалось, что обслуживание трансмиссии и рулевого механизма, а также регулировка тормозов бортового фрикциона должны проводиться персоналом полевых ремонтных мастерских, хотя многие водители танков были также профессиональными автомеханиками.

Вытянутый механиком-водителем на треть хода, рычаг управления взаимодействовал с муфтой сцепления в рулевом механизме. Вытянутый дальше, чем треть хода, тот же рычаг запускал тормоз бортового фрикциона. Осуществимый только с трансмиссией на самой нижней передней передаче или на задней передаче, так называемый разворот-на-пятачке делается вытягиванием одного из рычагов на весь ход, так что одна из гусениц оказывается полностью блокированной. Вошедшая в сцепление и снятая с тормоза — другими словами, работающая на полную — другая гусеница толкает «ягдпанцер-IV» в очень узкий разворот — с малым кругом разворота.

Конечно, более высокие передние передачи означают большие скорости машины. С этими передачами и соответствующими скоростями полное торможение для резкого разворота полностью исключалось. На высоких передачах более мягкие скоростные развороты, то есть большие круги разворота, достигались потягиванием рычага управления лишь настолько, чтобы войти в зацепление с одной муфтой. Если был нужен резкий разворот, машину нужно было сильно притормозить, что часто являлось помехой в бою, и передача переключалась на гораздо более низкую.

Резкий разворот, в отличие от постепенного, часто требовался для быстрого разворота толстой лобовой брони и орудия в сторону противника, который мог выстрелить бронебойным. Любая попытка резко развернуть «ягдпанцер-IV» на высокой скорости приводила к повреждению трансмиссии. Максимальная скорость PzIV, между прочим, составляла 35 км/ч, то есть 9,7 м/с, или 32 фт/с.

Здесь пора вспомнить кое-что из истории вильсоновского типа рулевого механизма «ягдпанцера-IV».

Между мировыми войнами в разработку рулевого управления и трансмиссии гусеничных боевых машин вкладывалось столько же усилий, сколько и в разработку двигателей, подвески и гусениц. Передавая мощность с гусеницы на гусеницу, разработчики пытались справиться с управлением, забирая мощность торможения гусеницы. Постепенно эти попытки привели их к объединению рулевого механизма, дифференциала и трансмиссии в один блок.

В 1928 году майор Уолтер Вильсон применил на 16-тонном танке «Виккерс А-6» свой эпициклический, или планетарный, рулевой механизм — очень важный шаг вперед в устройстве трансмиссии и рулевого управления. Механизм Вильсона делал многое для распределения потерь мощности при управлении. Его устройство было завершено к январю 1934 года, первый «панцеркампфваген-IV», то есть модель А, появился в 1936 году, на нем стояло то, что называлось механизмом управления Круппа — Вильсона. Большинство последующих моделей PzIV несли тот же тип вильсоновского механизма рулевого управления, что и большинство его вариантов, включая «ягдпанцер-IV». Лишь три модели PzIV не имели рулевого управления Крупп — Вильсон, на них стояло то, что называлось «муфта сцепления Даймлер — Бенц — Вильсон».

Стоит заметить, что в то время, как различные планетарные механизмы рулевого управления для гусеничных бронированных машин назывались по их проектировщикам, планетарные коробки передач для автомобильных автоматических трансмиссий назывались по именам их изобретателей, например Симпсон или Ravigneaux.

При снижении передней передачи «ягдпанцера-IV» двойное сцепление было обязательно. Целью двойного сцепления, или двойного расцепления, было мгновенное получение, с трансмиссией в нейтральном положении, скорости двигателя, подходящей для мягкого включения более низкой передачи.

Сопротивление качению работало все время, пока «ягдпанцер-IV» двигался. Часто, чтобы перейти на более низкую скорость из-за крутого поворота дороги, умеренно крутого холма или разбитой дороги, водителю нужно было переключиться на две передачи ниже. Водителей учили, насколько возможно, не трогать управление, поднимаясь по крутому склону.

«Ягдпанцер-IV» мог безопасно подняться на 30-градусный склон. Он мог также — и этого чаще всего не знают — безопасно спуститься с уклона в 40 градусов. Такие сравнительно крутые подъемы и спуски получались благодаря низкому центру тяжести. Однако, особенно при крутом спуске, нужно было учитывать подъем и свес орудия. При выборе передачи для преодоления крутого склона водители следовали правилу использовать в гору и под гору одну и ту же передачу.

Необходимо было надежное торможение, особенно на спуске с крутого склона. Водителю позволялось тормозить двигателем, на 2200—2400 об/мин. Он, конечно, мог использовать ножной тормоз, который действовал сразу на оба фрикциона.

Езда по грязи и снегу увеличивала сопротивление качению, что нужно было учитывать в работе с трансмиссией. На Восточном фронте на некоторых «ягдпан-

церах-IV» использовались уширенные гусеницы, известные как *Ostketten*, или «восточные гусеницы», в основном в зимние месяцы, для увеличения сцепления с грунтом. *Ostketten* применялись и в других ситуациях, на местности, неблагоприятной для применения танков. *Ostkette*, к слову сказать, увеличивала ширину стандартной 40-см гусеницы примерно на 58%.

Каждое прямоугольное уширение звена стандартной гусеницы — на стандартную гусеницу PzIV приходилось 99 таких звеньев — добавляло площадь примерно 23 × 8 см, или 184 кв. см. Большая часть этой дополнительной стали выступала за край стандартной гусеницы с внешней стороны машины. Из-за такой асимметрии *Ostketten* часто слетали во время поворотов и маневрирования на сравнительно высоких скоростях.

Давайте рассмотрим другой аспект *Ostketten,* стоящих на «ягдпанцере». Представим, что советский Т-34-76С (*Прим. перев.:* в немецкой номенклатуре модификации Т-34 снабжались буквами от А до F. Буква С соответствовала танку обр. 1942 года) и «ягдпанцер-IV» имеют боевой вес 28 тонн. Кроме того, что стандартные гусеницы Т-34 шире, у Т-34-76С большая часть длины гусеницы имеет контакт с грунтом. У Т-34-76С длина контакта гусеницы с грунтом составляет 3,71 м; у «ягдпанцера-IV» — 3,52 м. Т-34-76С, со стандартной гусеницей шириной 50 см, оказывает давление на грунт 0,71 кг/кв. см. «Ягдпанцер-IV», на стандартных гусеницах шириной 40 см, оказывает давление 0,91 кг/кв. см. С *Ostketten*, установленных на стандартных гусеницах, давление «ягдпанцера-IV» на грунт составляет лишь 0,67 кг/кв. см. Следовательно, *Ostketten* заметно снижают давление на грунт, делая его более выгодным, чем у Т-34-76С. Призом за использование *Ostketten* стало сниженное сопротивление качению.

Напротив, вес *Ostketten* добавляет сопротивление

качению «ягдпанцера-IV». Стандартная 99-звенная гусеница с установленными *Ostketten* весит в 1,93 раза больше, чем без них.

Неудобство *Ostketten* состояло в том, что с ними «ягдпанцер-IV» не мог пересекать военных железнодорожных мостов на железнодорожной платформе. Снятие и установка *Ostketten* из-за мостов становились серьезной работой. В любом случае *Ostketten* считались, особенно у механиков-водителей, лишь временной мерой.

Стандартные гусеничные звенья «ягдпанцера-IV» включали зимние шпоры. Занос, скольжение и пробуксовка гусениц, следовательно, не были для водителей проблемой.

Один из самых серьезных отказов трансмиссии «ягдпанцера» произошел при попытке использовать его для буксировки гусеничной машины того же весового класса. Стандартная эвакуационная машина для более ранних танков, полугусеничный грузовик фирмы «Фамо», не справлялась с весом средних танков, таких, как PzIV, не говоря уже о тяжелых. Кроме того, эвакуационных грузовиков никогда нельзя было найти, когда они были срочно нужны, особенно в оборонительной кампании, как эвфемистически называлось отступление. Появившаяся позже эвакуационная «пантера», переделанная из танка, была оборудована лебедкой, способной развить тягу в 40 тонн, но эти машины находились в основном в полках, вооруженных «пантерами», а не «ягдпанцерами». В оборонительном бою не было возможности ждать эвакуационную «пантеру». Для буксировки одной 28-тонной машины рекомендовалось использовать тягу двух «ягдпанцеров-IV».

Простая буксировка «ягдпанцер-IV» по ровному месту давала меньшую нагрузку, чем при эвакуации, — при условии, что у неисправной машины ходовая

часть была исправна и буксируемая машина правильно сцеплена с буксировщиком. «Правильно сцеплена» означало, что использовались два буксировочных троса крест-накрест, чтобы машину не водило.

У «ягдпанцера-IV» было много возможностей — в своей части и где угодно — буксировать что угодно. Однажды наша машина буксировала мотоцикл с коляской, у которого кончился бензин, — водитель сидел и рулил, а его напарник отдыхал в коляске. Для нас все шло медленно из-за затора на дороге. Подзуженный остальными членами экипажа, механик-водитель неожиданно дал газ, и машина рванула вперед на половину длины, выдернув мотоцикл из-под водителя. Ругаясь, мотоциклист сел на землю. Ему отчаянно нужен был буксировщик, поэтому он и связался с нами. Эта буксировка была легкой для нашей трансмиссии, хотя для парня, приземлившегося на дорогу, все было совсем не так легко.

Больше чем кто-либо другой, механик-водитель «ягдпанцера-IV» отвечал за сохранение машины в лучшей форме. Одной из его наград — очень осязаемых наград — за его тяжелый труд было то, что он никогда не стоял или сидел двухчасовых вахт в боевом отделении, когда машина, скажем, вставала на ночь между боями. Почти все опытные водители танков, со своими частями, наслаждались доброй мерой славы, большая часть которой была добыта их виртуозным обращением с трансмиссиями.

Глава 15

«ЯГДПАНЦЕР-IV» В ЗИМНЕЙ ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ ПРУССИИ

Наша часть — 8-я рота 25-го танкового полка 7-й танковой дивизии — получила свои первые и последние «ягдпанцеры-IV» в начале января 1945 года, чтобы вскоре пустить их в ход на фронте, в районе Бишофсвердера, километрах в 300 от Лайпалингиса, в Литве.

«7-я танковая дивизия во Второй мировой войне», стр. 433—434, сообщает:

«23 декабря [1944 г.] 17 новых PzIV прибыли во второй батальон 25-го танкового полка, и 10 января [1945 г.] новые длинноствольные PzIV [оснащенные 70-калиберными пушками «ягдпанцеры-IV»]. Последние, за отсутствием вращающейся башни и, как следствие, малым сектором обстрела у пушки, были лишь вспомогательным средством. Однако 2-й батальон танкового полка был теперь полностью оснащен танками [и самоходными установками]».

Подробности технического устройства этих двух машин см. в Приложениях.

Начав 12 января 1945 года общее наступление по всему фронту от Балтийского моря до Карпатских гор, Советы начали наступать в одном месте из многих, у

Розана, пересечения шоссейных дорог на реке Нареве, в 75 км северо-восточнее Варшавы. Этот удар, направленный, в общем, на северо-запад, продолжался, через Млаву и Бишофсвердер, к точке на реке Висла, в 65 км южнее Данцига.

Общая длина удара от Розана на Висле составляла 215 км; расстояние от Розана до Бишофсвердера — около 150 км. Запись в моей солдатской книжке говорит, что мы встретили Советы в Бишофсвердере 22 января 1945 года.

Собственно, в Западной Пруссии мы воевали с Советами уже 15 января, за три дня до начала того наступления, в которое мы попали. На самом деле мой боевой дневник показывает три боя 15 января — Тршинец, Порзово и Фв. Осиц.

В Западной Пруссии было страшно холодно, совсем по-восточному. Как и у PzIV, у «ягдпанцеров-IV» внутри не было никакого отопления.

Если в «ягдпанцере» в это время года было холодно, то так же холодно было там, где мы ночевали. Представьте, что нужно найти несколько столов равной высоты, а потом заснуть на них, составленных вместе, чтобы оказаться подальше от холодного как лед, часто земляного, пола. Никаких матрасов. Иногда — охапка соломы. Накрывались кителями. Месяцами у меня не проходили болячки над верхней губой.

До сих пор я чувствую благодарность за выданные нам шапочки-ток и двустороннюю зимнюю форму. Если будут продаваться такие же, побегу и куплю.

Ток, рукав шерстяного материала цвета фельдграу, открытый с обоих концов, носили, натянув на голову, — один конец окружает шею, другой — лицо. Стальных шлемов, под которые он надевался, у нас не было. Вместо этого каждый носил его, частично натянув на черное полевое кепи.

Двусторонняя зимняя форма из штанов и куртки была нашим спасением. Мышиного серого цвета с одной стороны и белые с другой, куртка и брюки были удобными и теплыми, их носили поверх черной танкистской формы. У куртки даже был потайной поясной ремень и шнурок, стягивающий низ. У штанов были вшитые стяжки из белой тесьмы, застегивающиеся в трех позициях.

В этой форме, хотя и недостаточно теплой, нам не нужно было думать только о том, чтобы согреться, вставляя старые газеты и солому между нижним бельем и формой, как советовали делать зимой на Восточном фронте, пока не появилась двусторонняя зимняя форма зимой 1942/43 года.

К сожалению, с обувью все обстояло не так хорошо. Зимой мы носили обычные неутепленные ботинки, как и весь оставшийся год. Нам никогда не давали специальную зимнюю обувь из обшитого тканью прессованного войлока или из подбитой войлоком кожи. Да, они были неуклюжими, и никто бы не хотел носить внутри «ягдпанцера» еще более неуклюжие боты для часовых, сделанные из самого толстого войлока, в которые влезали в обычной обуви через открытый задник, а потом застегивали. Однако высокие, подшитые кожей войлочные ботинки чертовски хорошо подходили для нашей работы и хорошо послужили бы нам, как и двусторонняя форма и шапочка.

Плохо скроенная и слишком просторная зимняя форма убила бы нас. Нужно было учитывать размеры люков в крыше рубки. Вход-выход через люки был не для разбухших от одежды людей, не говоря уже о просто толстых.

Прелюдией к настоящей зимней войне — или это уже была зимняя война? — стало ожидание в круговой обороне, ночь за ночью, по человеку в каждой машине, в одной восточнопрусской деревушке за другой.

Одной ночью сукин сын, который должен был меня сменить, не явился, заставив провести в ледяной коробке ровно четыре часа.

Мы хорошо ознакомились с нашим «ягдпанцером», но постоянно беспокоились о том, как пройдет боевое крещение — не наше, а «ягдпанцера». Мы знали, на что способна 48-калиберная KwK40 «панцера-IV», и хотели выяснить, как себя ведет KwK42 L/70. Все, что можно было делать до часа, минуты и секунды испытания, было немного подвигаться.

Все это ожидание длилось до 15 января 1945 года.

Тршинец, Порзово и Фв. Осиц: три боя с советскими противотанковыми частями в один день

Холодным днем 15 января с нами произошло нечто странное: мы встретили советские противотанковые орудия и противотанковые части, которые, без сомнения, готовились отразить немецкую контратаку у Бишофсвердера. Наша первая контратака за долгое время.

Вместо того чтобы содействовать танкам на линии фронта, советские противотанковые пушки обычно следовали за ними позади, хотя и не слишком далеко. Так что в этой части Европы наши танкисты на линии фронта не встречали советских противотанковых пушек.

Когда после обеда 15 января наш «ягдпанцер-IV» — первый из трех противотанковых САУ нашей группы — заехал за поворот дороги, я был удивлен, обнаружив в 50 м впереди советского солдата, бежавшего наискосок через покрытую снегом дорогу. Он нес на плече своей зимней стеганой куртки один снаряд, — возможно, того типа, что использовался в Т-34-76. Мы были у противотанкового заслона?

Мы, конечно, не могли остановиться и проверить, т. к. хорошо помнили, что практика применения PzIV прямо запрещала подобную глупость. Вместо этого мы торопливо оттянулись обратно за поворот.

Замечательная советская «рабочая лошадка», 76,2-мм тяжелая противотанковая пушка (германская армия переоборудовала и использовала все захваченные орудия), легко маскировалась. Верх орудийного щита был всего в метре над землей — до пупка человека среднего роста. Максимальная дальность осколочного выстрела составляла 13 500 м. Угол горизонтальной наводки — 60 градусов, угол возвышения — от минус 6 до плюс 25 градусов. Чертовски эффективное оружие. Бронепробиваемость — 98 мм на 500 м. Толщина лобовой брони «ягдпанцера-IV» — 80 мм.

Наша танковая тактика требовала, чтобы в такой ситуации мы соблюдали три правила:

1) Имея дело с противотанковым оружием на средней дистанции, до движения на него открой ответный огонь. Сначала остановка для точного ответного выстрела, а затем большая часть роты движется на них, а один взвод осуществляет огневую поддержку.

2) Встретив противотанковые средства на короткой дистанции, остановка равна самоубийству! Лишь немедленная агрессивная атака на полной скорости, стреляя из всех орудий, будет успешной и сократит потери.

3) Действуя против противотанковых пушек, никогда не позволяй отдельному взводу атаковать одному, даже при сильном огневом прикрытии. Противотанковые орудия никогда не развертываются поодиночке. Запомни, одиночный танк в России не выживет!

Кроме того, нам нужно было соблюдать другую тактику, касающуюся входа танков в обжитую местность. Чтобы избежать роли легкой мишени на доро-

ге у деревни, нашему «ягдпанцеру» нужно было использовать отвлекающий маневр. Так что каждый из двух других «ягдпанцеров», готовый стрелять осколочными, располагался со своей стороны. Их работой было отсечь советские части, желавшие высунуться из деревушки, возможно, к другой группе зданий.

Мы точно знали, что огонь осколочными, который мог быть неточным из-за того, что цель неточно определена, может не накрыть всех пятерых из расчета советской противотанковой пушки. Будь он цел или ранен — уже заряженную пушку мог навести и выстрелить и последний оставшийся член расчета. С другой стороны, точное попадание бронебойными точно уничтожит орудие. Однако в сравнительно низкую, хорошо замаскированную цель еще нужно было попасть. Кроме того, рядом с местом, где я видел бегущего подносчика снарядов, могли быть еще две советские противотанковые пушки или больше. Типовое поведение германской армии при столкновении танков с противотанковой пушкой состояло в быстрой попеременной стрельбе бронебойными и осколочными снарядами.

Позволив двум другим «ягдпанцерам» сделать то, чего требовали правила тактики, наш «ягдпанцер» перестрелял две 76,2-мм тяжелые противотанковые пушки и их экипажи. Все советские пушки успели сделать по одному выстрелу, после чего они были обнаружены на фоне снега. Вскоре мы въехали в Тршинец, первый из трех населенных пунктов, которые, судя по нашей карте, стояли рядом и представляли для нас интерес.

Тактика, благодаря которой мы взяли следующую деревушку, Порзово, была той же. Однако вместо противотанковых пушек там и сям стояли советские солдаты, по крайней мере две дюжины. Они явно были встревожены раздававшейся ранее пушечной стрель-

бой. Поскольку у наших трех «ягдпанцеров» не было живой силы для конвоирования сдавшихся пленных, мы использовали радио, чтобы вызвать пехоту на броневиках, под названием *Panzergrenadiere*, которая должна была прибыть на своих бронированных полугусеничных машинах. На время мы приказали Советам, от которых мы отделили офицеров, стоять с руками, заложенными за голову, выстроив их перед тем, что было, наверное, самым большим домом во всей деревушке. На толпу были направлены МГ-42 наших «ягдпанцеров». Все эти ребята знали, что не стоит пытаться шутить с МГ-42, способными выплевывать свинец на скорости 1500 выстрелов в минуту.

В некоторых домах мы нашли разное пехотное противотанковое оружие, — кроме прочего, несколько десятков германского производства «панцерфаустов», или «бронированных кулаков» трех типов — на 30 м, на 60 м и на 100 м дистанции стрельбы. Предполагалось, что каждый тип превышает штатную дальнобойность на 50%.

Несколько десятков пустых водочных бутылок указывали на то, что в них был налит «коктейль Молотова». Это оружие после изготовления не предназначалось для перевозок на большие расстояния.

Также немецкого происхождения были стопки противотанковых мин с мотками шнура, похожего на бельевую веревку. Привязанный к первой из, скажем, связки на пять мин, шнур помогал тащить их поперек дороги. Такое применение мин добавляло мобильности противотанковой группе. Мины не нужно было зарывать в промерзлую землю. А свои машины можно было пропустить, вытянув мины с дороги.

Еще нам досталось 15 советских пистолетов-пулеметов ППШ с барабанными магазинами на 71 патрон. Чуть позже, когда прибыли пехотинцы, они бы-

ли особенно рады пистолетам-пулеметам и тысячам патронов к ним.

В противоречии с тем, что они сдались, советские пленные, скорее всего, были хорошо обучены уничтожать германские бронированные машины. Осмотрев их снаряжение, мы были удивлены, не найдя *Hafthohlladungen*, воронковидных пустотелых зарядов с мощными магнитами на конце трех выступов, приваренных по кругу снаружи конического корпуса. Широкая часть конуса была размером с мужскую ладонь. Мину нужно было поставить на броню так, чтобы два магнита оказались сверху, а третий — снизу. Пристроенный таким образом заряд, способный пробить 180 мм брони, уже не мог от тряски слететь со своей жертвы, если она двигалась. У *Hafthohlladung* был замедлитель на 7 1/2 секунды.

У этих охотников на танки — кем еще были и Советы — были три советского производства джипа «ГАЗ» с прицепами. За исключением противотанковых пушек, эти ребята могли быть чрезвычайно мобильны. Как ни странно, снег на единственной дороге был чист, никаких следов шин. Здесь, в Порзово, они сидели долго, наверное, несколько дней.

Дождавшись пехоты в Порзово, нам все еще нужно было взять третью деревушку, Фв. Осиц. «Фв» было, наверное, немецким сокращением «Фервальтунг» (администрация); наверное, там располагалась какая-то германская администрация.

И снова хорошо сработала тактика отвлечения внимания любого комитета по встрече, ждущего у въезда, и мы двинули «ягдпанцер» по дороге внутрь деревни, на другом конце которой стояли две 76,2-мм противотанковые пушки, ствол одной из которых был направлен более или менее в нашу сторону. Когда мы подошли к пушкам, то увидели следы, подсказавшие, что советский расчет, или расчеты, вручную

выкатил пушки, весящие 3800 фунтов, на позицию для стрельбы по нам. Расчеты стояли рядом, высоко подняв руки, но достаточно далеко от своих орудий, чтобы не делать глупостей. Об этом позаботились наши пулеметы.

В целом все выглядело так, как будто Советы использовали противотанковые пушки для прикрытия складов в Порзово.

Было бесполезно отправлять два полугусеничных транспортера, оставленных в Порзово для погрузки найденного там имущества, чтобы пригнать туда две захваченные пушки. Кому могли пригодиться те две пушки в крайне неустойчивой ситуации, в которой оказался 25-й танковый полк? Так что мы уничтожили обе пушки и снаряды к ним.

На обратном пути к шоссе мы доставили расчеты противотанковых пушек мотопехоте и уничтожили машины «ГАЗ». Советам повезло — в то время, когда обе стороны не любили брать пленных, с ними обращались гуманно.

Хотя наша 70-калиберная пушка хорошо поработала по противотанковым орудиям, нам нужно было повоевать против полноценных советских танков, чтобы выяснить, на что она способна.

Спустя годы с того выдающегося дня я часто думаю, были ли наши три «ягдпанцера» отправлены в те три деревеньки по запросу дивизионной разведки. То, что мы там нашли, выглядело больше чем просто удача. Нужно помнить, что германское контрнаступление в той местности началось 22 января.

Борзе: три «ягдпанцера-IV» захватывают советскую ракетную установку

В середине дня 16 января нам сообщили о том, что несколькими минутами раньше подразделение мотопехоты сообщило по радио нашим танкистам,

что на запад по шоссе восток — запад, — известному у нас как *Rollbahn*, по которому к фронту и от фронта катились грузовики и прочие военные машины, — движется советская ракетная установка БМ-13-16. Может быть, в мотопехоте, передавшей сигнал тревоги, были и те парни, которые за день до того получили советские пистолеты-пулеметы.

БМ-13-16 — это ракетная установка на шасси грузовика, то есть его носитель не был вездеходной машиной. «16» в названии означало, что установка имела 16 направляющих, каждая могла нести ракету М-13, чья осколочная боеголовка имела дальность 8000—8500 м. Другие типы боеголовок включали бронебойные — для удара по скоплениям танков, осветительные — для ночного освещения, а также зажигательные и сигнальные. Каждая ракета М-13 имела диаметр 132 мм и длину 1,41 м. Ее движитель весил 7,2 кг, а боевой заряд — 4,9 кг. Всего она весила 42,5 кг. Установка ракет на направляющие происходила после того, как установка приезжала на позицию для стрельбы.

У установки не было горизонтальной наводки и была очень ограниченная регулировка по высоте, а наводилась она разворотом машины в сторону цели. Фактически высота установки могла выставляться от 15 до 45 градусов. При 15 градусах дальность пуска составляла 3 км; на 45 градусов стрельба шла на максимальную дальность.

За полгода до того ограниченный угол возвышения привел к очень необычному случаю, в котором участвовали БМ-13-16 и несколько PzIV. Экипажи этих танков, — думая, что БМ-13 не сойдет с шоссе, чтобы направить на них свои ракеты, — не верили, что в них попадут М-13. Они ошибались. Неожиданно передние колеса грузовика заехали в довольно глубокую канаву у края дороги. Конечно, это дало всей машине гораздо более низкий угол возвышения —

может быть, еще не угол снижения, но более низкий угол возвышения. Должно быть, перед тем как грузовик изменил направление движения, расчет установил по ракете на самые нижние направляющие, не прикрыв ветровое стекло грузовика. Советы были готовы к пуску. И будь я проклят, если они не запустили квартет М-13. Ракеты с большой скоростью пролетели над «четверками», стоящими, наверное, в 200 м от шоссе. В конце концов экипажи танков смогли рассказать, как они использовали бронебойный и осколочный снаряд, именно в этом порядке, для уничтожения бродячей БМ-13-16. Они также уничтожили грузовик с запасными ракетами.

Наши экипажи «ягдпанцеров» хотели встретиться с БМ-13-16, которую немецкие солдаты называли *Stalinorgel* («сталинский орган»), но учитывали тот курьез. Конечно, была зима, и все кюветы были полны снегом и льдом. Однако нам все равно приходилось быть осторожными. Ракетная установка в окрестностях Бишофсвердера явно говорила о боях достаточно больших, чтобы Советы вызвали оружие такой мощности, способное менее чем за 10 секунд залить округу большим количеством взрывчатки. Если получится, мы бы еще на шоссе помешали ей делать свое грязное дело. Мы, в трех «ягдпанцерах», выехали в Борзе, считая, что перехватим установку там, у шоссе или на нем.

В Борзе мы спрятались среди построек покинутой фермы в 100 м от шоссе. И чуть погодя дождались! Установку, укрытую брезентом, вез 2-тонный шестиосный грузовик, явно полученный Советами по ленд-лизу, снабдившему их десятками тысяч американских грузовиков. В колонне были и другие грузовики, явно груженные ракетами разных типов. Это не было полной батареей ракетных установок. В голове колонны шли два Т-34-85.

До того как мы решили стрелять в установку и сопровождающие ее танки и грузовики, я не мог не подумать об экипажах Т-34-85 с кончившимся горючим, которые мы легко уничтожили полугодом раньше в Литве у Цембре-Баха. И тут меня осенило: а не можем ли мы захватить БМ-13-16 и сопровождающие грузовики неповрежденными? Мы могли бы подбить два Т-34 и прочесать пулеметами грузовики перед установкой, чтобы они загорелись. В отсутствие советского воздушного прикрытия мы, возможно, могли бы заставить расчет бросить машину, установку и то, что осталось от ракет. Мы потом могли бы взять захваченное в Бишофсвердер; там артиллеристы могли бы принять его и использовать. Командиру экипажа, унтер-офицеру Штарке, идея понравилась. Он известил по радио своих двух коллег. До того как все могло произойти, мы бы попросили мотопехоту помочь нам. Мы полагали, что они недалеко.

Было пора устроить транспортную пробку, достаточно большую, чтобы остановить установку, грузовик и все прочее. Поразительно, как легко наши L/70 справились с Т-34-85 и как те МГ-42, выливая множество трассирующих пуль, заставили Советы выползти из двух обстреливаемых грузовиков перед ракетной установкой. Каждый Т-34-85 был наверняка уничтожен бронебойным снарядом, пробившим нижнюю часть литой башни. Литая броня была не так крепка, как катаная. После некоторых сомнений расчет установки сбежал, как и прочие Советы. Они испарились, как будто услышали команду: *«Verschwinde, wie der Furz im Winde!»* («Развейтесь, как пук на ветру!») У нас был *Stalinorgel* и другие грузовики, но нам еще надо было доставить все в Бишофсвердер. Слава богу, несколько пехотинцев вызвались отвести машины в город.

Мотопехота в Борзе была из той же части, что по-

могла нам днем раньше. Их доля добычи в Порзово, особенно советские автоматы, сделала их очень любезными.

То, что мы захватили ракетную установку средь бела дня 16 января, показывает, что Советы спешили доставить ее в район Бишофсвердера. В противном случае они доставили бы ее ночью. Будь дорога у Борзе в тот день пооживленнее, у нас бы ничего не получилось.

Контратака 7-й танковой дивизии у Бишофсвердера

«7-я танковая дивизия во Второй мировой войне», стр. 438, сообщает, что дивизия, прибыв под Бишофсвердер 22 января, начала контратаку к югу от Дойч-Эйлау, лежащего в 15 км на северо-восток от Бишофсвердера. Следовательно, вероятно, что контратака началась в 10 км к востоку от Бишофсвердера. В любом случае, согласно записи в солдатской книжке, 22 января я воевал под Бишофсвердером.

Генерал Хассо фон Мантейфель, бывший командир 7-й танковой дивизии и автор вышеназванной книги, пишет на стр. 438: «[25-й] танковый полк... в те дни [перед началом контратаки] снова насчитывал более 20 танков». В это количество могли входить и «ягдпанцеры-IV», хотя между ними была важная разница, или «пантеры» первого батальона полка. Считалось, что «ягдпанцеры-IV» лучше всего действуют из засады, и, поскольку у них нет возможности разворачивать орудие на 360 градусов, они менее эффективны на открытой местности, чем PzIV.

Генерал фон Мантейфель также пишет на стр. 438—439: «В столкновении с врагом к юго-западу от Дойч-Эйлау 23 января преобладали бои танков с танками... 13 танков были — как оказалось позже — ок-

ружены из-за отсутствия топлива и, расстреляв боекомплект, были взорваны, а экипажи оттеснены противником». Эта потеря большинства танков полка затупила острие контратаки дивизии, сократив ее до двухдневной операции.

Джордж Нафцигер сообщает в книге «Германский боевой порядок: танки и артиллерия во Второй мировой войне», стр. 69: «В крупной битве 23 января 1945 года у Дойч-Эйлау 25-й танковый полк напал на русских с 20 боевыми машинами против 200. Он был уничтожен...»

Из-за важности Бишофсвердера для истории 25-го танкового полка я решил в своем рассказе полагаться на эти два источника. То, что следует ниже, является записью моих собственных воспоминаний о событиях у Бишофсвердера.

Помню, что 22 января мы, экипажи «ягдпанцеров», — еще не зная, что не будем драться в узловой точке контрнаступления, — почувствовали, что пойдем в дело где-нибудь с краю. Однако там бой может быть не менее интенсивным, чем в самой гуще контратаки. Считалось нормой, со времени нашего долгого отступления из района Лиды, что каждый экипаж «ягдпанцера» будет драться в основном самостоятельно.

Первой нашей заботой было найти место для засады, укромное место, рядом с которым мы получили бы возможность использовать на советских танках фактор неожиданности. В первую очередь наши «ягдпанцеры-IV» были охотниками на танки, как и мы, их экипажи.

Мы вывели свои машины в покинутый населением сельскохозяйственный район в пяти километрах к востоку от Бишофсвердера. Поскольку грунт замерз, мы не могли в него врыться. Так что мы со своим «ягдпанцером» решили спрятаться в большом амбаре с толстыми каменными стенами и большими дверями.

За амбаром был большой сад, через который мы при необходимости могли сбежать. Ряды деревьев в нем отстояли достаточно далеко друг от друга. Мы не хотели оставлять «ягдпанцер» ни в саду, ни рядом.

Сидя в поставленной в амбар холодной машине — мы оставили одну из дверей открытыми, — через пушечный прицел я изучил большой сектор заснеженной земли к востоку от нашей позиции. Во время наблюдения я заметил советские танки, крадущиеся на запад от точки, находившейся южнее полосы нашей контратаки. Затем те же танки двигались на север, чтобы выйти в тыл двигавшимся на восток нашим танкам. Эти пронырливые советские танки, вероятно, станут нашими целями, пока движутся на запад.

В середине дня я увидел, в поле зрения прицела, одну советскую СУ-85, настоящего убийцу танков, идущую на нас почти в лоб, на расстоянии около полукилометра. Это была наша первая СУ-85. В январе 1945 года Советы уже не выставляли их в поле в больших количествах. С зимы 1943/44 года новые 85-мм пушки ставились на танки Т-34-85.

Говоря о маневренном бое, то, что мы видели СУ-85 рядом с собой, означало, что Советы ценили свои самоходные пушки так же, как наша дивизия — свои «ягдпанцеры». СУ-85 также имели ограничение по углу горизонтальной наводки.

Только забравшись в «ягдпанцер», я сразу же увидел ту СУ-85. Первым делом я позвал унтер-офицера Штарке, нашего командира экипажа, чтобы рассказать ему, что происходит. Он быстро поднялся на борт. Услышав, что я сказал Штарке, наш заряжающий Зеппель прыгнул на борт и проскользнул на свое сиденье справа от меня, с другой стороны казенника. Когда бы ни появлялась вероятность столкновения с противником, заряжающий переставал быть мальчиком на побегушках. Он становился человеком, кото-

рый заряжает оружие нужным типом снаряда. В бою наводчик не может обойтись без заряжающего — по крайней мере, до тех пор, пока не израсходован последний снаряд.

Водитель и радист также появились на своих местах. Для полной эффективности нам был нужен каждый.

Затем, по мере приближения СУ-85, я быстро сделал самое необходимое. Я рассчитал дистанцию до СУ-85:

$1^1/_2$ марки, каждая соответствует 4 тысячным = 5 тысячных

5 тысячных = 3 м

1 тысячная = 3:5 = 0,6 м

0,6 × 1000 = 600 м

Дистанция, конечно, будет меняться, но 600 метров для начала нормально. Мы использовали бронебойный снаряд, уже заряженный в орудие. Фронтальное движение СУ-85 не требовало высчитывать упреждение.

Если СУ-85 не собиралась поворачивать, лучше всего было навести на фронтальную часть ее мертвой зоны, если, конечно, там не висели 50-см ширины запасные гусеничные траки, поставленные для усиления брони. Слабой точкой была зона вокруг люка, прорезанного в лобовой броне слева от орудия. Направив снаряд вплотную к краю любого люка бронированной машины, ты добиваешься на 15% лучшей бронепробиваемости. Другая тонкость: на СУ-85 шаровая маска пушки изготовлена из литой стали, которая на 15% слабее катаной брони. Попадание на ладонь ниже маски пушки не просто лишало оружие возможности вертикального или горизонтального движения. Однако в целом 45-мм лобовая броня СУ-85

работала на нас. Наша была толщиной 80 мм. Стрелять в лоб было сложнее, чем в борт или тыл противника. Наводчику в танке или «ягдпанцере» нужно было использовать знание слабых мест быстрее, чем я пишу об этом.

Направив орудие — оно позволяло тяжелому среднему танку V, или «пантере», пробить бронебойным снарядом 14 см неприятельской брони — в область ниже маски пушки СУ-85, я дернул переключатель, включив электроспуск снаряда в казеннике.

Мгновенно я увидел, уже меньше чем в 400 метрах, вспышку на переднем наклонном броневом листе СУ-85. Думаю, ее экипаж так и не увидел нас в полутьме амбара. Нужно нам передислоцироваться или нет? Одна выбитая СУ-85 не обязательно выдаст наше расположение в амбаре, особенно если частично прикрыть дверь. Ни один командир танка не заподозрит присутствия германской бронемашины за дверью амбара, которая открыта меньше, чем нужно для полного обзора. Так что мы оставались в амбаре. Мы всегда могли полностью открыть дверь, если бы еще кто-нибудь пришел составить нам компанию.

Прошли часы бесполезного ожидания. У нас было время предаться воспоминаниям об эффективности 75-мм пушки. Перед самым закатом Штарке по радио вызвал три остальных «ягдпанцера», которые должны были быть поблизости. Но где точно — мы не знали. Мы не слышали никакой стрельбы танковых пушек. Однако приятели Штарке сказали ему, что тоже кое-чего добились. Кроме того, ни один «ягдпанцер» не был поврежден.

Всю ночь в том амбаре все мы, кроме водителя, по очереди сидели в машине. Черт, как же было холодно! Зеппель и Карлхен, наш радист, облазили дом в поисках одеяла или покрывала, оставленного немцами, сбежавшими с фермы, но ничего не нашли.

Утром — это было 23 января — Штарке по радио предложил остальным трем «ягдпанцерам» собраться; все машины прибыли на встречу.

У Гут Д.-Седице наша пушка показывает отличные результаты — пока не выходит из строя

Чтобы еще раз показать, как хороша для нас была 70-калиберная пушка, я перейду к предпредпоследнему столкновению с Советами, а именно у Гут Д.-Седице. «Гут» — сокращение от «Гутсхоф», то есть «владение» или «ферма». Может быть, «Д» означало «Дойч», то есть «немецкий».

Ни один из наших боев в Западной Пруссии не проходил в городе. Т-34 не нужно было держаться дорог, которых там было в изобилии. Они шли по замерзшим полям; мы, естественно, делали то же самое.

По крайней мере, один из командиров, ведших свои Т-34-85 на запад через зимние поля у Гут Д.-Седице, мог подумать, что крестьянские дома впереди дадут ему и его людям, а также сопровождающей их пехоте отдых в тепле под крышей. Три Т-34 явно шли вместе.

Наш огонь привел к тому, что Т-34, идущий у правого края нашего поля обзора, загорелся. Затем был подбит Т-34 в центре. Наконец, загорелся третий Т-34, шедший слева. Из среднего танка мог выбраться, в лучшем случае, один человек, и то сильно обгорев. Последний раз я видел его сидящим на краю командирского люка, лягавшимся куда-то вниз, как будто отбивавшимся от таклера (*Прим. перев.*: таклер — игрок-перехватчик в американском футболе, который хватает игрока с мячом, чтобы не дать ему двигаться). Не было никаких признаков, что из трех танков кто-то спасся.

По зимним полям дул злой ветер, и из молчащих Т-34 поднимался черный дым.

Несколькими минутами позже наш «ягдпанцер-IV» все еще стоял, зажатый справа и слева углами зданий, отстоящих друг от друга метров на шесть. Западнопрусский двор — дом, амбар и два хлева — был ничуть не хуже других мест, чтобы поджидать Ивана. Вместо того чтобы сидеть за одиночной маскировочной занавеской, мы хотели видеть, откуда он появится, а затем выехать и стрелять.

Хотя на брошенной ферме у нас был всего один «ягдпанцер», где-то там, в четырех домах, было отделение немецкой пехоты. Сразу же после нашего прибытия их унтер-офицер поговорил накоротке с нашим командиром, унтер-офицером Штарке.

Штарке, не звезда и не знаменитость, был тихим, честным человеком лет 30, который, как было известно, соглашался с мнением своего наводчика. Он, например, дал мне самому решить, с которого Т-34 начать; при этом он, как и я, не учел направления жесткого ветра. Он, однако, не был склонен критиковать.

Дующий справа ветер менее чем за минуту натянул сравнительно негустой дым от горящего Т-34 на два других танка. Эта дымная вуаль не давала мне быстро и точно навести орудие на два других советских танка.

Мы сделали дело всего с нескольких снарядов. Наши три пораженные цели, отстоящие на 300 м от нас и сбившиеся слишком плотно, чтобы суметь спастись, горели на белом поле. Ни один «ягдпанцер-IV» из нашей части в Седице не мог бы отчитаться о более продуктивном дне. Начнем с того, что в округе их было всего четыре, считая наш.

Сидеть между двумя зданиями — то же самое, что носить большие шоры. Мы могли наблюдать, что происходит на полях перед нами, но не видели, что про-

исходит где угодно в остальных местах. Мы не высовывались за угол дальше, чем нужно, чтобы иметь дело с Т-34. Мы не видели советской пехоты в белом зимнем камуфляже, приближающейся к нашему двору — с поля далеко слева.

Один из солдат пехотного унтер-офицера был послан, чтобы узнать, что происходит. Мы оттянулись назад, заехав кормой во двор, затем медленно продвинули туда среднюю часть, где с крыши торчали командирские перископы. Штарке был готов оценить ситуацию, особенно слева.

Штарке увидел, как Советы бегут среди зданий и еще больше были готовы ворваться со стороны поля. Вот когда свободно вращающаяся башня была бы полезнее угла наводки в 20 градусов. Он решил дать водителю отъехать дальше назад, развернуться и, забрав с собой пехоту, выехать со двора мимо крестьянского дома.

Проблемой было то, что конец 70-калиберной пушки еще не миновал угол здания, когда водитель, по приказу Штарке, дернул машину влево. Столкновение с препятствием вырвало пушку из установки.

Пушка больше не действовала; у нас были все основания сразу же покинуть Д.-Седице, но не без пехоты. Мы и они взаимодействовали по принципу типа «рука руку моет». Они знали, что делать с советской пехотой, а мы знали, что делать с советскими танками.

Унтер-офицер и его отделение были оставлены на ферме за два часа до нашего там появления, и их полугусеничный бронетранспортер уже уехал. Мы заметили, где он оставил следы в неглубоком снегу. Кроме нашего «ягдпанцера», не было другого транспорта, чтобы забрать отделение из надвигавшейся заварухи.

Несмотря на спешку, все солдаты вели себя уве-

ренно, как опытные бойцы. Большая часть их оружия была новейшего образца, как МГ-42 и полдюжины StG-42, то есть штурмовых винтовок. Было также несколько винтовок 98к для стрельбы на большее расстояние. Их автоматический огонь в основном помогал нашему МГ-42 в обороне двора.

После того как мы выехали оттуда, все они укрылись за нашим «ягдпанцером». Затем унтер-офицер убедился, что все солдаты забрались на броню, и присоединился к ним на гладкой крашеной крыше 3,92 на 2,76 м, что составляло 10,87 квадратных метра.

Единственное, чего мы хотели от пассажиров, — чтобы они по возможности не заслоняли перископов, чтобы их штаны не засосало с задниц в воздухозаборные отверстия и чтобы они не испекли себе яйца на выпускной решетке вентиляции.

Штарке, по совету пехотного унтер-офицера, приказал водителю двигаться по следам их машины — унтер был прав, сказав, что это надежный путь спасения, — учитывая, например, мощные мосты, которые он проезжал на бронетранспортере.

Уверен, для отделения из девяти человек это был тот самый случай, когда «лучше плохо ехать, чем хорошо идти». Парням, ехавшим сверху, нужно было попросить Адольфа, чтобы тот заявил на весь мир об их недостаточном Lebensraum (жизненном пространстве) на верхушке «ягдпанцера».

Думая о 23 января 1945 года, я гадаю: то ли отделение помогло нам убраться с той фермы у поля с тремя раскаленными Т-34, то ли это мы их спасли. В любом случае хорошо, что там была пехота. Равно хорошо для нас было то, что «ягдпанцер» был на ходу, несмотря на потерю его чертовски хорошей пушки.

Наверное, из-за пушки нам и повезло.

23 января после обеда мы и три других «ягдпанцера», уничтоживших у Седице общим счетом пять Т-34,

встретились с двумя офицерами и несколькими людьми из полковой штаб-квартиры. Двигаясь вместе с нашей в основном нетронутой ремонтной частью, они смогли не встретиться с Иваном.

Парни из штаб-квартиры и персонал ремонтной мастерской пообщались с полком и дивизией по радио.

Нам не пришлось взрывать свой «ягдпанцер». На следующий день, когда его приняла танковая мастерская, я узнал, что из-за невозможности восстановить орудие его решили оставить в качестве источника запчастей. Фактически ремонтники дали понять, что пока используют его как пуленепробиваемое средство передвижения — хотя бы ненадолго.

На следующий день нескольким из нас, ребятам с «ягдпанцера», уже награжденным Железным крестом 2-го класса, без особой церемонии вручили Железные кресты 1-го класса. Те, кто не дорос до креста первого класса, получили крест второго. Выстроенные по такому случаю перед тремя «ягдпанцерами», мы стояли в снегу, как раз под нашими надежными KwK42, поднятыми на максимальный угол возвышения.

Часто, во время затишья в боях, за дни или недели до того, как в присутствии всей части пройдет полная церемония награждения, награда выдавалась заранее, и оформлялся документ-заменитель — обычно запись от руки в расчетной книжке, с росписью старшего офицера, такого, как командир полка, и печатью. Формальное наградное удостоверение — напечатанное, подписанное и с печатью — выдавалось тогда, уже когда все успокаивалось. Запись в расчетной книжке была обязательной — неважно, выдавалась награда по сокращенной процедуре или позже.

У каждого из нас появился Железный крест — как

ни удивительно, были и сами медали, одни из последних в 25-м полку, — и соответствующая запись в расчетной книжке. Однако для нас в 25-м полку события так и не приняли более спокойный оборот, чтобы взять разбитую пишущую машинку, заполнить наградной лист, подписать у командира части и поставить печать. Мы, парни из Седице, так и не получили наградных листов к своим Железным крестам. Нам пришлось довольствоваться записью в расчетной книжке.

К следующему утру нам стало ясно, что унтер-офицеру Штарке и нам, его экипажу, придется присоединиться к полковым ремонтникам, — по крайней мере, временно, — или прокатиться на одном из наших нетронутых «ягдпанцеров», потому что они потеряли связь с полком, спешенным солдатам приказали проследовать на запад на «ягдпанцере». Выжив во всех столкновениях с Советами, полку удалось прийти в район Седице из той части Западной Пруссии, что граничила с Литвой.

Вспоминая спешенных, но непобежденных бойцов танкового полка, болтавшихся в то утро вокруг грузовиков ремонтных мастерских и трех «ягдпанцеров», я дам читателю набросок того, как выглядели четверо ребят унтер-офицера Штарке.

Старейший член экипажа, 22-летний Фриц (Фрице) Келлер, был известен приятелям как искатель услуг украинских и русских женщин в обмен на маленькие черные пачки швейных игл из Золингена. Он был оттуда родом. Фриц был в нашем полку еще до того, как тот, по дороге на запад из места в 200 км юго-западнее Сталинграда, прибыл на Украину, где я его впервые увидел.

Еще был мюнхенец Йозеф (Зеппель) Хубер, 20 лет, который терпеть не мог украинскую самодельную вод-

ку под названием *samohon*.Однажды, на квартирах на Южной Украине, Зеппель помочился на земляной пол у постели, оставив отпечатки ног, когда позже встал.

Карл (Карлхен) Крапф, 21 года, после того как помог нам потушить небольшой пожар проводки в PzIV, выглядел так, как будто втер жженую пробку в кожу лица для представления уличных актеров.

Я, желая летом 1944 года выстирать белье в прекрасном чистом литовском ручье, привязал его к берегу, чтобы оно вымокло в воде. По какой-то причине нам пришлось быстро оставить это место, так что я не смог забрать рубаху и кальсоны. Несколько последующих недель было очень неудобно носить в жару шершавые колючие штаны прямо на голое тело.

Фритце, кстати, был нашим механиком-водителем; Зеппель — заряжающим; Карлхен — радистом.

Запись о вручении Железного креста 1-го класса имела для меня довольно временную ценность, потому что через шесть месяцев после окончания войны мне пришлось отдать расчетную книжку Британскому демобилизационному центру. С ней оказались утеряны все данные — даты продвижения по службе, модели и образцы выданных мне пистолетов и их номера, полученные прививки, посещение пунктов санобработки, полученные награды, госпитали, в которых я лежал.

В 1945 году никто не мог, пытаясь получить копию своих биографических данных, просто сделать фотокопию обложки и страниц расчетной книжки.

Среди иллюстраций, приведенных в этой книге, есть фотокопии лицевой и обратной стороны моего удостоверения об увольнении из армии, датированного 24 октября 1945 года, полученного от британцев в обмен на расчетную книжку.

Советские танки попадают в засаду у озера у Лессена в Западной Пруссии

Главка «Советские танки попадают в засаду у озера у Лессена в Западной Пруссии» приобрела для меня собую важность, когда я позже прочел в только что вышедшей в 1986 году книге Хассо фон Мантейфеля «7-я танковая дивизия во Второй мировой войне» на стр. 438—439 два следующих отрывка:

«22 января произошла передислокация к Бишофсвердеру, откуда дивизия начала контратаку к югу от Дойч-Эйлау. Танковый полк, теперь под командованием Петерсдорф-Кампена, в эти дни снова насчитывал 20 действующих танков. В столкновении с врагом к юго-западу от Дойч-Эйлау 23 января преобладали бои танков с танками. Из этого боя не вернулись майор фон Петерсдорф-Кампен, командир 25-го танкового полка, а также ряд офицеров и танковых экипажей. 13 танков были — как оказалось позже — окружены из-за отсутствия горючего и, расстреляв боекомплект, были взорваны, а экипажи оттеснены противником. Небольшая часть экипажей смогли спастись из своих танков невредимыми и через несколько дней появились в своей части. Вместе с майором фон Петерсдорфом лейтенанты Росскоттен и Якоб, среди прочих, пали на поле боя.

24 января дивизия была втянута в серьезные бои в обороне и отступлении восточнее Грауденца, а 25 января — в районе юго-восточнее Мариенвердера. 26 января колесные машины пересекли Вислу по льду у Мариенвердера, в то время как гусеничные [бронированные] машины должны были совершить обход через Грауденц».

Из первого отрывка я узнал, что 23 января пал в бою лейтенант Якоб. В моем боевом дневнике на тот

день приходится запись о месте под названием Гут Д.-Седице, явно недалеко от места, где погиб Якоб. Я рассказывал об этой танковой битве в предыдущей главке, «у Гут Д.-Седице наша пушка показывает отличные результаты, пока не выходит из строя».

Второй отрывок показал мне, что я был частью арьергарда, выставленного для защиты гусеничных машин дивизии, пересекавших Вислу у Грауденца, от советских танков, быстро приближавшихся к городу с востока.

С такой преамбулой читатель выше оценит мой рассказ.

Написав о наших последних подтвержденных танковых боях с Советами, имевших место 23 января у Гут Д.-Седице, я понял, что есть еще две истории о «ягдпанцерах-IV», происшедших несколькими днями позже, которые я должен рассказать до того, как перейти к истории о том, как я был ранен.

24 января, в день, когда мы сдали свой разбитый «ягдпанцер» механикам, одному из офицеров 24251E, обер-лейтенанту Криппендорфу, понадобилось заменить наводчика — такого же обер-ефрейтора, как и я, раненного случайной пулей, когда он стоял у своей машины. Как уже говорилось, 242451E был номером нашей полевой почты, 8-й роты 25-го танкового полка 7-й танковой дивизии.

Приказ доложиться обер-лейтенанту меня не огорчил. Наводчик мог получить подобную срочную работу только благодаря своей репутации в роте, а моя репутация недавно выросла из-за тех трех Т-34-85, подбитых у Гут Д.-Седице.

Einsteigen — буквально «влезать», например в автомобиль. Это также означает влезть в дом со взломом. Также, говоря о танках, это означает войти в экипаж. «*Bei einem Kommandanten einsteigen*» означало, что че-

ловек поднимался на борт танка в качестве члена команды *auf Gedeih und Verderb* (к добру или к худу).

Не считая того, что я хорошо знал весь дружный экипаж обер-лейтенанта Криппендорфа, полугодом ранее мне понравилось служить на PzIV у другого офицера, лейтенанта Якоба. Я быстро стал — надеюсь, к лучшему — членом экипажа, у которого уже был — или, скорее, еще был — «ягдпанцер-IV».

Наш командир был опытным танкистом. Он обладал хорошим знанием танков — своих и чужих. Мы, его экипаж, были специалистами, каждый в своей специальности на «ягдпанцере», и немного сверх того. Например, у меня было удостоверение водителя гусеничных бронированных машин.

На следующий день, 25 января, мы с двумя другими «ягдпанцерами», также под командованием обер-лейтенанта Криппендорфа, оказались в 17 км к западу от Бишофсвердера, очень близко от шоссе, ведущего на запад к реке Висле у Грауденца, города в 39 км от Бишофсвердера и в 100 км от Данцига. По этой дороге шли с востока колонны современных советских танков, часть из которых, как мы надеялись, можно будет выбить в настоящем стиле «ягдпанцеров-IV» — из засады.

Не сбившись с пути, советские танки, двигаясь на юго-запад от Грауденца, могли быстро покрыть 285 км до Франкфурта-на-Одере и затем 83 км от Франкфурта-на-Одере до самого сердца Берлина.

В общих чертах мысли обер-лейтенанта о том, как применить наши «ягдпанцеры», повторяли известную строку — строку о засаде — великого немецкого поэта Фридриха фон Шиллера (1759—1805): «*Durch diese hohle Gasse muss es kommen*» («По этому ущелью он поедет») (пер. Н. Славятинского. — *Прим. перев.*). Для нас единственное число «он» относилось не к человеку, а к будущему призу, который, для разнообразия,

может оказаться самым современным советским тяжелым танком, например серии «Иосиф Сталин». Призы — чем больше, тем лучше — были у нас перед глазами.

Несомненно, обер-лейтенант Криппендорф знал, что тяжелый танк ИС-2, поступивший на вооружение в апреле 1944 года, весил 46 тонн и имел максимальную скорость 37 км/ч. Запас хода по шоссе — 240 км. Запас хода по бездорожью — 210 км. Дизельный двигатель — на 600 л/с. Лобовая броня корпуса — 120 мм. Лобовая броня башни — 160 мм. Длина — 9,91 м. Ширина — 3,09 м. Высота — 2,73 м. Орудие — 122 мм. Боекомплект из 28 снарядов медленного раздельного заряжания. Бронебойный выстрел весит 25 кг. Дульная скорость бронебойного снаряда — 800 м/с. Спаренный с пушкой 7,62-мм пулемет. Один 12,7-мм пулемет. Экипаж из четырех человек.

Мы понимали, что ИС-2 является серьезным противником для «ягдпанцера». Как и обер-лейтенант, каждый из нас предпочитал, на этой стадии войны, делать на броне отметки о более серьезных целях, чем Т-34-85. Однако мы знали, что нам придется иметь дело с любыми танками, которым случится пройти тем самым ущельем у Лессена в Западной Пруссии.

Как и германофилы всех общественных классов в других углах Европы, где воевали во Вторую мировую войну, в то время — начало 1945 года — многие немцы и сочувствующие немцам жители Западной Пруссии помогали германскому солдату. В районе Лессена также были свои местные жители, говорящие по-немецки, охотно рассказывающие нам о местности, которую хорошо знали.

Чтобы показать вам, сколь долго и как основательно Западная Пруссия была домом немцев и немецки настроенных людей, давайте я расскажу вам, что утверждают записи, которыми я располагаю. В кон-

це XVIII века, более чем за 150 лет до 1945-го, многие из предков моей матери, все меннониты, жили в Западной Пруссии в низменной местности, прилегавшей к Висле, в местечках наподобие Мариенвердера, 25 км к северо-западу от Лессена, или Мариенбурга, в 56 км на север от Лессена. Конечно, в начале 1945 года у меня не было никакой возможности искать дальнюю родню в вымерших меннонитских общинах на местности, где проходили боевые действия. Кстати, меннониты из разных углов Западной Европы селились по Висле примерно с 1530 года.

Некоторые из моих предков эмигрировали в начале XIX века, чтобы помочь основать меннонитские колонии на Украине — где они множились, а их потомки процветали до начала Первой мировой войны. Например, мои родители выросли в германоязычной меннонитской общине в 50 км от северного берега Азовского моря. В 1924 году они эмигрировали из Украины в Канаду, где в 1925 году родился я.

Явно не от дальней западнопрусской кузины танкиста из Канады, но мы получали бесценную информацию о районе у главного шоссе под Лессеном. У нас было много гашеной извести для побелки, которой мы покрывали машины. Они должны были быть в отличном состоянии, даже на вид.

Снег уже какое-то время лежал днем и ночью, мороз был, как поется в старой рождественской песенке, жестокий. Мы надеялись, что, нанеся большой ущерб Советам у Лессена, мы смогли бы остаться в теплых квартирах дольше, чем на час. Как водится, ухаживая за нашими машинами-альбиносами, нам приходилось оставаться на холоде неопределенно долгое время.

Судя по карте, сразу к югу от шоссе под Лессеном вытянулось озеро 4,6 км в длину и 0,4—0,75 км в ширину. Лучшей позицией была та, при которой озеро было между нами и шоссе, а пушки смотрели бы на

север, готовые стрелять через озеро. Тогда, и мы были в том уверены, мы смогли бы перехватывать снизившие скорость советские танки к востоку от города, развернутые бортом к направлению стрельбы наших пушек. И мы могли стрелять по целям в сравнительно тонкий борт.

Скрытые кирпичными строениями у берега, наши три «ягдпанцера-IV», снова действующие без поддержки пехоты, будут невидимы с участков шоссе, отстоявших от нас на северо-запад и северо-восток, и почти невидимы с севера. Мы собирались устроить чистую засаду, затем быстро отступить с южного берега озера, чья замерзшая поверхность вряд ли выдержала бы тяжелые бронированные машины, так что советские танки, желающие нашей смерти после стрельбы из 75-мм 70-калиберных пушек, не осмелились бы выйти на лед. Да, мы ударим по колонне советских танков сильно и быстро, а затем ускользнем.

Выполняя многообещающий план засады у Лессена, мы, конечно, проявим добрую меру смелости, присущей танкистам. У нас, без сомнения, было много отважных бойцов, таких, как обер-лейтенант Криппендорф — человек, которого никто не мог обвинить в том, что в бою он ведет себя опрометчиво. Он не был сорвиголовой. Его люди одобряли такой отважный, но рассудочный стиль боя.

Что до нашей смелости, то нам, танкистам, часто вынужденным рисковать жизнью, очень нравилась идея, выраженная наиболее точно в следующих строках Фридриха фон Шиллера: «*Und setzet ihr nicht das Leben ein, / Nie wird euch das Leben gewonnen sein*». («И не рискуя жизнью, / Ее ты не получишь в дар».) Отчасти напоминая эти слова Шиллера, нижеследующие две строчки тоже часто вспоминаются танкистами: «*Wer nicht wagt, der nicht gewinnt;/ Wer nicht vugelt, kriegt kein*

Kind». (Кто не рискует, не выигрывает; кто не трахается, у того нет детей».)

Конечно, от дружественного населения Западной Пруссии мы получали бесценную информацию о топографии местности. В первую очередь мы много узнали о дорогах и мостах, о крестьянских домах на берегу озера, которые смогут хорошо скрыть наши машины от глаз противника.

На заре 26 января обер-лейтенант Криппендорф в сопровождении двух других командиров прошел 100 метров вверх по пологому склону до крестьянских домов для быстрой рекогносцировки. В бинокль местность за озером выглядела благоприятной для выполнения нашего плана.

Перед тем как оба командира ушли к своим экипажам, обер-лейтенант Криппендорф приказал им держать радиостанции включенными на прием и открыть огонь лишь после того, как откроем огонь мы.

Ветер дул из-за нашей спины примерно в сторону Лессена, и мы надеялись, что тамошний шум, в основном рев советских машин, идущих по шоссе, заглушит неизбежный шум трех двигателей на низкой передаче, выдвигавших «ягдпанцеры» на позицию.

Продолжая соблюдать радиомолчание, мы, в свете начинающегося дня, как планировалось, загнали «ягдпанцеры» в укрытия вдоль нескольких подходящих зданий, так что наши орудия могли простреливать шоссе. Очень скоро я навел телескопический прицел, на нуле градусов горизонтальной наводки, на то самое воображаемое ущелье. Я готовился к работе.

Холодная и ясная, погода в то утро была идеальной для точной стрельбы. Используя телескопический прицел — с пятикратными увеличением, что давало на 1000 м поле зрения в 259 м, или 194 м на 750 м, — чтобы проверить точность дистанции 750 м, — сначала я убедился, что разбитый шестиметровый грузовик

«Опель-блиц», стоящий у ближнего края шоссе, умещается в два деления сетки прицела. Затем я, посредством стандартной формулы расчета дистанции, вбитой в голову каждого наводчика, мысленно провел расчет дистанции:

2 деления, каждый в 4 тысячные = 8 тысячных
8 тысячных = 6 м
1 тысячная = 6:8 = 0,75 м
0,75 × 1000 = 750 м

Наконец, я выставил прицел бронебойного выстрела на 750. После этого я был — в том, что касается дистанции, — готов действовать. Расчет упреждения мог подождать до появления советских танков.

Английский поэт Джон Мильтон (1608—1674), упоминая ощущение профессионального бездействия, которое он испытал, будучи выпускником университета, писал: «Тот, кто стоит и ждет, тот тоже служит». Эта строка относилась и к нам, 15 солдатам, которые переносили холод, терпеливо ожидая, когда наши цели появятся с той стороны озера. При активности советских самолетов в этом районе у нас была бы причина чувствовать свою уязвимость, пока мы лежали или стояли в ожидании. Но вражеские самолеты нас не беспокоили.

Примерно в 9.20 по радио проскочило желанное слово. Командир машины: «Внимание! Сидение здесь наконец оправдывается. Справа — четкая колонна, два Т-34-85, затем два «Сталина-2», затем еще два Т-34-85. Головная машина в 400 метрах от края города. Скорость довольно низкая, около 15 км/ч. Интервалы примерно 25 м».

Начался пахнущий смертью диалог между командиром и его наводчиком.

Наводчик: «Понял! Пусть парни едут дальше, чтобы несколько попали в прицел».

Здесь, поскольку я уже знал дистанцию, проверенные 750 м, я быстро высчитал нужное упреждение для бронебойного по цели, идущей на 90 градусах, то есть в бортовой проекции, по отношению к нашим пушкам, на скорости 15 км/ч. Короткий расчет в уме, используя константу 3, как первый делитель — для осколочных снарядов делитель был бы 2, — шел примерно так:

15 км : 3 = 5 тысячных
5 тысячных : 4 тысячные = 1 $^{1}/_{4}$ деления

Пока колонна сохраняла скорость 15 км/ч, на каждый из танков нужно было упреждение в деление с четвертью, так что главная марка выходила вперед на половину длины цели, а нулевая отметка выставлена ровно на середину. Когда нижняя часть гусениц вражеского танка скользила по прицельным маркам — это называлось придержать на шесть часов, — оружие на нулевой отметке автоматически опускалось чуть ниже половины общей высоты танка, а именно 1,6 м над прицельными марками, уровня воображаемого центра этого танка.

Командир: «Хорошо! Когда начнем, стукни как следует головную машину. Стреляй, как будешь готов».

Наводчик: «Есть! Уже держу первый Т-34 в сетке. Упреждение есть. Придержал на шесть часов. Огонь!»

Командир: «Прямое попадание в низ башни! Теперь выбей первого «Сталина». Лучше целься в корпус, сразу под башней. Целься ровнее».

Вся колонна остановилась — Советы могли даже подумать, что нарвались на противотанковые мины с

дистанционным управлением, — и не было нужды брать упреждение.

Наводчик: «Придержал на шесть часов. Огонь!»

Командир: «Прямое попадание в корпус! Из этого парня идет дым! Его уже не залатают! Второй «Сталин» уже горит!»

Наводчик: «Какой еще урон мы можем нанести?

Командир: «Предпоследний Т-34, сразу за вторым «Сталиным», явно еще свое не получил».

Наводчик: «Огонь!»

Командир: «Хороший выстрел! Прямо в башню. Черт взял всю колонну. Ни одного выжившего. Прекратить огонь!»

Наводчик: «Я продолжу наблюдение. Может быть, что-то еще двинется».

Командир: «Хорошо. Переключиться на передачу!»

Радист: «Передатчик и приемник готовы!»

Следующий приказ обер-лейтенанта Криппендорфа, заведомо сжатый и направленный двум другим экипажам, с которыми мы не имели визуального контакта из-за раздельных укрытий наших машин, заставил его нарушить радиомолчание.

Командир: «*Feierabend! Feierabend!*»

Первым делом слово *Feierabend* означает тишину и негу сумерек. Однако мы, экипажи «ягдпанцеров», мгновенно опознали в нем часть кодовой фразы, а именно Feierabend machen, то есть мгновенно все бросить, моментально прекратить работу или сразу закончить танковую атаку. Учитывая предупреждение всему Вермахту, что враг подслушивает, танковые экипажи использовали радио для общения с помощью разговорных фраз, которые противнику понимать гораздо труднее, чем формальный немецкий язык.

Feierabend! Feierabend! обер-лейтенанта Криппендорфа было, согласно ранее полученным указаниям,

кодовым сигналом со смыслом: «Уходим, и быстро. Завести моторы. Отойти задним ходом на сто метров, затем развернуться и следовать за мной».

Мы мгновенно отъехали от тех зданий, нас никто не преследовал. Нас почти, а может быть, и совсем, не обстреливали. Это была чистая засада и чистый отход.

До того как мы их развернули, все три «ягдпанцера» ехали задним ходом с большим удовольствием, чем любая другая машина в Западной Пруссии или, в конце концов, на всем Восточном фронте.

Мы были в восторге. Два ИС-2 и четыре Т-34-85 на шоссе к востоку от Лессена подтвердили смертоносность наших пушек. Кроме того, к нашим услугам были дороги к югу и западу от озера, а также мосты.

Что беспокоило нас, пока мы наматывали километр за километром, так это столбы бурлящего снега, взбиваемые шестью 40-см гусеницами наших трех машин. Что хуже, куда бы мы ни поехали, те же три пары гусениц — каждый «ягдпанцер» имел 2,05 м от гусеницы до гусеницы — оставляли в снегу не затертые ничем параллельные следы. Те колеи легко могли помочь советским штурмовикам засечь наше местоположение и атаковать, что вполне могли приказать их мстительные командиры.

Ивану, конечно, пришлось возмутиться превращением колонны танков в огромные дымовые шашки — еще до того, как она дошла на запад до Грауденца.

Soldatenklau и противотанковые мины в Грауденце

Мы знали, что большая часть Грауденца лежит на восточном берегу Вислы и что его восточная окраина находится в 30 км от места, где мы устроили засаду под Лессеном. Из Лессена главное шоссе входит в се-

веро-восточную часть Грауденца и отклоняется на юг у Вислы, затем, поворачивая на запад, прямо к большому мосту, который стягивает к себе все движение через реку. К югу от этого бутылочного горлышка лежит главный железнодорожный мост.

Проехав на запад, по большей части держась подальше от шоссе между Лессеном и Грауденцем, мы, зная, что нам придется для переправы воспользоваться северным мостом, 26 января вошли в Грауденц с юга. Мы увидели несколько легких зенитных пушек на позиции в южной части городского периметра, и чем ближе мы подъезжали к восточному концу моста, тем больше зенитных установок проезжали. На какое-то время у нас не было причин бояться советских штурмовиков.

Я должен объяснить, что пилоты советских «ильюшиных» (Ил-2, или *Shturmovik*, штурмовых самолетов) обычно применяли против танковых колонн на открытой местности два тактических приема на выбор. Один из них состоял в том, чтобы атаковать колонну сзади, с малой высоты по кругу, стреляя противотанковыми ракетами и, если необходимо, повторяя круговой заход до того, как удалиться в направлении, противоположном тому, откуда они прилетели. Этот прием был известен как «круг смерти». Другой прием, называвшийся «ножницы», состоял в том, что несколько самолетов подходили к колонне сзади на малой высоте, затем, делая широкий зигзаг с одной стороны колонны на другую, каждый самолет стрелял из двух своих 37-мм пушек. Этот прием использовал тот факт, что танки с бортов защищены гораздо слабее, чем в лоб, и что в борт каждый танк представлял большую мишень, чем в лоб или в корму. Более того, прием «ножницы» сбивал с толку танкистов, которые, находясь снаружи своих танков, пытались использовать свои пистолеты-пулеметы как зенитное оружие.

«Полевой устав № 462: использование пулемета и винтовки по летящим целям», вышедший 18 января 1935 года и действовавший всю Вторую мировую войну, указывает на стр. 92, что, ведя огонь по самолету примерно 10 м общей длины, нужно брать упреждение в одну длину корпуса при его скорости 250 км/ч и пять длин корпуса для скорости 350 км/ч. *Shturmovik,*с длиной корпуса 11,65 м и максимальной скоростью 372 км/ч, требовал, таким образом, упреждения в пять своих корпусов. Вышеназванные упреждения — наставление не давало способа расчета упреждений и не указывало дистанции, на которых они действуют, — нужно было применять к самолету, движущемуся под углом 90 градусов к пулемету или винтовке.

Внутри Грауденца здания мешали советским летчикам использовать и тот и другой прием. Уж, конечно, нам не приходилось бояться советских штурмовиков. Не в городе.

У моста толпились тысячи немецких солдат, многие с машинами и снаряжением. Там же собралось неописуемое количество беженцев, старых и молодых, большинство вцепилось в свои пожитки. В общем, огромная толпа, и все желали перейти по мосту, чтобы оставить покрытую льдом Вислу между собой и Советами, гнавшимися за ними по пятам.

Некоторые предприимчивые гражданские, в основном те, кому было сравнительно нечего нести, шли неестественно короткими шажками по шпалам железнодорожного моста, явно надеясь, что ни один германский поезд не заставит их прервать путь до того, как они доберутся до западного берега Вислы — до Померании.

Мы также видели разбитые остатки механизированных частей, ни у одной из них не было знака 7-й танковой дивизии, жирного Y на броне. Наша дивизия еще не дошла до моста.

Казалось, что мы, танкисты, вечно будем делать то, что называется «стоять на месте» — на холоде, в паре кварталов от моста. Так мы себя чувствовали всю следующую ночь.

Но вскоре после рассвета 27 января нас, три «ягдпанцера» с экипажами, взяла в оборот банда *Soldatenklau* в шернеровском стиле, которой командовал саперный майор. При этих любителях красть честных солдат было несколько военных полицейских, которые расчищали нам дорогу — не к мосту, а в противоположном направлении, к складу на боковой улице, где они дали нам кофе и немного еды, а также немного горючего для машин — но ни бронебойных снарядов, ни осколочных. В Грауденце *Soldatenklau* были чем-то большим, чем обычная придорожная операция.

У *Soldatenklau* не было другого выбора, кроме как оставить обер-лейтенанта Криппендорфа командовать тремя «ягдпанцерами». Таким образом, мы не очень глубоко интегрировались в *Soldatenklau* в нацистском смысле слова, хотя на складе обер-лейтенанту придали десять человек пехотной поддержки, которых накормили и напоили задолго до нашего появления.

Технически *Soldatenklau* сделали обер-лейтенанта Криппендорфа одним из руководителей из-за принятия им десятерых пехотинцев, которые, однако, выглядели вполне боеспособно. Факт, что мы и наши «ягдпанцеры» попали на склад после того, как пехотинцам пришлось как следует подождать, напоминал какой-то гангстерский фильм о краже на заказ. Может быть, потом, на гражданке, эти подлецы именно этим и занялись, если дожили.

Танки — вот что *Soldatenklau* искали в Грауденце. Следовательно, наше время в Грауденце еще не истекло.

Вскоре нас увели еще дальше от моста, на восточный конец города, район, который наша дивизия — насколько мы знали, она еще не подошла к району моста в Грауденце — вряд ли прошла по дороге к мосту.

Небольшой сектор, который нам выделили *Soldatenklau,* находился к северу от железной дороги, прорезавшей город с запада на восток.

От пехоты мы вскоре узнали о том, что *Soldatenklau* делали для того, чтобы сделать Грауденц неприступным для Советов. Мы, например, узнали, что в городе они были известны тем, что тайком вербовали на местную военную службу личный состав разных родов войск, на довольно долгий срок. Это продолжалось уже какое-то время и началось не вчера. Другая странность Грауденца — на складе, где была штаб-квартира *Soldatenklau*, несколько человек носили коричневую форму нацистской партии, с повязками со свастикой. Такое сотрудничество государственной службы и партийных чиновников было бы еще подозрительно, продолжайся оно и дальше к Берлину.

Каждый «ягдпанцер-IV» мог воевать из засады — это означало, что экипажу нужно было найти подходящее место, чтобы его спрятать. Однако, поскольку мы не хотели приближаться со своей сверхдлинной пушкой к каким бы то ни было зданиям на том богом забытом конце города, обер-лейтенант Криппендорф решил, что мы лучше проверим живые изгороди в 200 м на восток на предмет оборудования позиции. Он с командирами экипажей и унтер-офицером, командовавшим пехотой, прошел по снегу 200 метров, вскоре позвав остальных подогнать туда «ягдпанцеры» и пехоту. Конечно, вдали от зданий было холодно.

Наш водитель не проехал и 150 метров, когда я почувствовал чертов взрыв под передней частью днища. Нас окутала кислотная вонь. Оглушенный водитель что-то пробормотал о противотанковой мине.

Мы нарвались на немаркированное минное поле, возможно, устроенное без какого-либо порядка. Затем такой же взрыв раздался под последней машиной, в 100 метрах сзади. Средняя машина шла по нашим следам; через минуту и она наехала на мину. Весь проклятый район был нашпигован минами.

Каждый из «ягдпанцеров» получил серьезные повреждения гусениц и катков и не мог двигаться, но наши радио и внутренние переговорные системы были в порядке.

Как наводчик обер-лейтенанта, я был старшим заместителем командира, и первым сообщением по радио было, чтобы никто, покидая машину, не спрыгивал на землю. Кинетическая энергия прыжка могла увеличить силу, с которой человек приземлялся — возможно, на противотанковую мину. Нужно было не прыгать, а осторожно слезать.

Я вспомнил, как, подмастерьем электрика, часто прыгал с лесов высотой с крышу «ягдпанцера-IV», те же 1,85 м. Каждый раз, но особенно в холодных местах, я чувствовал ступнями удар о землю.

Я также подумал о последних моделях пистолетов-пулеметов, которые, будучи сняты с предохранителя, могли начать стрелять просто от того, что их держали вертикально, стволом вверх, во время прыжка со сравнительно высокой машины. Такое не могло случиться с МП-40 из машины обер-лейтенанта Криппендорфа — он взял автомат с собой. Однако были еще и пехотинцы, некоторые — с автоматами.

Осторожно двигаясь, парни, части которых помогали другие, спустились, после чего все пошли по следам четверых, прошедших по полю чуть ранее.

Мы вспомнили, что фронтовая клятва солдат 7-й танковой дивизии, кроме прочего, гласит:

«Никогда не оставлю я свой танк, мою машину, или другое военное имущество. Если приказ требует,

чтобы оружие или другое имущество было оставлено, я сделаю так, чтобы ничто не попало к врагу неуничтоженным».

Не было вопросов, что мы, в свете последней части этого отрывка, должны делать. Обер-лейтенант Криппендорф просигналил, что все три «ягдпанцера» должны быть уничтожены. Эвакуировать и починить их в этих условиях было невозможно. Советы, часть которых мы встретили за день до того у Лессена, были, наверное, уже на подходе.

Каждый наводчик подождал, пока его товарищи и девять пехотинцев подойдут к живым изгородям; затем он дернул за запал килограммового подрывного заряда. Устало шагая, мы, трое наводчиков, тоже присоединились к сходке у первой изгороди.

«Ягдпанцеры» взорвались, но не одновременно, заряд в последней машине сработал первым.

С обер-лейтенанта Криппендорфа достаточно! К черту интриганов *Soldatenklau*! Уйдем из Грауденца пешком через Вислу.

Если бы мы не знали кое-чего о немецких противотанковых минах, мы все сидели бы на тех голых полях еще бог знает сколько времени. Самые часто применяемые немецкие противотанковые мины, мины-тарелки, взрывались только под большим весом. Например, мина-42 срабатывала при нагрузке 110—180 кг; мина-43 — при 200—270 кг. В типе 42 было 5,4 кг тротила. В каждой из этих мин ударник, снабженный пружиной, удерживался срезной чекой. А одна из германских противопехотных мин срабатывала под нагрузкой около 34 кг и снаряжалась 1,5 кг тротила.

Возможно, за несколько месяцев до того, как стал падать снег, *Soldatenklau* установили мины, не расставив предупредительных табличек. Возможно, к такому неумелому минированию привел местный уютный союз *Soldatenklau* с лезущей во все дела нацистской

партией, — так что первые понадеялись, что последние сами нанесут последние штрихи на картину минного поля. Наверное, в конце, увидев, что произошло с тремя «ягдпанцерами» на их минах, *Soldatenklau* обратились с заявкой к самим себе и в спешке установили предупреждающие таблички перед минным полем, если, конечно, у них был план установки мин, а Советы уже не захватили эти поля.

Константин Рокоссовский, Маршал Советского Союза, в своей книге «Солдатский долг», стр. 290, пишет, что к концу февраля 1945 года в Грауденце, по свидетельствам пленных, скопилось до 15 000 офицеров и солдат. Далее, на стр. 304, Рокоссовский говорит:

«Нацистское [sic] руководство было беспощадно к солдатам, заставляя их воевать, даже когда безнадежность сопротивления была очевидной. Гарнизон Грауденца, отрезанный от своих сил, сражался до конца, и лишь 6 марта, после нескольких дней уличных боев, город был наконец взят...»

Глава 16

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОДРОБНОСТИ О 7-Й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ И О РАНЕНИИ

Краткая частичная история 7-й танковой дивизии

Частично двухстраничный обзор истории 7-й танковой дивизии в книге «Униформа, организация и история Panzertruppe», Сан-Хосе, 1980 г., Роджера Джеймса Бендера и Уоррена Даблъю Одегарда указывает, что дивизия в марте 1944 года участвовала в отступлении через Северную Украину и что в июле 1944 года она была задействована в центральном секторе Восточного фронта во время советского летнего наступления.

Дивизия, как нам сообщают, была в августе 1944 года переведена в Прибалтику в составе 3-й танковой армии. Она воевала под Расейняем в Литве и позднее, до ноября того же года, в Курляндии и Мемеле. Она была серьезно задействована в январе 1945 года во время советского зимнего наступления к западу от Вислы.

Наконец, мы узнаем, что дивизия постепенно оттягивалась к западу, ведя оборонительные бои, пока не сдалась британцам под Шверином 3 мая 1945 года.

Мои комментарии к этим строкам будут в первую очередь таковы, что, поскольку Киев находится в Северной Украине, район Черновиц, где в конце мар-

та — начале апреля 1944 года находилась по крайней мере часть 25-го танкового полка, стоит считать крайним южным флангом дивизии.

Также, имея в виду утверждение, что 7-я танковая дивизия была переброшена в Прибалтику в августе 1944 года, могу указать, что моя запись о танковых боях содержит несколько записей между 7 июля 1944 года и 20 июля того же года, подтверждая наше присутствие в Литве, одном из прибалтийских государств, до августа. Кстати, Расейняй находится в 150 км северо-северо-западнее Лайпалингиса, упомянутого в моем дневнике, что подтверждает, что и здесь 25-й танковый полк мог играть роль войск на фланге.

Далее, я могу утверждать, что 25-й танковый полк, согласно моему боевому дневнику, в конце января 1945 года находился к востоку от Вислы. Позвольте добавить, имея в виду абзац впереди, что любые части 7-й дивизии к востоку от Вислы должны были к 2 февраля 1945 года быть отрезаны от основных сил на западе советской линией фронта, которая тогда шла по Висле до точки километрах в 50 южнее Данцига.

К 24 февраля линия фронта дошла до берега Балтийского моря восточнее Данцига. Дальше на запад линия фронта проходила в 100 км от побережья. Понятно, что войска к западу от Вислы, особенно те, что были там до 4 февраля, двинулись на запад по 100-км ширины полосе, пока и Померания не была захвачена Советами. Битва за часть Померании к северу от линии фронта 24 февраля продолжалась до середины марта.

Наконец, что касается сдачи 7-й танковой дивизии британцам у города Шверин, 90 км восточнее Гамбурга — и, кстати, в 490 км на запад-юго-запад от Данцига, — я был удивлен, что, несмотря на трудный путь на запад, явно проходивший через Померанию, даже часть дивизии спаслась от Советов.

Нет причины сомневаться в том, что авторы краткой истории, которую я откомментировал, сделали все, что могли, чтобы собрать и опубликовать правду, которую озвучил генерал в отставке Хассо-Эккард фон Мантейфель в предисловии к «Униформе, организации и истории Panzertruppe» Роджера Джеймса Бендера и Уоррена Даблъю Одегарда: «Авторы представили яркое описание развития, организации и судьбы германских танковых частей на основе подробного и убежденного изучения материала».

Вразрез с впечатлением, сложившимся у прочитавших «Униформу, организацию и историю Panzertruppe», 7-я танковая дивизия не шла через Померанию по дороге на Шверин. Стр. 154 книги Хассо фон Мантейфеля «7-я танковая дивизия: иллюстрированная история роммелевской «дивизии-призрака» 1938—1945», изданной в 2000 году, гласит:

«12—14 марта 1945 года дивизия участвовала в тяжелых боях у плацдарма Данциг — Готенхафен. Когда плацдарм у Готенхафена 24 марта пришлось оставить, дивизия передислоцировалась в район Оксхефтер Кемпфе, где бои продолжались до 4 апреля 1945 года. Дивизия затем [sic] передислоцировалась на полуостров Хела и 15 апреля была по морю переброшена в гавань Свинемюнде».

Ранение

Кажется, что в военной буре маленькая группа солдат низшего звена потеряет след своей дивизии так же быстро, как их дивизия потеряет след маленькой группы солдат.

Это как раз то, чем мы были — маленькой группой из восьми танкистов, которые прибыли в Рамель, северный пригород Гдыни, которая тогда называлась

Готенхафен, в десяти километрах от Данцига. Раньше мы обогнали Советы после того, что можно назвать Бишофсвердером, к востоку от Вислы, пересекли Вислу и затем вступили в восточную часть Померании, намереваясь двигаться на запад. Нам, однако, не дали сделать это советские удары из южной части Померании в сторону Балтики. Лишенные руководства в последних судорогах войны, мы чувствовали себя сиротами.

Мы, горсточка счастливцев, братьев (пер. Е. Бируковой. — *Прим. перев.*) — это слова речи на день святого Криспина, волнующей и очень солдатской по духу, из шекспировского «Генриха V», акт 4, сцена 3, прекрасное чтение для любого военного — стояли на дворе в Рамеле. Ефрейтор Фелер, самый старший по званию, нашел коробку сигар и начал выпендриваться. Половина ребят взяли по сигаре, когда Фелер пустил коробку по кругу. Правда, больше мы думали, где бы раздобыть себе поесть. Ясный выдался день, 12 марта 1945 года.

Сразу после того, как Фелер спросил что-то вроде: «Как себя чувствуют наши акции?» или «А что у нас на фондовом рынке?» — всего один взрыв в самой нашей гуще превратил веселье в жестокую трагедию. Фелер упал ничком, сигара сломалась. Фелер выглядел мертвым. И был им.

Другой парень, прислонившийся к кирпичной стене, сел на землю, глядя на свою ногу. Ее развернуло пальцами внутрь, ею нельзя было шевельнуть.

Сбитый силой взрыва, я оказался на земле, в паре шагов от места, где стоял, смотря на курильщиков сигар. Я мог видеть. Я мог слышать. Я мог говорить. Я чувствовал, что ранен. Я вдыхал запах разрыва — и, вскоре, собственной крови.

Позже в тот же день мне поставили диагноз: множественные осколочные ранения. Под осколки попа-

ли правое плечо, правая рука выше локтя, правая ягодица и левое бедро. Я сохранил осколки, которые год спустя вынули из плеча, — жаль, что по ним нельзя сказать, частью чего они были. Я всегда думал, что в тот двор попал гаубичный снаряд.

Трое из нас погибли, остальные были ранены, некоторые очень тяжело, куда хуже, чем я. Выжившим была нужна медицинская помощь. Это означало отправиться в Гдыню.

Не более чем в половине квартала от того злосчастного двора шла главная улица Рамеля, по которой в Гдыню шел нескончаемый поток беженцев. Многие ехали на компактных, узких, со скошенными бортами двуконных телегах на резиновых шинах, нагруженных пожитками. Взяв с собой еще одного раненого, я дохромал до такой телеги, забрался, помог напарнику и устроил левую руку поверх пожитков, чтобы был удобнее лежать. Это было все, что я мог сделать для нас двоих.

Поскольку сутулому вознице телеги было все равно, что он везет, какое-то время с нами ехала медсестра германского Красного Креста, шедшая в Гдыню. Она была красивой и жалела нас, но не могла помочь ничем, кроме совета искать медицинскую помощь дальше. В городе.

Несколько часов спустя лошади нашего деревенщины привезли нас в город, где, казалось, всем заправлял *Кригсмарине*. Мы сошли с телеги у главных ворот гдыньских доков и вошли на надежную территорию Кригсмарине, чтобы о наших ранах наконец позаботились.

Никакой траты времени впустую. Чтобы добраться до ран в плече и руке, врачи в приемном покое просто разрезали рукав и плечо кителя, испортив его, но оставив на мне. У меня все еще лежит государственный герб на черной подкладке и шевроны, спороты

позже, в госпитале, где мне выдали серую полевую форму. Я также храню свои *Panzerkampfabzeichen in Silber, Verwundetenabzeichen in Schwarz* и два своих Железных креста.

Нас рассортировали в соответствии с тем, каким способом отправлять раненого дальше — стоя, сидя или лежа. Меня отправили к лежачим и положили на пол в большом складском здании. Там лежало рядами, наверное, сто ребят. У каждого было одеяло, подарок от Кригсмарине. К этому времени я потерял из виду парня в черной танкистской форме, который в моей компании добрался от Рамеля до Гдыни и доков. Я лежал с парнями, которые были отсюда, оттуда и откуда угодно. Все полумертвые или хуже.

На следующий день — сортировщики время от времени появлялись, чтобы убедиться, что наши раны и повреждения действительно требуют лежать, — нас погрузили в Гдыне на госпитальное судно. Я больше не слышал стрельбы, но слышал крики боли, идущие откуда-то снизу. Там, как я слышал, проводились ампутации.

Мы не знали, где нас свезут на берег — оказалось, что в Дании. Где-то там для нас был готов санитарный поезд. И снова случайная кучка народу в долгой поездке. Один солдат, как я помню, оплакивал потерю пениса, время от времени утешая себя тем, что он уже отец двоих детей. Советы попали ему в ширинку осколочной пулей малого калибра. Таких историй было множество.

В Альтенбурге в Тюрингии — городе, которому довелось попасть в Восточную Германию, — санитарный поезд разгрузился. Тюрингия в те дни была провинцией, от которой стоило держаться подальше. В конце концов мы, незадолго до того, ускользнули от Советов в Гдыне, и кто, раненый или целый, хотел попасть к ним в руки?

Персонал госпиталя в Альтенбурге не хотел завшиветь. Независимо от состояния, каждый раненый, чтобы попасть в госпиталь, должен был сам раздеться и помыться с мылом на заднем дворе. Или туда долго не попадало много раненых с Восточного фронта, или, наоборот, попадало слишком много.

Не все мои раны в Альтенбурге хорошо заживали. Например, рана в бедре заживала медленно. На другом этаже госпитального здания была медсестра, славившаяся тем, что хорошо умела перевязывать раны. Повязки, наложенные этой леди, не подмокали, и парни отовсюду сходились к ней на перевязку, пока их не разгоняли по своим этажам.

Официальные бумаги, адресованные медику 25-го танкового полка в Бамберге, выданные мне для личной доставки, гласят: я был выписан из альтенбургского госпиталя 10 апреля 1945 года, с предоставлением двухнедельного отпуска.

В одном из документов, датированном 10 апреля, есть такое предложение: «F. wird heute als k.v. []kriegsverwendungsfдhig] zu seiner Ersatzeinheit entlassen» («[обер-ефрейтор]Т[изен] сегодня выписывается в часть пополнения личного состава как годный к службе в военное время»), также там говорится: «Verwundetenabzeichen in Schwarz wurde verliehen». («Выдан черный знак о ранении».)

Я ушел из госпиталя пешком, пошел на станцию и часами и днями стоял в поездах, идущих на запад. Лежачие дни миновали. И все же жизнь в британской зоне оккупации будет куда лучше, чем где-либо рядом с Советами.

Выехав из Альтенбурга, наш поезд ехал не более часа, пока не остановился у деревушки, где что-то стряслось. Я не забуду то, что увидел там через вагонное окно. Перед еще дымящимися развалинами дома, явно после бомбежки, стояла с непокрытой головой

одинокая женщина лет сорока. Всплескивая руками от отчаяния, она олицетворяла жену и мать, чья семья либо погибла под развалинами, либо была где-то далеко. Я вспоминаю, как ее глаза выражали ужас войны. Их вид олицетворял сотни других в тех частях Германии, которые я медленно проезжал на поезде меньше чем за месяц до окончания войны.

Вскоре мне уже не нужно было докладывать о себе в Бамберге, который лежал теперь в американской зоне.

Глава 17

КАК ВЫЖИТЬ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ

К концу войны я жил в британской зоне — в Вильгельмсхафене, если быть точным, — и искал подходящую работу. Я никому не сдавался. Я не был пленным. Меня не допрашивали. Я не посещал лекции по денацификации.

Первую работу — устным и письменным переводчиком — сразу после окончания войны можно считать продолжением моей военной службы, потому что я еще носил форму, но со снятыми с кителя и кепи знаками различия.

Позвольте рассказать вам о месте, где я тогда работал, и некоторых тамошних сотрудниках.

Действующий с разрешения Ройял Нэви, старший офицер военно-морского флота Германии (Вильгельмсхафен), или сокращенно SGNO (W), располагался на стоящем вдоль причала в Висбадене «Танганьике», бывшем африканском пароходе, который после бомбежки встал килем на дно гавани, но, с незначительным креном на правый борт, сохранил над водой верхние палубы.

Большие комнаты тех нетронутых палуб служили кабинетами сотрудников SGNO (SW), состоявшего из примерно трех дюжин специалистов, большая часть

которых, до того как их страна сдалась, служили в Кригсмарине.

Многие из парней в синей форме на «Танганьике» были радистами, которые с помощью еще работавших морских радиостанций в Сенгвардене, расположенном в восьми километрах на северо-запад от Вильгельмсхафена, и мощных антенн на берегу Северного моря в Норддейхе, в 59 км западнее Сенгвардена, поддерживали связь с SGNO (W), например с немецкими субмаринами, еще пребывавшими где-то в Мировом океане.

Для такой работы эти радисты часто использовали дозволенные руководством Ройял Нэви коды, принятые в Кригсмарине, такие, как *Quatsch*-группы. *Quatsch* означает «бессмыслица», но Q-группы состояли из коротких сигналов, созданных для того, чтобы затруднить пеленгацию. Каждая такая группа состояла из Q, за которой следовали другие буквы немецкого алфавита.

Эти люди, все коротковолновики-любители, были рады показать посетителям их огромной комнаты короткое запаздывание их радиосигнала, обогнувшего земной шар. А также каждый мог быстро опознать личный почерк любого радиста, немецкого и не только, связывавшегося с ними в SGNO (W) азбукой Морзе.

Каюты «Танганьики» были домом для сотрудников. В некоторых таких квартирах радисты, любители развлечений, развлекались такими способами, как очень пристальное изучение пламени, возникшего от воспламенения метана, содержавшегося в пердеже своих приятелей, свободных от вахты.

Однажды я, в форме, пришел в нашу квартиру в Феддервардергродене и застал там отца. Никогда раньше и никогда позже я не видел, чтобы он столько улыбался, как в тот день.

Ближе к концу войны Советы захватили его в плен,

с многими другими, в провинции Мекленбург, рядом с тем, что было частью Восточного фронта. Они, однако, отпустили самых старых и самых молодых пленных по домам. Неслыханное дело для Советов. Один молодой пленный, которого отец знал, был родом из Бремена; Шаумлеффель была его фамилия.

Перед тем как быть захваченным в плен, отец сторожил нескольких русских пленных. У него был трудный выбор — позволить взять себя в плен или выдать себя за русского пленного. Некоторые пленные, как он сказал, предложили ему что-то вроде «пошли с нами, ты же наш». Пойди он с русскими, для него все кончилось бы плохо. Советы не всегда по-доброму относились к своим репатриантам.

Конечно, отца допрашивали. Ключ зажигания, который он где-то подобрал и носил в кармане брюк, был предметом многих вопросов. Какого высокого чина он возит? Он смог скрыть, что понимает, о чем те говорят между собой на русском языке. В любом случае он ушел от них и пошел в Вильгельмсхафен. Как же он был счастлив меня видеть!

Оскар погиб в Бельгии, у Хуффалице, прошлой зимой; его убили с низколетящего самолета союзников.

Британцы открыли в своей зоне Германии центры демобилизации; скинуть форму, на которую везде смотрели с презрением, казалось мне хорошей идеей. Так что я уволился из штата SGNO (W) и получил бесплатную комнату и питание в огромных казармах флота в Эбкериге, недалеко от Мариензиля на юге города, где на большой площади расположились флотские артиллерийско-технические склады. Меня демобилизовали британцы — 24 октября 1945 года, в Витмундхафене.

Затем я работал переводчиком в американской команде регистрации захоронений, которая на рек-

визированном мясном заводике, используемом как морг, занималась эксгумацией и затем опознанием тел американцев, большая часть которых погибла в районе Вильгельмсхафена или в прилегающих районах Северного моря.

Я все еще вижу полуразложившиеся тела и еще помню истории о некоторых из них, рассказанные разными гражданскими. Например, крестьянин показал на своем болотистом поле заполненную водой яму шириной с люк. Эту яму, сказал он, проделал ногами в земле американский летчик, у которого не раскрылся парашют. Его могила была на ближайшем церковном дворе. Все мертвые американцы в конце концов перевозились на военное кладбище в Бельгии.

Штаб-квартира команды регистрации захоронений располагалась в центре Йефера. Поскольку команда действовала в обширном районе, мне не составляло проблемы набить джип солдатами США для того, чтобы объехать северную округу Йефера и заехать в Карлсек. Конечно, это была эра послевоенной денацификации, и обычно властная фрау Ибен, которая полдюжины лет назад была такого плохого мнения о моем немецком, казалось, вот-вот получит сердечный приступ от вида американцев на своем пороге, да еще в моей компании. Теперь здесь не кичились превосходством над мальчиком, который когда-то был Ибеновым «американцем».

После того как команда закончила работу, я легко нашел работу, которая совмещала работу почтового курьера и переводчика в *Kreis* (районном) штабе британской части контрольной комиссии по Германии в городке Фарел, в 20 км от Вильгельмсхафена, на берегу одноименной бухты Северного моря.

Как почтовому курьеру, мне пришлось побегать. С утра на британскую военную почту в Ольденбурге,

потом обратно в Фарел, потом в такие места, как Йефер и Вильгельмсхафен. К тому времени британцы создали в Вильгельмсхафене школу-интернат, в казармах бывшей базы подводных лодок по другую сторону высокой кирпичной стены с одного конца Казерненштрассе; она называлась «школа принца Руперта».

Несмотря на мое бедственное положение после войны — канадское правительство препятствовало моему возвращению в Канаду, — Фарел оказался для меня необычно удачным местом. Вечером 27 марта 1947 года на коммутаторе управления Контрольной комиссии двое работавших на нем парней и я встретили трех телефонисток с коммутатора германской почтовой службы в Фареле. Три девушки пришли, чтобы увидеть место, в которое было столько звонков, проходивших через их коммутатор. Во время этого визита я и познакомился с красивой голубоглазой Хельгой Кристиной Марианной Майер, 19-летней уроженкой Фарела.

В 1947 году вся Западная Германия представляла собой огромный черный рынок, на котором я выступал довольно скромно, — в основном благодаря тому, что передвижной характер работы в ККГ способствовал торговле.

Мне не нужно было искать учителя, потому что все водители ККГ в Фареле, или районного управления военной администрации, были демобилизованными немецкими солдатами, имевшими опыт торговли из-под полы.

Два таких солдата, Артур Б. и Вилли Р., проводили много времени в автопарке, расположенном в реквизированном гараже на Неббсаллее. Как другие водители, эти двое не задумывались, прибрать ли к рукам пару канистр бензина. Потом они прощупали меня на предмет, где торговать этим жидким золотом.

Поскольку я был чем-то вроде командира экипажа для этих двух джентльменов, которые через день по очереди обслуживали перевозку почты, я всегда говорил им, что все сделки нужно совершать по маршруту доставки, за пределами Фарела.

Наш основной торговый партнер жил в Дикманнсхаузене, к востоку от Фарела по шоссе в сторону Роденкирхена на реке Везер. Там Артур и я или Вилли и я меняли бензин на выпечку. Старый мастер-пекарь даже подбрасывал 500-граммовые упаковки сливочного масла высшего качества, чтобы его деятельность на черном рынке не знала спада.

В Германии тогда жизнь была необычайно скудной, особенно в городах.

Вскоре после окончания войны я стал добиваться от канадского правительства разрешения вернуться в Канаду. В этой связи мне пришлось иметь дело сначала с канадской военной миссией в Берлине и затем с канадским консульством во Франкфурте-на-Майне.

В шестом письме из девяти, полученном от канадской военной миссии, подтверждалось, что я родился в Канаде и что, несмотря на то что мой отец был натурализован в Германии в 1940 году, я продолжаю оставаться гражданином Канады. В письме также указывалось, что, в свете того факта, что я во время войны служил в вооруженных силах Германии, в настоящее время не предполагается, что я могу получить от канадского правительства какую-либо помощь в возвращении в Канаду.

Из восьми писем, полученных из канадского консульства, предпоследнее, датированное 16 мая 1950 года, и последнее, от 28 марта 1950 года, показывают, что мне выдали путевой документ. Долгое ожидание подошло к концу.

Примерно за четыре месяца до получения последних двух писем из канадского консульства я провел

крупнейшую операцию на черном рынке, в которой участвовали два фунта обычного канадского чая, полученные от моих троюродных сестер из Сент-Катаринз, штат Онтарио.

Чтобы понять, как могла пройти моя замечательная чайная сделка, нужно знать, что огромное число людей, живших в Германии по берегу Северного моря, как и их предки в течение веков, пьют чай. Известно, что давным-давно многие колодцы в той низменной части Европы дают воду, подкрашенную торфом, которую удается пить, только превратив в крепкий чай.

Примерно в то время, когда я получил посылку с двумя фунтами чая, из Лос-Анжелеса приехал в гости старый дядя одной из подруг Хельги. Дядя Герман уехал из Германии задолго до Второй мировой войны.

Дядя Герман сделал своему городу немало хорошего. Кроме прочего, он анонимно организовал замену раскрошившихся каменных колонн с деревянными воротами, там, где Виндаллее переходила в лес. Он нашел хорошее применение большим деньгам в германской валюте.

Сделка не вошла бы в Книгу рекордов Гиннесса, но два фунта чая «Трампет», проданная на черном рынке, принесла мне достаточно денег, чтобы я обменял их у дяди Германа на американские доллары, которые мне были нужны, чтобы заплатить туристскому агентству в Бремене за билет на мое имя из Гамбурга в Нью-Йорк.

Да, черный рынок в Германии к концу 1949 года был еще очень активен — 4 1/2 года после окончания войны и 1 1/2 года после реформы национальной валюты.

29 апреля 1950 года я отплыл из Гамбурга на американском пароходе «Вашингтон» и по прибытии в

США ненадолго остался с друзьями-меннонитами в Дойлстауне, штат Пенсильвания. 10 июня, по дороге на машине из Дойлстауна в Сент-Катаринз для встречи с родней по материнской линии, я пересек канадскую границу у Ниагарского водопада, в штате Онтарио. В тот день на канадской таможне меня спросили, сколько я пробыл за границей. «С марта 1939-го», — ответил я.

Из Сент-Катаринз я поехал прямо в Китченер.

Глава 18

СНОВА В КАНАДЕ

Год холостяцкой жизни

После возвращения в Два города — Китченер и Ватерлоо — летом 1950 года я первым делом заново познакомился с отрезком Кинг-стрит, идущим с севера на юг в Ватерлоо и с запада на восток в Китченере. Во-первых, старые темно-зеленые пятиламповые уличные фонари на чугунных столбах, стоявшие в деловом квартале, заменили на новые. Во-вторых, незадолго до моего появления старые трамваи уступили место автобусам.

В Китченере я специально прошел по Кинг-стрит от Фридерик-стрит к углу Кинг-ист и Кент-авеню, где стоял наш последний дом в Канаде. Вообще-то, старый каркасный дом на просторной песчаной площадке принадлежал «Китченер ламбер компании», которая расположилась рядом с домом, по восточной стороне Кент-авеню с того конца, где к ней примыкала Кинг-стрит, все как в 1939 году.

Мистер Хок все еще был управляющим «Китченер ламбер». Мы вполне любезно поговорили с ним — за исключением того, что он многозначительно заявил мне, что мои родители не удосужились перед отъездом в Германию пристроить куда-нибудь своих цыплят. Он сказал, что китченеровская «Дэйли рекорд»

писала об этом в разделе «Брошенные домашние животные». История хранилась в архиве «Рекорд».

Домашняя живность моих родителей? Должно быть, это две курицы-бентамки, которых я оставил дома, уехав в марте 1939-го. Их была пара; самый прекрасный бентамский петух погиб под колесами машины на Кент-авеню, когда я еще жил в Китченере. Сомневаюсь, что две вдовые курицы сидели в курятнике. Вероятно, свободно бегавшие куры выглядели беспризорными — когда дом, рядом с которым они обитали, опустел. В Ватерлоо и Китченере у меня в разное время были голуби, морские свинки, кролики, кошка и бентамские цыплята, но не было собаки. У других детей в семье не было своих любимцев, по крайней мере не в те годы.

В любом случае, мысленно разместив сказанное мистером Хоком справедливое, но не ошеломляющее замечание в разделе «учтено», я еще поболтался по округе, смотря на людей и места, связанные с моим канадским детством.

Хотя многих из них не послали за океан, некоторые из приятелей по воскресной и немецкой школе во время войны служили в канадской армии и после демобилизации поступили в университет. К 1950 году они были хорошо подготовлены для будущей работы.

В целом бывшие солдаты меннонитской веры, к которым в 1950 году еще относились как к «нашим мальчикам» в знак признательности за службу на благо страны, пришли домой с войны неиспорченными.

Однако один меннонит, бывший младший офицер в подразделении канадской разведки, подцепил на службе, проходившей какое-то время за океаном, довольно сомнительные привычки допросчика. По его рассказам, наименее отвратительной из его «интеллектуальных» штучек — он любил проделывать их и дома с гостями — было «быть милым» с теми, воен-

ными или гражданскими, кого допрашивала их часть, в которой он был переводчиком с английского на немецкий и обратно.

Суть его самого гибкого, но продолжительного по времени способа узнать правду: дать доставленным для допроса столько пива — да, пива! — сколько они выпьют, а затем смотреть, как они жмутся, когда настанет время облегчиться. Не позволять им выйти из кабинета. Рано или поздно они сознаются, в обмен на возможность помочиться в уединенном месте. В конце концов, культурные люди не хотят мочить штаны в присутствии других.

Я все еще думаю, что тот хвастливый бывший сержант, убежденный холостяк, имел задатки садиста.

В 1950 году значок за боевую службу, который носили многие канадцы моего возраста — мне тогда было 25 лет, но я не мел права носить его, — означал в первую очередь, что в Канаде их владельцы имели преимущество в получении работы.

В поисках работы в Китченере и Ватерлоо я узнал, что, в основном из-за отсутствия значка, наниматели особенно въедливо изучали подробности моего прошлого, и некоторые даже весьма невежливо заявляли, что, даже спустя столько времени, меня надо наказать за то, где я провел годы войны. Именно тогда Тед Неттлтон и дал мне предусмотрительный совет: «Не рассказывай людям о своих проблемах...» Более того, он дал мне работу.

Для тех, кто там работал, фабрика Б.Ф. Гудрича была просто «резиновой мастерской». Целый этаж был отведен под производство шин, а именно под подготовку материала, конфекцию покрышек и их вулканизацию. В 1949-м почасовые работники фабрики бастовали; в 1950-м они старались наверстать неполученную зарплату. Фабрика работала в три смены, с семи до трех, с трех до одиннадцати и с одиннадцати

до семи, график работы у рабочих каждую новую неделю смещался на смену назад.

Первые три года у Гудрича моя работа состояла в одновременном обслуживании стоящих квадратом четырех станков для конфекции покрышек, думая только о пополнении запаса сырья. Тяжелые липкие рулоны различной ширины, которые, в зависимости от мощности покрышки, нужно было ставить до шести рулонов в машину, делали из нас лучших атлетов, чем дорогое гимнастическое оборудование. На этой работе я избавился от лишних калорий, полученных с блюдами канадской, немецкой и русской кухни, приготовленными добрыми старыми леди-меннонитками.

Тяжелый воздух, идущий в шинный цех из прессовочной и других мест, пагубно действовал на рабочих, особенно если они работали на компанию всю лучшую часть жизни или дольше. В самом деле, «мастерская резинок» была не лучшим местом, где можно было набрать трудовой стаж. Тем не менее я проработал там почти 16 лет, уволившись в 1966 году, чтобы поступить в университет.

После трех лет в цехе шинной конфекции меня перевели в маленький отдел, где рассчитывали спецификации для производства покрышек.

Давайте ненадолго вернемся в 1950 год, когда большинство моих друзей вступили, или вот-вот вступили, в брак. Хельга еще была в Германии, готовясь к иммиграции в Канаду. Ее опрятные письма — мы мало разговаривали по телефону в тот год разлуки — освещали мое пансионное существование. Со свадьбой нам приходилось ждать будущего года.

Здание меннонитской церкви Ватерлоо-Китченер к 1950 году вдвое выросло в длину, и старый орган переехал на новое место, повредив в процессе одну из труб. Подвал церкви, в отличие от надземных этажей, сохранил старый размер и обстановку. Там, внизу, блестящая темно-коричневая краска на деревянных

стульях, принадлежавших воскресной и немецкой школам, самую малость липла к пальцам — как когда-то.

Во время одного из занятий воскресной школы до 1937 года я оттянул назад такой стул, когда мой приятель как раз собирался сесть, так что он свалился на пол. Бывшие ученики, которые это видели, все еще говорят, как плохо я себя вел в тот день, как и в другие дни начала 30-х.

На рождественской службе 1950 года в старой церкви смотритель воскресной школы удивил многих в конгрегации, серьезно объявив во время выступления детей из воскресной школы, что молодой человек Бруно Тизен (изменить), служащий живым примером того, как воскресная школа может возвысить человека, сейчас скажет несколько слов. Думаю, смотритель чувствовал: то, что должно было вскоре прозвучать, станет для его собратьев-меннонитов иллюстрацией того, как посещение воскресной школы предохраняет даже от влияния радикального милитаризма. Он явно был уверен, что большинство, если не все присутствующие взрослые, знали, как и он, что я провел много времени среди людей, в Западном полушарии считавшихся худшими из плохих парней.

Временно получив роль ученика воскресной школы, мне пришлось рассказать короткий немецкий рождественский стишок, кончавшийся словами «*Tante Janzen half gut hach/ Und es ward mit Weh und Ach*». («Тетя Янцен подсказала мне, / и я с трудом пов-то-рил».) Мальчиком, за многие годы до 1950-го, я запинался, рассказывая рождественское стихотворение, но мне помогала одна из учительниц воскресной школы, миссис Янцен, жена епископа Янцена, священника церкви.

На Рождество 1950 года я не забыл слов и с другими участвовавшими в выступлении настоящими учениками воскресной школы получил позже в тот же

вечер бумажный пакет со сладостями, орехами и печеньем.

1 июля 1951 года на вокзале Юнион в Торонто я встретил сияющую Хельгу, которой тогда было 23 года. Она выглядела так же великолепно, как и когда я познакомился с ней четырьмя годами ранее. Она приехала в Канаду насовсем. Она покинула дом и уехала в далекую страну, полагаясь только на меня. Теперь, более 50 лет спустя, я особенно рад, что такой основополагающий шаг с ее стороны был знаком бесконечного доверия к ее будущему спутнику и своей новой стране.

Канадское консульство в Ганновере выдало Хельге визу иммигранта сверх квоты (выдается жене или детям гражданина страны. — *Прим. перев.*), с указанием, что мы женимся в течение 21 дня после ее прибытия в Канаду. Женитьба под дулом пистолета, шутили мы с ней.

До свадьбы Хельга поселилась в Ватерлоо с моими старшими родственниками по материнской линии. Тетя Лиина, одна из лучших поварих-меннониток в Двух городах, и дядя Корнелиус хвастались Хельгой при любой возможности. Кроме того, группа девушек из воскресной и немецкой школ приняли Хельгу в свой клуб. За это я был им очень благодарен.

На церковном пикнике 1951 года миссис Дик, жена фермера, на чьей земле мы проводили пикник каждый год, сказала мне на правильном, но очень формальном немецком: «*Sie haben guten Geschmack!*» («У вас хороший вкус!») Она имела в виду не только то, что Хельга была приятна на вид, но и то, что она получила одобрение общины.

По традиции в меннонитских колониях на Украине каждая невеста меннонита, вышедшая из колонии лютеран, особенно въедливо обсуждалась женщинами общины. На церковном пикнике был виден след этого старого обычая.

Глава 19

ЖЕНИТЬБА В ОТСУТСТВИЕ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ

Вспоминая обстоятельства, в которых я оказался, вернувшись в Канаду, но до нашей с Хельгой женитьбы, я хихикаю над беззаботным взглядом на женитьбу, выраженном в следующих строках:

In der Heimat abgekommen,
Fängtein neues Leben an.
Eine Frau wird sich genommen
Kinder bringt der Weihnachtsmann.

(Вновь на родину вернувшись,
Все бы заново начать.
И жениться между делом,
И детишекназачать.)

Хотя 21 июня 1951 года никто из родственников и друзей Хельги не смог приехать на нашу свадьбу в Объединенной меннонитской церкви Китченер-Ватерлоо и не было никого из моих родных, со мной и Хельгой были многие — перед глазами Господа, как сказал священник.

Церемонию вел преподобный Генри Эпп, чья жена Мэри приходилась мне не-помню-скольки-юродной сестрой. Подружкой Хельги была Мэри Тоэвс, а шафером — Уолли Райнер. Со всех сторон меннониты.

В тот день Джо и Кэти Найсиз Дойлзтауна, Пенсильвания, подарили Хельге маленький валёк с ко-

роткой ручкой, сделанный на их лесопилке. По традиции этот пенсильванско-голландский инструмент помогал жене управлять своим мужем, хотя я так ни разу и не испытал его на себе.

Наши обручальные кольца были куплены на деньги, собранные для меня на фабрике Гудрича. Во время обеденного перерыва мне выдали 24 доллара бумажными деньгами.

Хельга, в своем свадебном платье, сшитом ее тетей Хенни из Дельменхорста, что недалеко от Бремена, выглядела великолепно. Думаю, мой серый костюм, купленный за несколько дней до свадьбы в магазине мужской одежды Джорджа Файна на Кинг-стрит-вест в Китченере, не очень выпадал из общей картины. Старого Джорджа знали многие ребята Гудрича, потому что его магазин был всего в четырех кварталах от завода Гудрича.

Джордж отправил помочь мне выбрать костюм своего старшего продавца, Джерри Лейса. После того как я, примерив последний выбранный костюм, заметил: «Неплохой костюмчик!» — Джордж быстро спросил: «Ну, почему б тебе его не купить?» Так я и сделал.

Глава 20

ПОЛУЧЕНИЕ ФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО В КОЛЛЕДЖЕ

Получить формальное образование оказалось для меня более долгим делом, чем женитьба. С 1956 по 1967 год, в основном пока я работал на «Б.Ф. Гудрич Кэнада Лимитед», я проходил высшие технические вечерние курсы, основанные на программе Британского высшего национального сертификата, проводимые министерством образования Онтарио. Большинству учившихся со мной студентов АТЕС не были нужны все три сертификата. После того как нам выдали первый и второй сертификаты, курсы в Китченере прекратились, и мне пришлось несколько раз в неделю ездить в Гуэльф, за 25 км севернее Китченера. Я часто шутливо называл все предприятие «Долгими вечерними техническими курсами». В этой книге показан третий сертификат АТЕС — три сертификата сделали меня сертифицированным технологом, но не профессиональным инженером, — а также копия сопровождающего третий сертификат поздравительного письма. Также в книге есть и мой сертификат технолога.

Работа в промышленности может показать и хорошие стороны общества, и плохие. Я ощутил немного неприятной стороны, после того как спросил подха-

лима — управляющего отделом разработки покрышек, в котором работал, не хочет ли он взглянуть на мои сертификаты. Этот велосипедист, как называют человека, который проявляет подобострастие к тем, кто выше его, и топчет тех, кто ниже, ответил: «Не особенно».

В индустрии покрышек в Китченере давно выросло множество самозваных инженеров, мошенников без академического образования. Когда оглядываешься на пикнике, вечеринке на заднем дворе, сходке в пабе — все эти подхалимы там, беззастенчиво пресмыкаются.

Летом 1966 года, в возрасте 41 года, я был рад покинуть забитое «инженерами» заведение Гудрича, несмотря на то что я знал об ожидающих меня годах тяжелого труда в университете. Ко времени осеннего созыва университета Ватерлоо в сентябре 1971 года у меня была степень бакалавра искусств, магистра искусств (в английском) и, наконец, магистра философии (в английском). Магистр философии — степень между магистром искусств и доктором философии (*Прим. перев.*: напоминаем, что принятой на Западе степени «доктор философии» соответствует не наша степень доктора в науке философии, а степень кандидата наук).

Требование к выпускнику знать иностранный язык не составляло проблемы. После визита на кафедру германских и славянских языков и литературы я был сертифицирован как глубоко знающий немецкий язык. Ни факультет, ни студенты не знали природы моей связи с Германией.

В течение пяти лет в университете Хельга, в дополнение к полной занятости на работе, проводила со мной долгие часы в университетской библиотеке. Она добывала мне книги со стеллажей, экономя вре-

мя на исследовательскую работу. Она распечатывала мои эссе и, с 1969 года, мою диссертацию.

Хельга не могла получить более искренней и значимой похвалы за свой тяжкий труд поддержки моей учебы, чем выраженная в присутствии членов комиссии, которая принимала мою диссертацию. Обращаясь ко мне, Джордж Хиббард, профессор английского языка, открыл заседание словами: «Должен вас поздравить. Я прочел вашу работу и не нашел ни одной ошибки [опечатки]». Эти слова задали тон всего заседания, которое завершилось принятием моей работы факультетом английского языка. Отличная работа, которую Хельга сделала на своей электрической «Смит-короне», дала мне в решающий момент огромное преимущество.

Моя магистерская диссертация «Метеорологические образы в поэзии Генри Вогана» рассматривала в основном использование валлийским поэтом Генри Воганом (1621—1695) небесного феномена геоцентризма, чтобы вдохновить своих современников поднять глаза к Господу, живущему за пределами *primum mobile*, основного двигателя Вселенной. Воган был сторонником птолемеевской геоцентрической системы, а не коперниковой гелиоцентрической Вселенной во времена вершины противостояния двух систем.

Хотя я в 1971 году хорошо знал, что, получи я две последние степени в 26 лет, а не в 41 год, мой доход в последние 20 лет был бы куда выше, я испытывал удовлетворение тем, что я сравнялся, академически, с десятками тысяч канадских ветеранов, которых поддерживало государство, получивших свои степени через несколько лет после Второй мировой войны.

19 лет, по состоянию на 1971 год, изнурительной работы профессора английского языка — одни только лекции были нагрузкой на полную занятость, а про-

верка работ студентов — еще одной, — принесли мне удовлетворение тем, что я профессионально занимаюсь тем, что выбрал бы многими годами ранее, будь у меня такая возможность. Преподавание английского языка выше уровня средней школы заставляло меня чувствовать, что этим я делаю лучше часть молодежи своей страны, которую я покинул молодым пареньком.

Глава 21

ЖИЗНЬ НА ПЕНСИИ И РАБОТА ВОЛОНТЕРОМ В КАНАДСКОМ ВОЕННОМ МУЗЕЕ

После выхода на пенсию 30 июня 1990 года в возрасте 65 лет, друзья и родственники из Южного Онтарио уговаривали Хельгу и меня вернуться в Ватерлоо или Китченер, где мы жили со свадьбы в 1951 году до 1971 года. Однако мы решили остаться в Оттаве. На пенсии у меня нашлось свободное время, чтобы поразмыслить над тем, чего я достиг.

27 мая 1995 года в Вими-хаус, филиале Канадского военного музея, я прочитал лекцию по «ягдпанцеру-IV». Дон Холмс попросил о месте для разговора своего друга и соседа, Дэна Глени из Военного музея. Среди слушателей был Джим Уитэм, руководитель музейной секции механизированной войны.

После лекции я не терял связи с Джимом, который в феврале 1997 года, шагая передо мной мимо нескольких бронетранспортеров у своего офиса в Вими-хаус, спросил: «Не хотели бы вы поработать у меня в качестве волонтера?» Я напомнил, что мне чуть больше семидесяти и я не буду заниматься никаким тяжелым трудом. Спящий в Джиме талант коммивояжера мгновенно заставил его отвести меня в библиотеку музея в Вими-хаус, которая теперь называется библиотекой Хатленда Молсона, где он направился прямо к тому, что можно было назвать UG-секцией, по-

скольку индексы книг по танкам и другим бронемашинам, которые указывались в заявках, начинались с букв UG. Я мог бы, сказал он, работать, отвечая на вопросы, касающиеся писательской и исследовательской работы по этому вопросу. Так я и занялся ответами на письма от имени музея.

В то время я, пока писал мемуары, не мог не сравнивать участь немецкого ветерана Второй мировой войны с участью его канадского коллеги. До сего дня — более 60 лет после окончания войны — рассказы о войне, которыми захотел бы поделиться ветеран Вермахта, в Германии не приветствуются. У него нет своей секции в Легионе (Королевский канадский легион — ассоциация ветеранов обеих мировых войн в Канаде. — *Прим. перев.*) или арендованной комнаты в арсенале, где он мог бы пуститься в воспоминания в компании товарищей военной поры. Он мог бы иметь возможность раз в два года посещать полковое или дивизионное собрание, если только ветеранская организация, как военная часть, вырастившая ее, не канула в вечность.

Если полковая или дивизионная ветеранская организация еще существует, она по закону должна маскироваться под благотворительное общество. С 1953 года — Германия тогда вооружала свой *бундесвер*, наследник Вермахта, — германские ветеранские организации были вынуждены соблюдать закон об общественном благе от 24 декабря 1953 года. Зарегистрированная Традиционная ассоциация содействия бывшим товарищам по оружию 7-й танковой дивизии, о чьей деятельности, включая собрания, я не знал до 1995 года, была основана в Кёльне в 1953 году. Согласно стр. 466 «7-й танковой дивизии во Второй мировой войне» законопослушная цель ассоциации состоит в следующем:

«...обеспечивать содействие товарищам по оружию [и] издавать печатные материалы, относящиеся к целям ассоциации. Более того, в течение продолжительного времени консультировать все власти, как-либо имеющие отношение к содействию товарищам по оружию, консультировать организации и отдельных лиц, как-либо связанных с работой содействующих товарищей, а также поддерживать иждивенцев, пропавших без вести и нуждающихся».

За немецким законодательством 1953 года о ветеранских ассоциациях последовал, 26 июля 1957 года, закон о наградах Третьего рейха. Соответственно, свастику во всех трех классах Железного креста сменили три дубовых листа в стиле 1813 года. Свастика исчезла со всех наград, оставив на большинстве пустое место. Хотя в Германии их можно было носить открыто, денацифицированные военные награды редко появлялись на одежде ветеранов Второй мировой — если только их владельцы не служили в бундесвере.

Австрия запрещает ношение любых наград Третьего рейха всеми военными и государственными служащими. Однако их носят в австрийских костюмных клубах и аналогичных группах, даже в оригинальной версии. Представьте,что вам нужно носить Lederhosen (кожаные шорты) ради того, чтобы показать свой Panzerkampfabzeichen in Silber (знак «За танковый бой» в серебре).

То, что с наград сняли оскорбительные символы, явно должно было означать, что их вручали за службу стране, а не режиму. Существует, как нам говорит *Symbole und Zeremoniell I Deutschen Streitkräften vom 18. bis zum 20. Jahrhundert* («Символы и церемониалы германских вооруженных сил с XVIII по XX в.») на стр. 62, прецедент такой перемены. Вид французского ордена Почетного легиона после кончины Наполеона был изменен. Вид его головы сменился головой другого

человека, вместо императорского орла на реверсе появились три лилии.

Нет никакой возможности вручения наград Третьего рейха после окончания войны. Исключение делается для любого из трех классов Verwundetenabzeichen (знак ранения — черный, серебряный или золотой), который можно носить, конечно, в денацифицированной форме, и без вручения до безоговорочной капитуляции Германии в 1945 году.

Независимо от места жительства немец-ветеран Второй мировой войны давно знаком с образом мыслей, породившим следующие строки — обратите внимание, что они на английском. Согласно Барлеттовскому словарю цитат, 12 издание, стр. 698, они были обнаружены на старой каменной караульной будке в Гибралтаре:

Снова замечают
Бога и солдат
В годину тяжких бедствий,
И больше никогда;
Война ушла с порога,
И все пришло в порядок —
И все забудут бога,
И выгонят солдата.

Канадский музей отчасти видится мне местом встречи солдат — молчаливых и тех, кто не очень скрытен и молчалив. Часто, после того как я долго слушаю рассказы канадских ветеранов о войне, меня спрашивают, в каком роде войск я служил. Держитесь за шляпу, говорю я им, после чего признаюсь, что был башенным стрелком в германском танковом полку. «На Восточном фронте», — торопливо добавляю я. Это дополнение, кажется, подбадривает моего собеседника, и мы можем еще немного поговорить.

Среди того огромного числа посетителей музея есть и ветераны канадских сил НАТО, многие из которых после 1949 года годами служили в Германии,

готовые дать отпор Советскому Союзу, бывшему военному союзнику Канады. Эти бывшие солдаты — некоторые достаточно стары, чтобы выглядеть ветеранами Второй мировой войны, — не носят медалей, которые отмечают воевавших, но, в общем и целом, так же дружелюбны, как и их более старые товарищи. Некоторые женаты на немках. Ни один не отзывается плохо о времени, проведенном в Германии.

Канадцы, воевавшие в Корее, также дружелюбный народ. Я сравниваю их азиатского врага, с которым они воевали, с тем, с которым я и мои друзья схватывались на Восточном фронте. В обществе друзей Канадского военного музея есть ветераны из каждой из вышеназванных категорий. Одна из наших функций — проводить регулярные экскурсии по музею.

Я рад, что мое волонтерство в музее привело меня к знакомству со столькими канадскими ветеранами, с дюжиной которых я каждую среду обедаю в Оттаве в офицерском клубе-столовой, чьим ассоциированным членом я стал.

Через несколько дней после 11 ноября 2000 года один из 12 парней, служивших во время войны в канадской бронетанковой части, спросил меня, отмечает ли Германия что-то подобное канадскому Дню поминовения. Я ответил, что нет, по крайней мере не в таком грандиозном масштабе, как в Канаде.

С 1920 по 1934 год Германия ежегодно отмечала *Volkstrauertag* (День национальной скорби). Потом, до 1945 года, день назывался *Heldengedenktag* (День поминовения героев). С 1945 года он снова назывался *Volkstrauertag*, день, который не следует путать с *Totensonntag* или *Totenfest* (церемония поминовения) евангелической церкви или *Allerseelen* (День всех святых) католической церкви.

Knaurs Lexicon издания 1959 года дает следующее

определение *Volkstrauertag*: «День национального поминовения павших на обеих Мировых войнах, второе воскресенье перед первым днем Рождественского поста». Поскольку Рождественский пост начинается за четыре воскресенья до Рождества, то *Volkstrauertag* падает на шестое воскресенье перед Рождеством, почти совпадая с 11 ноября.

Важно отметить, что правительство Федеративной Республики Германии официально объявило, что *Volkstrauertag* должен служить поминовению всех жертв деспотизма, а также всех других жертв войны.

Volkstrauertag обычно свободен от похоронных маршей, медалей, процессий, речей и возложения венков. Это, скорее, день, когда каждая семья поминает дома своих павших на войне или от деспотизма.

Однако по всей Германии стоят бесчисленные напоминания — красочные старые кенотафы, посвященные, в частности, героям страны. Например, на воинском мемориале у самого входа в большую церковь XII века в Фареле, городке в Северо-Западной Германии между Ольденбургом и Вильгельмсхафеном, над длинными списками имен героев общины — тех, кто не вернулся с обеих войн, — есть надпись: «Rausche ewig, du Eichenwald, und verkünde ihrem Ruhm». («Вечно шелести, дубовый лес, и возгласим им [нашим героям] славу».)

Эти слова нужно понимать так, что, в то время как память смертных о героях может ослабеть и исчезнуть, вечная Природа может вечно их помнить. Другими словами, этой надписью природу призывают помочь передать знание о героях.

Содержась в образцовом порядке, германские военные кладбища, включая и саму Германию, являются почестью павшим военным. Кладбище Героев в Вильгельмсхафене, где похоронены многие павшие в

сражении в Скагерраке, или в Ютландском сражении 1916 года, — одно из таких памятных захоронений.

В Вими-хаус Канадского военного музея служат квалифицированные сотрудники, каждый из которых имеет годы опыта в своей области и таким образом дает компетентные указания волонтерам музея.

Из небольшого штата управляющих Вими-хаус большинство — и здесь я в первую очередь вспомню Дэна Глени — имеют прекрасное взаимопонимание с волонтерами.

Мой опыт работы в Вими-хаус заставляет меня думать, что при усердной работе и минимальном надзоре со стороны волонтер создает себе не единственную область компетенции; у него есть возможность развиваться многогранно, что делает его работу в музее еще интереснее. Однако волонтер не достигнет многогранности, постоянно спрашивая того или иного работника, что делать дальше. Конечно, у каждого волонтера есть своя область интереса. Моя — вы правильно угадали — танки всех видов. До сих пор, поскольку многие музейные артефакты немецкого производства, мне почти гарантирована многопрофильность исследователя, но без обреченности заниматься только сделанным в Германии.

Нижеследующее письмо, 21 августа 1998 года, по длине такое же, как множество других, написанных мной в Вими-хаус:

«Благодарю вас за запрос от 22 июля 1998 года, переданный мне с просьбой ответить от имени музея. Фотография, приложенная к вашему письму, конечно, привела к идентификации оружия, изображенного на ней.

В дополнение к фотокопиям титульного листа и оборота титула книги «Японское оружие» прилагаю

фотокопию страницы книги, где описывается 20-мм зенитно-противотанковая автоматическая пушка «Модель 98» (1938) — оружие, о котором вы спрашивали.

Пожалуйста, обратите внимание, что прилагаемая фотокопия обложки книги имеет заголовок и подзаголовок: «Оружие Второй мировой войны: японское».

Согласно учетным записям наш экземпляр японской 20-мм автоматической пушки «Модель 98» имеет следующие измерения: высота 127 см, длина 275 см, ширина 120 см. Эти цифры относятся к пушке, находящейся в экспозиции музея.

Те же учетные записи гласят, что орудие произведено в 1936 году [sic] в Японии, государственным арсеналом Нагоя, имеет серийный номер 836 и подарено музею Министерством обороны 16 ноября 1945 года».

Другая сенсация в Вими-хаус появилась благодаря пониманию того, что некоторое имущество, оставшееся от Второй мировой войны, до сих пор находится в превосходном состоянии.

Начав изучать немецкий надувной спасательный жилет, или «Мэй вест», произведенный в декабре 1940 года, я осторожно повернул сломанную бакелитовую ручку клапана на конце баллона со сжатым воздухом, надувая воздушный мешок жилета, — а он оказался целым и не сдулся после этого. Небольшая металлическая пломба, висевшая на конце оборванного шнура, прикрепленного к ручке клапана, как я заметил, держалась на честном слове.

Фотограф Вими-хаус, услышав о таком чуде, немедленно схватил старый «Мэй вест», отнес его в свою студию, надел его на пластиковый манекен и начал

его демонстрировать там и сям, даже рассылая электронные письма руководству музея с приглашением осмотреть его.

Иногда, по дороге через галерею военной техники Вими-хаус, я поднимаюсь на несколько ступеней к деревянной обзорной платформе, которую Джим Уитхэм очень кстати установил у правого борта рубки «ягдпанцера-IV», с которой сняли 20-мм бронированную крышу. Потом я гляжу вниз, на боевое отделение нетронутого «ягдпанцера-IV-V», — обратите внимание на добавление буквы V, соответствующей слову *Vomag*, то есть «Фоглендише Машиненфабрик АГ» из города Плауэн в Саксонии, — и вижу массивный откатный механизм когда-то могучего 75-мм орудия, на котором — я знаю это — оттиснут производственный код *bcd*. Код соответствует веймарскому заводу«Густлофф Верке».

Веймар, в свою очередь, напоминает о величайшем немецком поэте Йохане Вольфганге фон Гёте (1749—1832), проведшем там большую часть своих лет, отданных творчеству. Четыре строки, написанные Гёте и озаглавленные «Солдатская утеха», рисуют жизнь, сильно отличавшуюся от той, что проходит в боевом отделении:

Nein, hier hat es keine Not,
Schwarze Mädchen, weisses Brot.
Morgen in ein ander Städtchen:
Schwarzes Brot und weisse Mädchen!

(Нет, нужды здесь вовсе нет —
К черным девам — белый хлеб!
Завтра двинем в новый город —
Белы девы, хлеб же черен.)

Добавив точности в отображение идей, заложенных в оригинал Гёте, я сделал другой перевод «Солдатской утехи»:

Мы устроились отлично —
Девы черны, хлеб — пшеничный.
Завтра же — другое дело:
Хлеб — ржаной, но девы — белы!

Вскоре мои мысли вернулись к четырем строчкам из пятого, последнего, куплета *Panzerlied* («Песни танкистов»), — сроках о возможности — вполне вероятной — смерти, которая придет за тобой в боевое отделение:

Und lässt uns im Stich einst das treulose Glück,
Und kehren wir nicht mehr zur Heimat zurück,
Trifft uns die Todeskugel, ruft uns das Schicksal ab,
Dann ist unser panzer ein einhernes Grab.

(А если оставит в беде нас судьба,
Домой не вернемся уже никогда,
И огненный шквал грянет с новою силой,
То станет нам танк железной могилой.)

Наконец, спускаясь с обзорной платформы, я рад, что старый «ягдпанцер-IV», у борта которого я ненадолго задумался, не закончил свои дни продырявленной закопченной коробкой, по которой расплесканы останки экипажа.

Я еще более рад, что Канадский военный музей приводит посетителей, и не только ветеранов, в совершенно созерцательное расположение духа.

Приложения

ТРИ СТАТЬИ, КОММЕНТИРУЮЩИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИСТОВ В КАНАДЕ ПЕРЕД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

«Китченер Дэйли Рекорд»

КИТЧЕНЕР, ОНТАРИО,
ВТОРНИК, 16 МАРТА 1939 г.

Парней из Китченера вынудили поехать в Германию, как предполагается — под предлогом выгодной работы в Рейхе.

Из любви к идеям канцлера Адольфа Гитлера или после предложения денег несколько молодых людей Китченера выразили свое согласие поехать в Германию, чтобы принять активное участие в делах этой страны.

Согласно данным, полученным «Рекорд» от лица, — чье имя, по понятным причинам, должно остаться неназванным, — несколько членов семей бывших русских меннонитов и еще один-два жителя города вскоре отплывают в Германию.

Никогда не жили в Германии

Никто из упомянутых лиц никогда не жил в Германии. Они жили в части России, населенной лицами германского происхождения, и прибыли в Канаду как иммигранты. Однако желание стать частью гитлеровского движения в Великой Германии привело их к решению стать гражданами страны, которой они никогда не видели.

По сведениям источника «Рекорд», за поездку в Германию агент нацистов в нашей стране предложил этим парням материальное вознаграждение. Деньги на проезд выдавались на условиях того, что они вернут их, когда смогут.

Привлекательные предложения

В качестве стимула соединиться с Германией молодые люди явно получают привлекательные предложения. Один из них собирается работать на ферме, где ему будут платить за такую работу значительные деньги, а другой собирается вступить в военно-воздушные силы Германии.

Один из уезжающих юнцов, будучи спрошен об этом, отрицал, что едет в Германию не на добровольной основе или даже в ожидании особых льгот, которые ему будут предоставлены. Сейчас он житель Китченера и занимает в городе достойное положение.

«Я думал, что каждого человека, симпатизирующего наци, побуждали отправиться в Германию, — но сейчас я считаю, что такое предложение было сделано только этим ребятам», — сказал информант «Рекорд».

Перед отправлением в Нациленд, как ожидается, местный немецкий клуб устроит этим молодым людям прощальную вечеринку.

«Китченер Дэйли Рекорд»

КИТЧЕНЕР, ОНТАРИО,
ПОНЕДЕЛЬНИК, 20 МАРТА 1939 г.

Расследование продолжается

Отец четырех детей, уезжающий в Германию, получил 4300 долларов в виде пособий

Достопочтенный Гордон Конант, генеральный прокурор Онтарио, сказал сегодня в Торонто, что не может понять, «о чем все это кипение эмоций», связан-

ное с ожидаемым отбытием пяти молодых канадцев немецкого происхождения из Китченера на постоянное жительство в Германию.

Даже если сообщения о том, что Германия субсидирует иммигрантов, правдивы, в этом нет ничего предосудительного, заявил г-н Конант. Канада субсидирует иммигрантов из других стран, и Германия имеет право субсидировать тех, кто хочет переехать из Канады в Германию.

Отплытие из Нью-Йорка

Замечания министра были оглашены в связи с отбытием из Китченера утром сегодняшнего дня Хелены Эсау, 16 лет, ее троих братьев, Якоба, Джорджа и Генри, и еще одного неустановленного лица. В субботу вечером этим пятерым в Китченере была устроена прощальная вечеринка Дойчер-Бунд-Клуба, а завтра, как считается, назначено их отплытие из Нью-Йорка.

Сегодня генеральный прокурор будет связываться с местными властями по вопросу отъезда этих людей.

Провинциальная полиция в Китченере, сказал г-н Конант, расследует обстоятельства их отъезда. Тем временем он намерен узнать, что по этому вопросу известно в Оттаве.

Генеральный прокурор выразил сомнение в том, какие действия могут предпринять власти Онтарио. Слухи о том, что проезд четверых молодых людей и одной молодой женщины оплачен из пронацистских источников, сейчас находятся на рассмотрении, заявил он.

Вопрос федерального уровня

«Я признаю, что этим молодым людям потребуется паспорт, — сказал г-н Конант. — Это вопрос, находящийся целиком в юрисдикции Оттавы. Насколько я сейчас могу судить, до тех пор, пока не нарушен

закон о зачислении иностранцев на военную службу, не существует никаких действий, которые могли бы предпринять власти Онтарио».

Г-н Конант сказал, что считает возможным, что в Оттаве имеется информация об отбытии этих пятерых в Германию.

Он, однако, разъяснил, что намерен узнать, существует ли организованная практика соблазнения молодых людей германского происхождения вернуться в страну Гитлера.

Как продолжил генеральный прокурор, его расследование обстоятельств отбытия этих пятерых, департамент пособий Китченера углубился в свои записи в поисках информации о Джордже П. Эсау, отце четверых из них.

10 лет на пособии

Представители департамента узнали, что Эсау получал денежное пособие 10 из 11 лет пребывания в нашей стране. За это время через отдел государственных пособий он получил примерно 4200 долларов.

Председатель К.К. Хан выразил негодование тем, что четыре члена семьи из пяти собираются уехать в Старый Свет. Здесь у них хорошая работа, указал он, и они отбывают не из-за безработицы.

«Как раз в это время, когда тони должны работать и помогать содержать семью, в которой 12 детей, они все бросают и уезжают в другую страну.

Вот к чему все сводится: мы здесь их поддерживаем, помогаем их растить, а теперь они едут в Германию, никак не помогая нам. В случае войны, в которую будут вовлечены Германия и Британия, очень возможно, что они будут призваны воевать против наших парней. Мы здесь заботились о них, чтобы они могли участвовать в уничтожении нашей собственной молодежи», — заявил он.

«Китченер Дэйли Рекорд»

КИТЧЕНЕР, ОНТАРИО,
ВТОРНИК, 21 МАРТА 1939 г.

Оттава не будет удерживать в стране пятерку из Китченера. Правительство не может сделать ничего, чтобы помешать их отплытию

ОТТАВА, 21 марта — Правительство Доминиона не будет предпринимать каких-либо действий, чтобы удержать пятерых молодых людей из Китченера от отплытия из Канады в Германию.

Правительство не может сделать ничего, чтобы помешать их отплытию. Оно может контролировать иммиграцию в Канаду, но не может помешать ни одному канадцу поехать туда, куда он захочет.

Сегодня было заявлено, что во время Великой войны был принят Закон о мерах военного времени, чтобы помешать молодым людям призывного возраста выехать из Канады без разрешения. Это был единственный раз в истории Канады, когда действовал запрет на отъезд из Канады. Он вступал в силу, когда приближался призывной возраст.

Чарльз Линч,
корреспондент «Китченер Рекорд»

Акт не действует

С тех пор Закон о мерах военного времени не действует. Дверь Канады не распахивается в обе стороны. Она открывается вовнутрь для тех, кто хочет обосноваться в Доминионе и согласен с правилами иммиграции.

(Пять человек, имеющихся в виду, Якоб, Джордж, Хелен и Генри Эсау и еще один человек, чье имя неизвестно, вчера выехали из Китченера и сегодня отплывают из Нью-Йорка в Европу.)

Много обсуждаемое расследование генерального прокурора Гордона Конанта не обнаружило никаких

свидетельств нарушения законов провинции, как сообщают из Торонто, и дело передается в федеральное правительство.

По имеющимся сведениям, Королевская канадская конная полиция наблюдает за местной деятельностью нацистской партии, насчитывающей здесь 17 известных членов.

Многие немцы в Китченере последовательно настаивают на том, что они так же не расположены к распространению нацистской пропаганды, как и канадцы. Предположение, что они не являются добропорядочными канадцами, уже вызвало протесты многих из них.

«Когда нацистская пропаганда становится явной, мы испытываем такое же раздражение, что и другие канадцы — но что мы можем поделать? Власти ничего не предпринимают, а мы не можем ничего сделать от своего собственного имени. Канада однажды может пожалеть, что так легкомысленно относилась к этому вопросу, — заявил сегодня один канадец немецкого происхождения, живущий в Китченере уже несколько лет. «Не получающая отпора работа изнутри — это типичная манера нацистов собирать силы для будущего».

7-Я ТАНКОВАЯ ДИВИЗИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР, 1944—1945

Оргструктура:

Панцер-гренадир-регимент 6 (полк панцергренадер (мотопехоты). — *Прим. перев.*)

Панцер-гренадир-регимент 7

Панцер-регимент 25 (танковый полк. — *Прим. перев.*)

Панцер-Ауфклерунгс-Абтайлунг 7 (батальон разведки. — *Прим. перев.*)

Панцерартиллери-регимент 78 (артиллерийский полк. — *Прим. перев.*)

Панцеръягер-Абтайлунг 42 (дивизион ПТО. — *Прим. перев.*)

Панцер-Пионеер-Абтайлунг 58 (саперный батальон. — *Прим. перев.*)

Хеерес-Флак-Абтайлунг (войсковой зенитный дивизион. — *Прим. перев.*)

Панцер-Нахрихтен-Абтайлунг (батальон связи. — *Прим. перев.*)

Кдр-Панцер-Дивизион-Нахшуб-Труппен 58 (взвод материально-технического снабжения. — *Прим. перев.*)

Фельдерзатц-Батальон 78 (запасный батальон. — *Прим. перев.*)

Боевая служба 1944—1945

На отдыхе и перевооружении с середины апреля до середины июня 1944 г., в распоряжении 4—1 танковой армии, к западу от Бродов. Погрузка в эшелоны в начале июля, переброска из Броды-Станислав в группу армий «Центр», у Лиды.

Июль — сентябрь 1944 г. — контратаки под Лидой, оборонительные операции к северо-западу от Вильнюса, в районе Меркине (4-я армия). Переведена в 3-ю танковую армию, районы сбора — к западу от Риги, к северо-западу от Аутца-Доблена. Середина августа — контратаки (в составе XL танкового корпуса) в районе Шаулена-Доблена, Литва/Латвия. Сентябрь — оборонительные действия к северо-западу от Доблена (в составе XXXIX танкового корпуса). Октябрь — ноябрь — оборона к северу от Доблена/к западу от Либавы, отступление к Балтийскому морю. Оборона плацдармов вокруг города и гавани Мемеля (XXVIII корпус). В конце ноября — эвакуация морем в Пиллау,

отдых и доформирование. Декабрь 1944 г. — январь 1945 г. — в резерве 2-й армии, группа армий «Север», за плацдармом Нарев.

Середина января 1945 г. — контратаки и действия в обороне в Южной и Западной Пруссии (VII корпус, 2-я армия). Отступление в Западную Пруссию через Грауденц, в направлении Мариенбург — Данциг. Контратаки в юго-восточном направлении от Кольберга, между 3-й танковой армией и 2-й армией. Действия в обороне в районе Руммельсбурга и Коница (все еще с VII корпусом). Отступление на оборонительные позиции вокруг Готенхафена — Данцига, оборона Данцига, эвакуация через Хелу в Свинемюнде. Разбитые остатки служат резервными частями 3-й танковой армии. 5 мая 1945 г. большая часть дивизии сдается в плен американцам и британцам в Мекленбурге.

ТТХ НЕКОТОРЫХ ГЕРМАНСКИЙ ТАНКОВ И САУ, УПОМИНАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ.

Panzerkampfwagen IV Ausf H (Sd Kfz 161/2)

Тип: средний танк
Производитель: Крупп-Грузон, Фомаг, Нибелунгенверке
Номера шасси: 84401—91500
Произведено с апреля 1943 г. по июль 1944 г.: 3774

Экипаж: 5 человек
Вес (т): 25
Ширина (м): 2,88
Высота (м): 2,68

Двигатель: Майбах HL120TRM
Коробка передач: 6 вперед, 1 назад
Запас хода (км): 210
Радиостанция: FuG5

Вооружение: 1 75-мм орудие KWK40 L/48	Один 7,92-мм МГ-34	Один 7,92-мм МГ-34
Горизонтальный сектор обстрела: 360 (электропривод)	=	Ручная наводка

Угол возвышения: —8 +20	=	
Прицел: TZF5f/1	=	KgZF2
Боекомплект: 87 бр, ОФ + дымовые	3150 патронов SmK	

Бронирование (мм/угол):	Лоб	Борт	Корма	Верх/низ
Башня:	50/10	30/26	30/15	15/84—90
Надстройка	80/10	30/0	20/11	12/85—90
Корпус	80/14	30/0	20/8	10/90
Маска орудия	50/0—300			

Panzerkampfwagen IV Ausf J (Sd Kfz 161/2)

Тип: средний танк
Производитель: Нибелунгенверке
Номера шасси: 91501 —
Произведено с июня 1944 г по март 1945 г.: 1758

Экипаж: 5 человек
Вес (т): 25
Ширина (м): 2,88
Высота (м): 2,68

Двигатель: Майбах HL120TRM112
Скорость (км/ч): 38
Запас хода (км): 320
Радиостанция: FuG5

Вооружение: одно 75-мм орудие KWK40 L/48	Один 7,92-мм пулемет МГ-34	Один 7,92-мм пулемет МГ-34
Горизонтальный сектор обстрела: 360 (ручная наводка)	=	Ручная наводка
Угол возвышения: —8 +20	=	
Прицел: TZF5f/2	=	KgZF2
Боекомплект: 87 бр, ОФ + дымовые	3150 патронов SmK	

Бронирование (мм/угол):	Лоб	Борт	Корма	Верх/низ
Башня:	50/10	30/25	30/15	18/86 и 26/90
Надстройка	80/8	30/0	20/10	12/85—90
Корпус	80/15	30/0	20/10	10/90
Маска орудия	50/0—300			

Jagdpanzer IV/70(V) (Sd Kfz 162/1)

Тип: истребитель танков
Производитель: Фомаг
Номера шасси: 320001—321725
Произведено с августа 1944 г. по март 1945 г.: 930

Экипаж: 4 человека
Вес (т): 25
Длина (м): 8,5
Ширина (м): 3,17
Высота (м): 1,85

Двигатель: Майбах HL120TRM
Коробка передач: 6 вперед, 1 назад
Скорость (км/ч): 35
Запас хода (км): 210
Радиостанция: FuGSprf

Вооружение: одно 75-мм орудие PaK42 L/70	Один 7,92-мм пулемет МГ-34
Горизонтальный сектор обстрела: 10 влево и 10 вправо (ручная наводка)	Ручная наводка
Угол возвышения: —5 +15 ,	
Прицел: SflZF,	
Боекомплект: 55	600

Бронирование (мм/угол):	Лоб	Борт	Корма	Верх/низ
Надстройка	80/50	40/30	20/35	20/90
Корпус (верх)	80/45	30/0	20/11	10/90
Корпус (низ)	50/55	30/0	20/9	12+10—10/90
Маска орудия	80/маска типа Saukopfblende			

Информация в этом приложении взята из книги Питера Чемберлена и Хилари Дойл «Энциклопедия германских танков Второй мировой войны» (исправленное издание), Лондон, «Армз энд Армор Пресс», 1993. Настоящим уведомляются правообладатели.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЗАПИСКА О КОЛИЧЕСТВЕ КАНАДЦЕВ, ВИДЕВШИХ ТАНК «ПАНТЕРА» В ИТАЛИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Один из способов определить примерное количество канадцев, которые во время Второй мировой войны должны были познакомиться с немецким танком «пантера» в Италии и С-З Европе — воспользоваться некоторыми данными, собранными в книге Г.В.Л. Николсона «Артиллеристы Канады». Ее алфавитный указатель перечисляет канадские танковые, противотанковые и пехотные полки, которые служили на этих двух театрах Второй мировой войны.

Умножая перечисленные Николсоном канадские противотанковые полки в Италии и С-З Европе на их численность военного времени, дает приблизительное число канадцев, которые были вынуждены познакомиться с танком «пантера».

«Артиллеристы Канады», стр. 740—41, 743, 752, показывает следующие цифры, к которым приложена численность личного состава по воспоминаниям ветеранов Второй мировой войны — «Друзей Канадского военного музея».

Танковые части

16 полков, в каждом 600 человек, всего 9600 человек

Противотанковые части
8 полков по 550 человек, всего 4400 человек
Пехотные части
4 по 800 человек, всего 32 000 человек

Таким образом, 46 000 канадцев, служивших в этих 64 полках, должны были знать своего противника, танк «пантера». Также несомненно, что многие канадцы, служившие в других частях, видели брошенные или уничтоженные танки «пантера», например на обочинах дорог в Италии и С-З Европе.

«В огне войны,1939—1945: Официальная история королевских канадских военно-воздушных сил», том III, стр. 308, констатирует: «Люфтваффе в Италии были так слабы, что не было причины занимать эскадрильи истребителей исключительно обеспечением превосходства в воздухе». Следовательно, Италия не была страной, где канадские самолеты боролись с танками «пантера».

Хотя эта книга редко упоминает использование танков «пантера», она снова и снова рассказывает об уничтожении, в основном истребителями-бомбардировщиками «Хоукер-Тайфун», канадских ВВС.

«Канадская армия1939—1945: Официальный исторический очерк», написанный Си. Пи. Стэйси, на стр. 353—54 перечисляет, под заглавием «Войска противника», 14 танковых дивизий, которые столкнулись с канадцами в Италии и С-З Европе.

«История танковых войск 1916—1945» Вернера Хаупта, стр. 191, указывает, что в 1944 г. танковый полк — ядром каждой танковой дивизии был один такой полк — был вооружен, самое большее, 73 танками «пантера».

Эти 73 «пантеры» были сведены в четыре роты первого батальона танкового полка. Кстати, в 1944 г. второй батальон танкового полка, также состоявший из четырех рот, имел до 86 PzIV и/или «ягдпанцеров-IV».

Теоретически 14 танковых полков, в каждом по 73 «пантеры», означали 1022 «пантеры» на поле боя.

Опубликованные данные по производству «пантер» разнятся. Брюс Калвер и Дон Гир в книге «Пантера» в действии», стр. 4, указывают: «Немцы изготовили 4814 танков «пантера»...» Йен В. Хогг в «Справочник Гринхилла по бронированным боевым машинам», стр. 80, говорит, что было построено около 5500 «пантер». «Танки и бронемашины Второй мировой войны» Джима Винчестера, стр. 38, определяют общее количество произведенных «пантер» в 5976 машин. «Энциклопедия танков и боевых бронемашин» под общей редакцией Кристофера Ф. Фосса на стр. 242 гласит: «Общее производство «пантер» к февралю 1945 г. достигло лишь 6131...»

Независимо от разночтений между вышеприведенными цифрами, танки «пантера» могли встретить в бою, или хотя бы увидеть, десятки тысяч канадцев, служивших во время войны в Италии и С-З Европе.

Следующие интересные подробности относятся к канадцам, служившим во время Второй мировой войны в Италии.

«Канадская армия 1939—1945: Официальный исторический очерк» постоянно ссылается на встреченные канадскими частями смертоносные противотанковые позиции немцев, состоящие из башен танка

«пантера» в бетонном основании. В книге есть две картины канадских баталистов, изображающие ДОСы с башнями от «пантер».

Роман Джей. Яримович, в «Танковая тактика от Нормани до Лорейна» на стр. 273, заявляет следующее: «Первую «пантеру», подбитую Союзниками в Европе во время наступления на «Линию Гитлера» 24 мая 1944 г. (за две недели до Дня Д), подбили Драгуны Британской Колумбии». Фактически Советы уничтожили множество «пантер» в европейской части России, а именно в Курской битве, в июле 1943 г.

«Канадская армия 1939—1945» на стр. 154—55 ссылается на самое примечательное происшествие, связанное с танками «пантера»:

«Когда полк Хайлендеров Сифорта оборонял свой с таким трудом захваченный плацдарм, там произошел очень примечательный случай личного героизма. Когда правая передовая рота подтягивалась к цели, ее неожиданно контратаковала группа из трех «пантер» при поддержке двух самоходных оружий и взвода пехоты. С необычайным хладнокровием рядовой Эрнст Альвия Смит, солдат взвода истребителей танков, позволил одной из «пантер» подойти на дистанцию в 30 футов, после чего выстрелил из своего «пиата» и вывел ее из строя».

Библиография

«Полевой устав № 462: использование пулемета и винтовки по летящим целям» Главнокомандование вермахта, 18 января 1935 г.

Полевой устав № 86, «Армейская поваренная книга». Главнокомандование Вермахта, 16 августа 1941 г.

Bartlett, John. *Bartlett's Familiar Quotations*, 12th ed., Boston: Little, Brown and Company, 1951.

Bender, Roger James, and Warren W. Odegard. *Uniforms, Organisation and History of the Panzertruppe*. San Jose: R. James Bender Publishing, 1980.

Chamberlain, Peter, and Hilary Doyle. Technical Editor Thomas L. Jentz. *Encyclopedia of German Tanks of World War Two*. London: Arms and Armour, 1999.

Dean, I.C.B., General Editor. *The Oxford Companions to World War II*. Oxford: Oxford University Press, 1995.

Encyclopedia Americana. Canadian Edition. Montreal: Americana Corporation of Canada Limited, 1962.

Jentz, Tom, Hilary Doyle, and Peter Sarson. *Kingtiger Heavy Tank 1942—1945*. London: Osprey, 1995.

Knaurs Lexicon A-Z. München: Droemersche Verlaugsctadt Th. Knaur Nachf., 1959.

Macksey, Kenneth, and John H. Bachelor. *Tank: A History of the Armoured Fighting Vehicle*. New York: Ballatine, 1971.

Manteuffel, Hasso E. von. *Die 7. Panzer-Division im Zweiten Weltkrieg: Einsatz und Kampf der «Gespenster-Division»*. Friedberg 3: Podzun-Pallas-Verlag GmbH, 1986.

Manteuffel, Hasso E. von. *The 7. Panzer-Division: An Illustrated History of Rommel's «Ghost Division» 1938—1945*. Atglen, Pa: Schiffer Publishing, 2000.

Nafziger, George F. *The German Order of battle: Panzer and Artillery in World War II*. Mechanicsburg, Pennsylvania: Stackpole Books, 1999.

Perrett, Bryan. *The Panzerkampfwagen IV*. London: Osprey, 1991.

Perrett, Bryan. *The PzKpfw V: Panther*. London: Osprey, 1991.

Rokossovsky, K[onstantin]. *A Soldier's Duty*. Trans. Vladimir Talmy. Moscow: Progress Publishers, 1970.

Scheibert, Horst. *Jagdpanzer IV-Jagdpanther*. West Chester, Pennsylvania, 1991.
Scheibert, Horst. *Tiger I*. Trans. Dr. Edward Force. West Chester, Pennsylvania, 1991.
Scheibert, Horst, und Ulrich Elfrath. *Panzer in Russland: Die deutschen gepanzerten Verbände im Russland-Feldzug 1941—1944*. Dorheim: Podzun-Verlag, 1971.
Schroeder, William, and Helmut T. Huebert. *Mennonite Historical Atlas*, 2nd ed. Winnipeg: Springfield Publishers, 1996
Spielberger, Walter J. *Panther & Its Variants*. Trans. Don Cox. Atglen, Pennsylvania: Schiffer, 1993.
Stein, Hans-Peter. *Symbole und Zeremoniell in deutschen Streitkraften vom 18. bis zum 20. Jahrhundert* Herford: Verlag E.S. Mitlter & Sohn, 1991.
The Random House College Dictionary, Rev. ed. New York: Random House, Inc., 1975.

Оглавление

Научно-популярное издание

Вторая Мировая война. Жизнь и смерть на Восточном фронте

Клаус Штикельмайер

ОТКРОВЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ИСТРЕБИТЕЛЯ ТАНКОВ. ТАНКОВЫЙ СТРЕЛОК

Ответственный редактор *С. Кузнецов*

Художественный редактор *П. Волков*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *С. Кладов*

Корректор *Н. Друх*

ООО «Яуза-пресс».
109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2. Тел. (495) 745-58-23,
факс 411-68-86-2253.

Подписано в печать 05.08.2010.
Формат 84 х108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 3000 экз. Заказ №4032015

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-9955-0186-2

9 785995 501862 >

После прихода Гитлера к власти в Германию начали возвращаться этнические немцы – фольксдойче, предков которых судьба разбросала по всему миру. Автор этой книги родился на Украине, откуда его семья эмигрировала в Канаду. Весной 1939 года Клаус Штикельмайер вернулся на историческую родину и вскоре был призван в Вермахт. Служил в 7-й танковой дивизии наводчиком на Pz IV, затем его перевели на самоходку Jagdpanzer IV – так из ***Panzerschütze*** (танкиста) он превратился в ***Panzerjäger***`а (истребителя танков).

Как и многим его сослуживцам, попавшим на фронт после Курской битвы, Штикельмайеру не довелось испытать радость побед – в это время Красная Армия уже перехватила стратегическую инициативу и громила гитлеровцев на всех направлениях, – так что на их долю выпали лишь отступления и поражения. Автор прошел через тяжелейшие оборонительные бои в Румынии и Литве, чудом выжил в кромешном аду Восточной Пруссии – чтобы в своих уникальных мемуарах рассказать правду об ужасах войны, о жизни и смерти на Восточном фронте.

ISBN 978-5-9955-0186-2
9 785995 501862 >